

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

1
2016
ЯНВАРЬ •
ФЕВРАЛЬ •

Содержание

СТАТЬИ

- Думиника И.И.* (Кишинев). К истории сербской эмиграции в Бессарабии в первой половине XIX века 3
- Виноградов В.Н.* (Москва). Монархии румынских Гогенцоллернов и Романовых: черты сходства и различия 13
- Оськин М.В.* (Тула). Недоверчивые союзники по Антанте: к вопросу о русско-румынском сотрудничестве в период Первой мировой войны 19
- Животич А.* (Белград). Югославская дипломатия между Суэцким и Венгерским кризисами ... 30
- Улунян Ар.А.* (Москва). Послепражский 1969-й: угроза «румынского вопроса» по версии советской военной разведки 46

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

- Волокитина Т.В., Валева Е.Л.* (Москва). У истоков советской исторической болгаристики. К 100-летию Любомира Борисовича Валева (1915–1981) 57
- Женюх П.* (Братислава). Двадцать лет институционализации славистики в Словацкой академии наук 70

СООБЩЕНИЯ

- Каптанова О.С.* (Москва). Венский конгресс 1814–1815 годов и организация польской армии 79
- Медоваров М.В.* (Нижний Новгород). А.А. Киреев и русско-болгарские отношения второй половины XIX – начала XX века 91
- Пихурик Ю.* (Сегед). Правда солдатских дневников и военная пропаганда в Венгрии в 1942–1943 годах 98

РЕЦЕНЗИИ

- Улунян Ар.А.* Балканы в европейских политических проектах XIX – XXI вв. Сборник статей / Отв. ред. Р.П. Гришина 106
- Шевченко Р. В.* Гросул. Молдавское движение до и после образования Румынии (1821–1866) 112
- Лыкошина Л.С.* Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память . 117

Шанова З.К. Международная конференция «Научное наследие и развитие идей Юрия Сергеевича Маслова»	122
Калашиникова Н.Ю. Центральная и Юго-Восточная Европа: между Москвой и Брюсселем.....	124

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИППИУС,
В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ, В.В. МОЧАЛОВА,
К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© 2016 г. И.И. ДУМИНИКА

К ИСТОРИИ СЕРБСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В БЕССАРАБИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Одним из мест прибежища сербов в Российской империи после русско-турецких войн начала XIX в. и в особенности после неудавшегося первого сербского восстания 1804–1813 гг. стала Бессарабия, где сложилась сербская диаспора, оставившая след в истории этого края. В работе прослеживается миграции сербов и формирование сербской диаспоры Бессарабии, показаны ее судьбы на протяжении XIX в.

One of the places in the Russian Empire, where Serbs had been finding refuge after the Russian-Turkish wars of the early nineteenth century, especially after the unsuccessful Serbian uprising of 1804–1813, became Bessarabia. The Serbian diaspora which lived there left its trace on the history of the region. The article considers the Serbian migration and the formation of the Serbian diaspora in Bessarabia, shows its destiny in the nineteenth century.

Ключевые слова: Сербия, Карагеоргий, Бессарабия, русско-турецкие войны, миграционные процессы в Юго-Восточной Европе.

Keywords: Serbia, Karagorge, Bessarabia, Russian-Turkish wars, migration processes in South-Eastern Europe.

Миграция балканских народов на окраины Российской империи в конце XVIII – первые десятилетия XIX вв. стала предметом довольно богатой историографии, ведущей истоки от работ, опубликованных еще во второй половине XIX в. Однако эта большая тема изучена весьма неравномерно. Так, переселение сербов в Бессарабию лишь в последнее время становится предметом специального изучения. Такое положение вполне объяснимо, ведь иммиграция сербов не была столь же массовой, как в случае с болгарами. Кроме того, в отличие от тех же болгар, сербская диаспора не основала в Бессарабии значительных колоний.

Впервые о сербах в Бессарабии упоминает русский путешественник Д.Н. Бантыш-Каменский, посетивший этот край в начале XIX в. Он так характеризует сербов: «Народ сей, мужественен и храбр, они очень набожны, строго соблюдают пост и ни за что не едят мяса» [1. С. 135]. Через полвека П. Кеппен писал о том, что в 1804 г. в Тираспольский уезд Херсонской губернии из Черногории и Герцеговины переселились 97 сербов во главе с сердаром Миной Нушичем, позже они получили в своей губернии дворянский статус [2. С. 426]. По данным П.П. Свиньина, сербы переселились в Бессарабию из Австрийской империи в 1814 г. «с храбрым вождем их Георгием Петровичем Черным в числе 72 семейств» [3. С. 246]. Их поселили в Южной Бессарабии в урочище Табак (близ современного г. Болград, Одесская область Украины), где для пришельцев

Думиника Иван Иванович – канд. ист. наук, научный сотрудник Института культурного наследия Молдавской академии наук (г. Кишинев).

были заранее заготовлены припасы. Свиньин не противоречил Кеппену, поскольку признал, что другую партию сербских переселенцев по «высочайшему указу» приказано было разместить в Новороссийском крае на правах колонистов, они были приписаны к Бугскому казачьему войску.

В сборнике начала XX в., вышедшем под редакцией известного крайне правого бессарабского политика, будущего члена Государственной Думы П.А. Крушевана, сербским переселенцам уделена лишь одна строчка – о том, что они проживают на юге Бессарабии в некоторых болгарских поселениях близ реки Ялпуг [4. С. 125]. Об этом же кратко упомянул чуть позже Н.В. Лашков, не уделивший в работе внимания детальному анализу этнической структуры края [5. С. 59]. В позднейшей российской историографии этой темы коснулась И.И. Лещиловская, прежде всего в контексте изучения личности Карагеоргия [6. С. 78–89]. Она привела неизвестные доселе факты о том, что еще в 90-е годы XVIII в. из Герцеговины бежали от турецкого ига в Черногорию 200 сербских семей; 22 из них во главе с сердаром М. Никшичем было разрешено в 1803 г. разместиться в Тираспольском уезде [7. С. 289].

В румынской литературе тему впервые затронул еще в конце XIX в. уроженец Бессарабии З. Арборе, упомянувший о том, что в 1809 г. в потоке беженцев-болгар было и некоторое количество сербов [8. Р. 86]. Вскоре в самой Бессарабии к той же проблеме обратился И. Халиппа, которого особенно интересовало сербское духовенство. Исследователь подробно описал фигуру сербского митрополита, грека по происхождению, Леонтия Ломбаровича [9. С. 46]. В 1930-е годы сербской иммиграции посвятил ряд статей известный румынский историк Г. Безвикони [10. Р. 53–54; 11. Р. 13–16; 12. Р. 17–25]. Опираясь на документы, он довольно подробно описал процесс переселения в Бессарабию сербов под предводительством Карагеоргия. Заслуга Безвикони состоит в том, что он впервые в историографии задался целью проследить дальнейшую судьбу в Бессарабии отпрысков фамилии Карагеоргиевичей [12. Р. 24–25].

В поздней советской литературе о бессарабских сербах писал ведущий молдавский этнограф В.С. Зеленчук. Обратившись к архивным источникам, он установил, что в 1820 г. по указу Сената сербам были отведены в Бессарабии земли, но большинство из них отказались поселиться в этом крае [13. С. 228]. Причины отказа так и не были выявлены. Позже к теме обращались Н.В. Бабилунга при изучении формирования этнического состава Бессарабии в XIX в. [14], а также И.А. Анцупов, в работе о славянской колонизации Бессарабии [15. С. 88–94] отметивший, что сербы, не удержавшись в этом крае, начали проникать на Левобережье Днестра еще в середине XVIII в. и в дальнейшем создали поселения к востоку от Буга, в так называемых Славяно-Сербии и Ново-Сербии [15. С. 93]. Колонизация этих территорий, создание в северо-западной части запорожских земель административно-территориальной единицы под названием Ново-Сербия, а восточнее, на берегу Северского Донца, военно-земледельческих поселений Славяно-Сербии, нашла (и это вполне понятно) весьма подробное освещение именно в украинской историографии [16; 17. С. 53–59; 18. С. 29–39; 19].

В постсоветской Молдавии С. Корлэтяну-Гранчук на основе архивных материалов осветила демографический аспект колонизации сербами территорий Пруто-Днестровского междуречья в конце XVIII – начале XIX в. [20. Р. 113–118; 21. Р. 71–76; 22. Р. 105–112]. Она установила, что в период русско-турецкой войны 1806–1812 гг. сербы в основном селились в Кишинёве и его окрестности. В годы, предшествующие присоединению в 1812 г. Бессарабии к России, власти Молдавского княжества в известной мере покровительствовали сербским мигрантам, поскольку видели в их переселении путь к улучшению демографической и экономической ситуации в крае [20. Р. 114]. Проблемы сербской колонизации и диаспоры Бессарабии затрагивали в работах по социально-экономической и де-

мографической истории края И. Киртоагэ [23; 24. Р. 229–235], В. Томулец [25–26], Д. Поштаренку [27–29] и др. Введение в научный оборот новых архивных материалов открывает дальнейшие перспективы исторической реконструкции как обстоятельств прибытия, так и последующего обустройства сербских беженцев на территории Бессарабии в начале XIX в.

Важно иметь в виду, что присутствие сербов в Пруто-Днестровском между-речье фиксируется задолго до вхождения этого края в состав России в 1812 г. Молдавские господа выдавали им различные грамоты на право проживания в тех или иных населенных пунктах. Переселение сербов было призвано способствовать хозяйственному развитию Бессарабии, а потому их освобождали от налогов за содержание рогатого скота [25. Р. 88]. Такие привилегии в ведении хозяйства не могли не стимулировать новых переселенцев к тому, чтобы обосноваться в этом крае, уже в феврале 1801 г. в будущем административном центре Бессарабии Кишиневе (а в то время пока еще даже не городе, а большом торговом местечке) осели 52 серба [21. Р. 72]. Позже, в период русско-турецкой войны 1806–1812 гг., в селе Ковурлуй Хотэрничанского цинута поселились 80 сербов. В 1813 г. они отправили прошение гражданскому губернатору Бессарабии с просьбой о дозволении им переехать в Татарбунары (Измаильский цинут), так как на прежнем месте поселения им не хватало земли [25. Р. 91].

В 1813 г. после неудавшегося восстания сербов против Османской империи воевода Карагеоргий был вынужден покинуть Сербию с помощью русских дипломатических агентов. Большинство эмигрантов этой волны пришлось перебраться в соседнюю Австрийскую империю, где оказались от 150 до 200 тыс. сербов. По данным переписи (октябрь 1813 г.), только в Среме и Банате находились около 110 тыс. беженцев. Они были размещены в импровизированных лагерях вдоль берегов рек Сава и Дунай. Положение их стало особенно тяжелым вследствие осенних дождей, наводнений, холодов, недостатка продовольствия и плохого отношения к ним местных властей, которые во многих случаях конфисковывали у беженцев скот и имущество, брали с них различные налоги и пошлины. Поэтому, как выясняется из источников, многие эмигранты хотели как можно быстрее возвратиться на родину или же переселиться в Россию [30. С. 346].

21 сентября 1813 г. в Среме, принадлежавшем Австрии, раненый Карагеоргий и его сподвижники были интернированы, в результате чего оказались без средств к существованию и в полной изоляции. Это вынудило 40 сербских семей написать двух своих посланников – Благое Миленковича и Милослава Трифуновича – к российскому императору с уже повторным прошением о разрешении переселиться в Россию. В прошении указывалось: «Молим и просим для нас, великославный император, с милостию себе, в свою землю прими нас, бедных сербов и наши бедные сербские фамилии, а наших детей прими в царскую школу. Обещаем быть верными великославному императору, со всеми нашими фамилиями, и с нашим братьями, и с нашими сыновьями, и с нашими внуками, до последней капли крови» [30. С. 344]¹.

В свою очередь, великий визирь, узнав о поражении наполеоновской армии под Лейпцигом, уже 19 октября 1813 г. объявил мятежным сербам амнистию, которая, впрочем, не распространилась на Карагеоргия и других руководителей. Сам вождь сербского восстания и его старший сын Алексей были помещены под усиленную охрану в Граце, а митрополит Леонтий Ламбрович, воеводы Яков Ненадович, Младен Милованович, Сима Маркович, Лука Лазаревич направлены в

¹ Ниже следовали подписи просителей: Благое Миленкович, Милослав Трифунович, Никола Миленкович, Алекса Нинчич, Георгие Томашевич, Сима Катич, Павле Папучия, Лука Пантелич, Лазар Бошнав, Павле Милеславлевич, Георгие Спасич, Теодор Ковачевич, Милета Илич, Лазар Михайлович, Алекса Прокупчанин, Иоан Гаврилович, Георгие Нашлия, Георгие Мичич, Новак Маркович, Лазар Теодорович [30. С. 345].

разные города Австрийской империи, где оставались до лета – осени 1814 г., когда получили возможность через Срем и Банат эмигрировать в Россию [30. С. 356].

В октябре 1814 г. при содействии русских эмиссаров в Австрии Карагеоргий вместе с семьей и ближайшими сподвижниками покинул Габсбургскую империю и с разрешения правительства России поселился в Северной Бессарабии, в г. Хотин и его окрестностях. Часть сербских нобилей обосновалась южнее, в местечке Бельцы [31. Ф. 2. Оп. 1. Д. 676. Л. 538]. В свою очередь, русская администрация оказывала денежную помощь сербским беженцам, поселившимся в Бессарабии². Карагеоргий, обосновавшись в 1814–1816 гг. в Хотине, за один лишь 1816 г. получил от генерал-губернатора Бессарабии 1000 руб. серебром [31. Ф. 2. Оп. 1. Д. 467. Л. 971–973].

В 1820 г. русская администрация предложила наделить землей сербов, осевших в Бессарабии. При этом ссылались на более ранние царские манифесты от 1751, 1763, 1801 г. В соответствии с ними новоприбывшие колонисты должны были получить по 60 десятин земли на главу семьи. Что касается представителей высшего сословия, им полагалось по 200 десятин земли [21. Р. 71]. Такой привилегией воспользовалась немалая часть сербских эмигрантов. Так, Я. Ненадович получил землю в селе Мэмэлига Хотинского уезда. В 1823 г. в его имении случился пожар. Из документов узнаем, что сгоревшее хозяйство включало в себя дом, амбар, два сарая, две кухни [31. Ф. 2. Оп. 1. Д. 837. Л. 50].

Сербские иммигранты поселились как на юге Бессарабии (в Вулканештах Измаильского уезда), так и в центральных уездах Лэпушна, Орхей, в Кишиневе [21. Р. 71]. В г. Измаил по данным на 1 февраля 1813 г. находились 15 сербов [31. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2. Л. 166]. В 1816 г. на севере края, в г. Хотин, проживали уже 395 сербов [21. Р. 71]. В августе 1817 г. в Кишиневе были зарегистрированы 128 сербских семейств. В документе, относящемся к 1818 г., приводятся данные о том, что здесь проживали 220 сербов [28. Vol. II. Р. 27]. Стоит отметить, что задунайские переселенцы (болгары и гагаузы), обосновавшиеся в Бессарабии ранее, получили от властей предписание обеспечивать новых иммигрантов продовольствием. Это вызывало недовольство в среде первых. 26 июля 1816 г. жители села Вулканешты Измаильского уезда жаловались в одном из писем, что из-за плохой экономической ситуации в регионе они не могут более обеспечивать продуктами сербских мигрантов [31. Ф. 2. Оп. 1. Д. 467. Л. 386]. Недовольство переселенцами из Сербии, надо сказать, имело под собой основания: как свидетельствуют источники, их вооруженные формирования, расположившиеся в Бессарабии, часто занимались грабежами. Так, например, 21 марта 1823 г. администрация Оргеевского уезда докладывала гражданскому губернатору Бессарабии о том, что 16 марта в корчме, расположенной в имении Грозешть, появились 12 правонарушителей. По всей вероятности это были сербы, «так как носили отличающуюся одежду и разговаривали на сербском языке», они были вооружены двумя пистолетами, тремя саблями, четырьмя кинжалами и другим оружием [26. Р. 95].

Возвращаясь к пребыванию в Бессарабии лидера сербского восстания Карагеоргия, отмечу, что 26 ноября 1815 г. его посетил будущий крупный государственный деятель граф П.Д. Киселев, который обратил внимание на довольно скромные условия жизни: «Его дом похож на крестьянский шалаш; он с семьей помещался в двух комнатах со входом» [32. С. 211]. Примерно в это же время в Хотин прибыл видный деятель греческого движения этеристов Йордаке Олимпиот, агитировавший Карагеоргия вновь включиться в антиосманскую борьбу во главе сербских

² Согласно документам, в 1815 г. на эти цели было выделено 2625 руб. 8 коп., за первую половину 1816 г. 129 руб. 21 коп., тогда как в июле – августе 1816 г. 348 душ сербов по установленным нормам получали в день по 20 коп. – всего на это ушло 10 788 руб.

отрядов, уже находившихся в Банате, близ границы турецких владений, в ожидании своего предводителя [12. Р. 18].

Георгий Петрович (Карагеоргий) всегда горел желанием вернуться на родину и продолжить борьбу за ее освобождение: «То был погасший вулкан, готовый ежеминутно вспыхнуть. Но тронь слабую сторону его, – заговори о его отечестве, о славе сербского народа – и сей холодный человек восплачет огнем, который показывал: он посреди битв кровавых, сей немощствующий человек делается велеречивым, каковым он был в пылу сражений; его черные неподвижные глаза заблещают цветом гения – и ты узнаешь необыкновенного человека. Так! Только с сею любовью к отечеству производятся великие люди! Только сей огонь имеет власть рождать восторг, воспалять народ посреди бедствий и опасностей, вести его от побед к победам» – писал о нем лично знавший его современник, П. Свиньин [33. С. 146]. Убежденный в том, что он сможет еще внести свою лепту в антиосманскую борьбу сербов, Карагеоргий вместе со своими 30 сподвижниками направил письмо Александру I, который в то время находился в Париже. В то же время в Вене, где проходил конгресс великих держав, сербские представители развили деятельность с целью добиться внешней поддержки идеи независимости своего отечества от османского владычества, однако не возымели успеха.

Как известно из исследований И.И. Лещиловской и других авторов, в мае 1816 г. в Петербурге, на аудиенции у Александра I, Карагеоргий пытался склонить русского императора к принятию решения о вступлении в войну против Османской империи. Однако после войны с Наполеоном Россия была экономически ослаблена и царь не поддержал инициативы сербского вождя. В поисках путей возвращения на родину Карагеоргий установил тесные связи с греческим тайным обществом «Филики Этерия», действовавшим на территории России. Общество было заинтересовано в вовлечении Карагеоргия в свои ряды, поскольку он, как личность общеполитического масштаба, мог реально способствовать осуществлению планов освобождения балканских народов от османского владычества. В мае 1817 г. неподалеку от г. Яссы на встрече с деятелями «Филики Этерии» верховный вождь сербов принес клятву верности делу освобождения христиан от османского ига [6. С. 89]. После этого при поддержке этой же организации Георгий Петрович, без ведома русских властей, покинул Бессарабию и через Австрийскую империю прибыл на территорию Сербии, где по приказу князя Милоша Обреновича был убит [34. С. 163].

Семья Карагеоргия продолжала оставаться в г. Хотине, а большинство его сподвижников проживали с 1818 г. в Кишиневе. Их число было довольно велико; они составляли даже особый квартал, который будет значиться как сербская улица на плане города, относящемся к тому времени, когда в нем проживал А.С. Пушкин. Среди сербов были воеводы, с которыми поэт встречался у своего друга полковника И.П. Липранди (1790–1880) – Вучич, Ненадович, Живкович, братья Македонские и пр. Позже Липранди вспоминал: «Некоторые записки (о Сербии. – И.Д.) Александр Сергеевич брал от меня, от упомянутых воевод же он собирал песни и часто при мне спрашивал о значении тех или других слов для перевода. Эти занятия сказались на “Песнях западных славян”, написанных Пушкиным в 1832–1833 годах. От сербских капитанов он мог слышать рассказы о Кара-Георгии, герое сербского восстания, так метко охарактеризованном в стихотворении “Дочери Кара-Георгия”» [35. С. 13]. В данном контексте следует отметить, что в Кишинев на короткое время приезжал и серб А.И. Стойкович, бывший профессор Харьковского университета, который виделся с Пушкиным и очень ему не понравился. Говоря о дочери верховного сербского вождя, И.П. Липранди отмечал, что сам «Пушкин никогда не видал дочери Кара-Георгия, так как поэт никогда в Хотине не был, и при том в это время дочь Кара-Георгия имела не

более 6–7 лет» [12. Р. 20]. На самом же деле у Карагеоргия было четыре дочери. Старшая, Савка вышла замуж за Антона Ристич-Плякича, который погиб в 1832 г. в Бессарабии, сама она умерла в 1847 г. Вторая, Сарка, вышла замуж в 1810 г. за воеводу Николая Карамарковича, умершего в 1816 г. в Хотине, вдова умерла в 1852 г. Третья – Пола – вышла замуж за воеводу И. Милановича, который умер в 1812 г., и четвертая – Стоменка, была замужем за Дмитрием Ристичем, который скончался в 1834 г., потом за Ильей Чарапичем, умершим в 1844 г. Младшая дочь сербского вождя ушла из жизни в 1875 г. Их мать Елена Йованович, проживавшая в Хотине, приезжала на некоторое время в Кишинев в связи с отбытием в Россию из Бессарабии старшего сына Алексея, корнета русских войск. Она умерла в 1842 г. и была погребена в Хотине. В Кишиневе находился младший сын Георгия Петровича Александру (1806–1885) [12. Р. 20].

По императорскому указу от 18 февраля 1831 г., российское юношество 10–18 лет должно было получать воспитание преимущественно в отечественных учебных заведениях или в своих домах под надзором родителей и опекунов, но всегда в России. Тем самым юношей моложе 18 лет нельзя было отправить в чужие края для усовершенствования в науках. Те, при воспитании кого не соблюдались вышеуказанные правила, лишались права вступать в военную и всякую другую государственную службу [31. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1616. Л. 1]. Из этого следует, что сын Карагеоргия не мог обучаться за границей. Источники указывают на то, что в Кишиневе, проживая на сербской улице, с июня 1820 г. он проходил обучение под надзором воеводы Вучича. Но так как с мальчиком нельзя было совладать, мать взяла его (всего месяца за три до приезда в Бессарабию Пушкина) в Хотин. В 1830 г. Александр женится на Персиде, дочери Ефрема Ненадовича [12. Р. 20]. В это время он вместе с матерью пытался выехать в Сербию, для чего нужно было получить разрешение императора, и 7 января 1831 г. вице-канцлер граф К. Нессельроде известил бессарабского губернатора о том, что император повелел отпустить проживавшую в Хотине вдову бывшего верховного вождя Сербии Георгия Черного с младшим сыном Александром на родину. Николай I приказал также выдать семье 1000 червонных, то есть годовой оклад получаемой Еленой пенсии, выплату которой было постановлено вслед за этим прекратить [31. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1616. Л. 1–2]. Но Александр в силу обстоятельств возвратился на родину лишь в 1839 г. в возрасте 33 лет, а в 1843 г. его избрали князем Сербии. Однако в 1858 г. по решению Свято-Андреевской скупщины, отразившему общественное недовольство бюрократическим режимом, он был свергнут с престола. Ему пришлось эмигрировать в Австрию, где он оставался вплоть до своей кончины в 1885 г. [6. С. 90].

Судьба старшего сына Карагеоргия, Алексея Черного, также была связана с Бессарабией. Он родился в 1798 г. в Тополе, недалеко от Белграда. По приезде его семьи в Хотин, приказом императора Александра I юноша был определен в привилегированный колледж – Пажеский корпус. В возрасте 18 лет он вступил в имперскую гвардию, где получил звание поручика. В Бессарабии Алексей женился на Марии Трохин, 1806 г. рождения, дочери молдавского дворянина (шатраря), управляющего Бэлцким уездом, Николая Трохин и Виктории Бузне [12. Р. 22]. Он был владельцем поместья Стыньень (Кышла Стыньень, современное село Скиньень, Сорокского района) с 30 домами для проживания и 39 работниками. Вотчина, доставшаяся Алексею, была немалой³.

Мария – жена Алексея – умерла вскоре после рождения сына. Она похоронена у стены церкви Св. Николая села Скиньень. Над ее могилой и могилой тещи 12 ав-

³ Она состояла из 500 фэлчия (единица измерения земли, равная 1,5 га – И.Д.) сенокоса, 500 фэлчия выгона, 200 фэлчия пахотной земли, 25 фэлчия селища, трех рыбных прудов, одной малой мельницы, двух погонов виноградника и сада боярского [36. С. 78].

густа 1828 г. Алексей воздвигнул надгробный памятник⁴. Сам Алексей умер от чумы в 1831 г. Он был похоронен на Центральном (Армянском) кладбище Кишинева. На могиле вырезана надпись: «Здесь погребен сын верховного вождя Сербии, гвардии поручик Алексей Черный, скончавшийся 33 году от жизни». От данного брака остался сын Георгий, рожденный в 1827 г. Дядя Александр привез сироту в Белград. От своих родителей Георгий получил в наследство село Скинень, которое после его отъезда передавалось в аренду. Георгий имел двух сыновей: Божилор, художник, живший в Париже, и Алексей, ставший литератором [12. Р. 24].

Последний Карагеоргиевич, который ступал по Бессарабской земле, – король Сербии Петр I. 18 марта 1910 г. он возвращался из Киева, через Тигину (Бендеры) и Рени, оттуда пересел на пароход «Русь» и отправился в Османскую империю [12. Р. 25].

Судьба эмигрантов-сербов в Бессарабии во многом была связана с Кишиновом. Из документа, на котором подписались желающие получить антологию героических песен – «Сербка» поэта Симы Милутиновича, проживавшего здесь между 1819 и 1825 гг., узнаем, что кроме митрополита Леонтия Ламбровича в городе проживали архимандрит Спиридон Филипович, полковник И.Н. Радич, подполковник П.Ф. Добрианц, Л. Лазаревич, бывший тайный секретарь верховного вождя Сербии Карагеоргия, Енакий Джурич, В. Илич, воевода Е. Ненадович, семья последнего князя Старой Влахии И. Рашковича и др. На антологию «Сербка» только в Кишиневе подписались 126 человек, а в Четате Албэ (Аккермане), Хотине и Измаиле – еще 47 человек [37. С. 45].

Одним из подписчиков был митрополит Леонтий Ламбрович, который, будучи в Сербии, выступал за русско-сербский союз. Известно, что он был удостоен указом императора Александра I ордена Св. Анны I-ой степени, поясом, украшенным драгоценными камнями, и золотым наперсным крестом. Он был архиереем в выделенной ему Георгием Петровичем епархии. В Бессарабии, однако, у него не сложились отношения с Карагеоргием, который подозревал его в намерении ввести в Сербии фанариотское правление, как это было в течение XVIII в. в Валахии и Молдове. Ввиду недобрых отношений между Ламбровичем и верховным вождем сербов митрополит Бессарабии Гавриил Бэнулеску-Бодони распорядился, чтобы хотинский протоиерей Георгий Родостат приказал духовенству «на случай требования сербов, исправлять христианские требы безоговорочно, а митрополиту Леонтию воздавать подобающую честь яко православному Архиерею отдельно» [9. С. 45]. В 1818 г. он получил русское подданство и пенсию в размере 4123 руб. 71 коп. Александр I пожаловал ему также земельный надел в размере 10 тыс. десятин. Однако в 1816 г., когда митрополит обратился к российскому правительству с просьбой о прикреплении к этому наделу людей, которые могли бы заниматься хозяйственной работой, получил отказ [31. Ф. 2. Оп. 1. Д. 676. Л. 1095–1096]. Ламбрович принимал участие в деятельности Российского библейского общества, вместе со статским советником Афанасием Стойковичем перевел Новый Завет на сербский язык (книга была напечатана в Санкт-Петербурге). Умер Ламбрович 4 июля 1831 г. По его завещанию, Кишиневский архиерейский дом получил роскошнейшую ризницу; землю и дом разделили между собой наследники: родной племянник – штабс-капитан Иван Ламбрович, офицер 5-го пехотного корпуса, и двоюродный брат, титулярный советник Ласкаракий Федорович [9. С. 46].

Среди сербских эмигрантов, обосновавшихся в Кишиневе, были и торговцы. Источники отмечают их присутствие здесь еще в 1795 г. – в этот год они обяза-

⁴ На нем выгравированы надписи на русском и молдавском (румынском) языках: «Здесь отдыхает раба Божия Виктория, жена шатраря Николая Трохина, дочь лучника Константина Бузне, скончавшаяся 1 августа 1824 г. Да простит ее Бог» и «Здесь отдыхает раба Божия Мария, жена поручика Алексея Черного Карагеоргиевича, дочь шатраря Трохина, скончавшаяся 22 марта 1827 г. Да простит ее Бог».

лись выплатить в государственную казну Молдавского княжества налог в сумме 96 леев [26. Р. 254]. Согласно торговым сертификатам, предоставлявшим право на коммерческую деятельность, в 1841 г. здесь был отмечен один купец, а в 1842 г. – два купца сербского происхождения [38. Р. 128]. Крупным представителем торгового класса был Иван Меленко (1798 – 1855) [31. Ф. 75. Оп. 1. Д. 957. Л. 85]. По указу Бессарабской казенной палаты от 26 марта 1840 г. он получил право торговли в ранге купца 3-й гильдии, обладал среди прочего харчевней [33. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1029. Л. 21]. Семейство Меленко было многодетным (пять дочерей и три сына), причем интересно, что всех детей крестили жившие в городе купцы греческого происхождения, братья Анастасий и Федор Константиновичи Чуфля [31. Ф. 75. Оп. 1. Д. 957. Л. 78, 85; Ф. 211. Оп. 3. Д. 39. Л. 463–463]. Из документов Национального архива Республики Молдова узнаем, что старшая дочь Меленко была замужем за кишиневским купцом болгарского происхождения С.Х. Кировым, другие дочери – тоже за выходцами из купеческих фамилий, как молдаванами, так и русскими. Определенный след в общественной и культурной жизни города оставил младший сын Меленко Лука. Член городской думы и глава общества по поддержке сирот, он был также членом городского музыкального общества, а в 1883 г. стал одним из основателей Кишиневского общества любителей драматического искусства, предложил ряд театральных проектов, частично реализованных. В 1899 г. входил в комиссию, готовившую культурную программу в честь 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина [31. Ф. 9. Оп. 1. Д. 5467. Л. 87]. К богатому дому семейства Меленко неоднократно подкидывали новорожденных детей, которых крестили и давали им приют [31. Ф. 211. Оп. 3. Д. 167. Л. 167; 33. Ф. 21. Оп. 3. Д. 186. Л. 312об.].

После русско-турецкой войны 1828–1829 гг. в Бессарабии обосновываются лишь сербские волонтеры, которые принимали участие в боевых действиях на стороне царских войск. В документах сохранились имена командиров волонтерских команд, поселившихся в 1832 г. в селении Китушка Оргеевского уезда – Райко Негович, Михалчо Райкович [32. Ф. 6. Оп. 2. Д. 577. Л. 85об., 103–103об.].

С середины 20-х годов XIX в. из Бессарабии наблюдается постепенный отток сербского населения. Так, в 1824 г. одновременно несколько чиновников-сербов из городов Бельцы и Кишинев обратились к Бессарабскому генерал-губернатору с просьбой о выдаче им паспортов для возвращения на родину⁵. Из документов видно, что царское правительство не изъявляло слишком большого желания отпустить сербских чиновников на родину. Оно исходило прежде всего из того, что при отъезде сербы (как правило, состоятельные налогоплательщики) намеревались забрать с собой все свое ценное имущество и городская казна в результате должна была понести внушительные потери. Кроме того, желающие уехать тщательно проверялись на наличие долгов и судимости [31. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1108–1010, 1112, 1124]. Источники указывают, что, несмотря на чинимые препятствия, отток сербского населения был значительным. В 1850 г., по некоторым данным, в Бессарабии насчитывалось лишь 80 сербов, 36 из них проживали в Кишиневе, остальные – в местечках и селах Сорокского и Хотинского уездов в Северной Бессарабии (17 человек в с. Клишкэуць), в гг. Рении, Килия, Измаил в Южной Бессарабии [29. С. 37, 109–110].

Таким образом, после русско-турецких войн начала XIX в. и в особенности после неудавшегося первого сербского восстания 1804–1813 гг. Бессарабия стала прибежищем для части сербских беженцев. Здесь нашли относительно спо-

⁵ Среди подавших заявления встречаем имена и фамилии М. Петровича, И.Г. Чивтелича, И. Герогиевича из Бельц, Н. Платича, П. Аврамовича, С. Златановича, Б. Миленковича, вдовы М. Стачкович-Ангели, И. Цветковича, С. Лазаревича, М. Григорьевича, М. Еримчевича, вдовы Маркович, Г. Алексиевича, И. Тодоровича С. Николаевича, Н. Стовновича, Р. Несторовича, С. Константиновича и П. Петровича из Кишинева [31. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1108. Л. 1].

койную жизнь переселенцы, которые бежали от мести султана. Вместе с тем в Бессарабии выросли и получили образование некоторые представители сербской элиты, которые, как, например, Александр Карагеоргиевич, в дальнейшем внесли свой вклад в политическую и культурную жизнь своей страны. Сербская диаспора в Бессарабии сохранила традиции, поддерживая вместе с тем добрые взаимоотношения с коренным населением края. Сербь после 1812 г. так и не образовали колонии, в отличие от болгар. Они чаще всего жили в городах, нередко занимались коммерческой деятельностью или арендой земли. Но большинство из них вернулись на родину, переехали в глубинные районы Российской империи или ассимилировались.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бантыш-Каменский Д.Н.* Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. М., 1810.
2. *Кёппель П.* Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861.
3. *Свиньин П.П.* Описание Бессарабской области // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1867. Т. VI.
4. Бессарабия. Графический, исторический, статистический и этнографический сборник. М., 1903.
5. *Лашков Н.В.* Бессарабия. К столетию присоединения к России. 1812–1912 гг. Географический и историко-статистический обзор состояния края. Кишинев, 1912.
6. *Лециловская И.И.* Карагеоргий // Вопросы истории. Москва, 1994. № 12.
7. Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003.
8. *Arbore Z.* Basarabia în secolul XIX. București, 1898.
9. *Халимна И.Н.* Восточные святители, нашедшие пристанище в пределах Кишиневской епархии среди смут греческого возстания 1821–1828 гг. // Труды Бессарабской архивной комиссии. Кишинев, 1900. Т. 1.
10. *Bezviconi Gh.* Sîrbi la începutul sec. XIX // Viața Basarabiei. Chișinău, 1932. № 5.
11. *Bezviconi Gh.* Sîrbi în Basarabia // Din Trecutul Nosreu. Chișinău, 1933. № 1.
12. *Bezviconi Gh.* Sîrbi în Basarabia la începutul sec. XIX // Din Trecutul Nosreu. Chișinău, 1939. Nr. 7.
13. *Зеленчук В.С.* Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в.: Этнические и социально-демографические процессы. Кишинев, 1979.
14. *Бабилунга Н.В.* Население Молдавии в прошлом веке: Миграция? Ассимиляция? Русификация? Кишинев, 1990.
15. *Анципов И.А.* Славяне – переселенцы на территории Бессарабии и левобережного Поднестровья в XIX в. // Славянские культуры в инонациональной среде. Кишинев, 1995.
16. *Дмитриев В.С.* Сербь в Украине (XVIII – начало XIX вв.). Автореферат дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Киев, 2006.
17. *Мильчев В.* Світоглядні імперативи військових поселенців Нової Сербії // Студії з історії Степової України. Запоріжжя, 2003, Вип. 1.
18. *Мильчев В.* Сербські граничари на півдні України у 1709–1734 роках, як альтернатива запорозькому козацтву // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя, 2005. Вип. XIX.
19. *Рудяков П.* На службу и вечное подданство... Сербские поселения Новая Сербия и Славяносербия на украинских землях (1751–1764). Киев, 2001.
20. *Corlăteanu-Granciu S.* Contribuții documentare la istoria colonizării sârbești în teritoriile dintre Prut și Nistru în primul pătrar al sec. XIX // Tyrageția: Anuarul Muzeului Național de Istorie a Moldovei, Chișinău, 1999. Vol. VIII.
21. *Corlăteanu-Granciu S.* Două acte din anul 1801 referitoare la colonizarea sârbilor în Basarabia // Pergamnet. Anuarul arhivelor Republicii Moldovei. Chișinău, 1998. Vol. I.
22. *Corlăteanu-Granciu S.* Contribuții documentare la istoria colonizării de către sârbi a teritoriului dintre Prut și Nistru în primul pătrar al secolului al XIX-lea // Fațetele istoriei. Existențe, identități, dinamici. București, 2000.
23. *Chirtoagă I.* Din istoria Moldovei de Sud-Est: Până în anii '30 ai sec. al XIX-lea. Chișinău, 1999.
24. *Chirtoagă I., Chirtoagă V.* Evoluția etnodemografică a populației Basarabiei de Sud în primele decenii ale sec. al. XIX-lea // Tyrageția: Anuarul Muzeului Național de Istorie a Moldovei. Chișinău, 2000. Vol. IX.
25. *Tomuleț V.* Cronica protestelor și revendicărilor populației din Basarabia (1812–1828) (In baza documentelor depozitate în Fondul 2 «Cancelaria guvernatorului Basarabiei»). Chișinău, 2007. Vol. II.
26. *Tomuleț V.* Basarabia în epoca modernă (1812–1918). (Instituții, Regulamente, Termeni). Chișinău, 2012. Vol. 2.
27. *Poștarencu D.* O istorie a Basarabiei în date și documente (1812–1940). Chișinău, 1998.

28. *Poștarencu D.* Contribuții la istoria modernă a Basarabiei. Chișinău, 2005. Vol. I; Chișinău, 2009. Vol. II.
29. *Poștarencu D.* Populația urbană a Basarabiei în perioada 1850–1918. Teza de doctor în istorie. Chișinău. 2010.
30. Первое сербское восстание 1804 – 1813 гг. и Россия. Документы. М., 1983. Кн. II. 1808–1813.
31. Национальный Архив Республики Молдова.
32. *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. СПб., 1889. Т. IV.
33. *Свиный П.П.* Письмо к брату – из Хотина // Сын Отечества. СПб., 1816. Ч. 31. № 30.
34. *Јовановић С.* Кара-ђорђе и његове војводе. Београд, 1938.
35. *Халипца И.Н.* Город Кишинев времен жизни в нем Пушкина. Кишинев, 1899.
36. *Халипца И.Н.* Роспись землевладения и сословного строя населения Бессарабии по данным переписи 1817 г. // Труды Бессарабской Губернской Ученой Архивной Комиссии. Кишинев, 1907. Т. III.
37. *Соловьев А.* Югославские темы в творчестве Пушкина // Белградский Пушкинский сборник. Белград, 1937.
38. *Tomuleț V.* Negustori bulgari în structura etnică a burgheziei comerciale din Basarabia (1812–1868) // Бесарабските българи: История култура и език. Кишинев, 2014.

© 2015 г. В.Н. ВИНОГРАДОВ

МОНАРХИИ РУМЫНСКИХ ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВ И РОМАНОВЫХ: ЧЕРТЫ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

В статье предпринята попытка на основе сопоставительного анализа показать черты сходства и различия в политическом и экономическом развитии двух соседних монархий – Российской империи и королевства Румынии, во главе которых в конце XIX – начале XX в. стояли династии Романовых и Гогенцоллернов.

The article suggests a comparative analysis, which is aimed at demonstrating similarities and dissimilarities in political and economic development of the two neighbouring monarchies – the Russian Empire and the Kingdom of Romania, ruled in the late nineteenth and early twentieth centuries by the Romanov and Hohenzollern dynasties.

Ключевые слова: Российская империя, Румыния, дом Романовых, Гогенцоллерны

Keywords: Russian Empire, Romania, the House of Romanov, Hohenzollern

Мысли об общих чертах двух монархий рождает сходство во многом экономического базиса и общественного строя России и Румынии к 60-м годам XIX ст., когда молодой Гогенцоллерн-Зигмаринген прибыл в Бухарест.

Для обеих стран характерно запоздалое социально-политическое развитие, сравнительно позднее вступление на путь капитализма, умеренность аграрных реформ 1861 г. в России и 1864 г. в Румынии. В Бухаресте пристально изучали петербургский опыт. Творец аграрной реформы Михаил Когалничану говорил в Национальном собрании 25 мая 1864 г.: «Я не требую для наших крестьян, свободных как утверждают, более того, что император Александр II и русское дворянство сделали для рабов, для крепостных. Вы не можете сказать, что вас толкают на проведение коммунистических или социалистических мер; от вас добиваются решения, подобного тому, что было принято в самом консервативном государстве Европы» [1. Р. 465–467]. И после преобразований помещичье землевладение в крупных масштабах продолжало сохраняться. Малоземелье основной массы крестьянства привязывало его к барской усадьбе; медленно изживались отработки.

По некоторым объективным причинам феодальные пережитки в Румынии проявляли большую стойкость. Так, здесь между помещиками и малоземельным крестьянством (т.е. его громадным большинством) вклинилась прослойка арендаторов-посредников, заинтересованных в голой наживе, а не в развитии производства и усовершенствовании агрикультуры. Восстание 1907 г. началось с выступлений против арендаторских грестов Фишеров и Юстеров, и это само по себе свидетельствовало, какую дополнительную тяжесть обрушивала на деревню посредническая арендаторская система. Наконец, у российского крестьян-

Виноградов Владилен Николаевич – д-р ист. наук, заслуженный деятель науки РФ.

ства существовала переселенческая отдушина, о которой румынское не могло и мечтать, да и сельскохозяйственного пространства на душу сельского населения приходилось больше. Несмотря на тяжелое положение российской деревни, таких восстаний, как 1888 г., или крестьянской войны 1907 г. в Румынии, в нашей стране не отмечалось. Очень поздний срок появления законов, способствовавших оформлению прослойки товаропроизводящего, фермерского типа крестьянства (реформы либералов после восстания 1907 г. в Румынии, столыпинские преобразования в России), показывает, что до этого подобной сколько-нибудь заметной и влиятельной прослойки не существовало.

Удержание власти в руках дворянства («боярства») – до 1878 г. в Румынии, до 1917 г. в России – способствовало сохранению сословно-феодальных пережитков. Правда, такого явления как разорение «дворянских гнезд» в Румынии не отмечалось. Для этой страны характерным являлось стремление нуворишей к приобретению земли, обладание которой приобщало к элите общества, повышало социальный статус, в чем просматривается аналогия с Англией. «Новые помещики» при этом приспособлялись к существовавшей отработочной системе, к аграрному строю, который теоретик социал-демократии реформистского толка К. Доброджану-Геря именовал «неокрепостничеством».

Национальная буржуазия формировалась в обеих странах частично из старого сословия крупных землевладельцев (но в Румынии в большей степени; в России более значительную роль играла разночинская среда).

В обоих государствах происходило насаждение капитализма «сверху» (высокий таможенный барьер для импорта, законодательное оформление поощрения промышленности). Последнее особенно ярко сказалось в Румынии в принятии серии законов о покровительстве промышленности, – в чем проявлялось приобщение торгово-промышленной буржуазии к власти в 70–80-х годов XIX в. В сфере государственных заказов больше простора для производства открывалось в России из-за широкомасштабного железнодорожного строительства и потока требований для многочисленной армии. Наконец завоевание Средней Азии способствовало расширению внутреннего рынка. Самодержавие учитывало до известной степени интересы буржуазии, удовлетворяя некоторые ее конкретные пожелания. В то же время под воздействием рабочего движения предпринимались кое-какие шаги по ограничению труда малолетних, введению фабричной инспекции. Процесс политического самоопределения крупной буржуазии затягивался и проявился лишь в начале XX в. А пока что предприниматели надеялись на реформирование строя по воле самодержца. Московский голова Б.Н. Чичерин говорил: «Мы не становимся в оппозиционное отношение к правительству, мы не требуем себе прав. Мы спокойно ожидаем, когда власть признает необходимым наше содействие». Показательно, что напуганные террористическим экстремизмом «Народной воли», капиталисты участвовали в «святой дружине» и «Добровольной охране» во время коронации Александра III [2. С. 148, 153, 155, 158].

Сильная власть самодержавия – важнейший фактор, определявший политическую ориентированность российской буржуазии. Власть обеспечивала общественный «порядок», позволяла проводить курс на жесткую эксплуатацию рабочих. Исследователи отмечают, что в XIX в. буржуазной оппозиции царизму просто не существовало. Она появилась лишь в ходе революции 1905–1907 гг., продемонстрировавшей слабость самодержавия.

Стремление к устойчивой монархической власти вполне отчетливо проявилось в помещичье-буржуазной румынской среде к 60-м годам XIX в. После революции 1848 г. основные ее группировки поправили. Социальная неустойчивость и министерская чехарда в период правления А.И. Кузы (1859–1866) толкали их в указанном направлении, о чем свидетельствовал осуществленный

«чудовищной коалицией» помещиков и буржуазии переворот и приглашение на престол представителя «крепкой» прусской династии – Карла Гогенцоллерн-Зигмарингена.

Самодержавные поползновения проявлял и Карл, и хотя ему пришлось оказать ся от мечтаний об установлении в Румынии княжеско-королевского абсолютизма, парламентский кризис 1870–1871 гг. закончился в его пользу. Он прогнал правительство Иона Глюки, не вызвав сколько-нибудь заметного протеста. Румынская буржуазия превратилась, вне зависимости от ее партийной принадлежности, в консервативную социальную силу.

Т.е. налицо значительные черты сходства (порой – до идентичности) экономической базы, социального строя, политических устремлений дворянско-буржуазной верхушки общества и настроений носителей корон. Но этих факторов оказалось недостаточно для установления не только идентичных, но даже сходных институтов монархической власти. И тут вступают в силу такие факторы, как менталитет социума, исторические традиции, воздействие западноевропейской общественно-политической мысли и политических институтов.

Что в толще народных масс двух стран был силен монархизм, сомнению не подлежит. В России – в его крайне абсолютистском, самодержавном варианте; тому способствовала тысячелетняя традиция, триста лет правления дома Романовых, что ассоциировалось с превращением страны в великую державу. Террористический экстремизм радикальных сил (народовольцев) рождал в обществе протест и усиливал монархические настроения.

В Румынии монархизм существовал у крестьянства в патриархальном варианте, у потомков бояр и буржуазии, обогащенных опытом революции 1848 г. и длительной освободительной борьбы – в конституционном. Самодержавных традиций в Румынии не существовало. За четыре века зависимости от Османской империи ее формы и глубина менялись, но сюзереном всегда оставался султан. Абсолютистские традиции Влада Цепеша и Штефана Великого развития не получили. Соперничавшие боярские группировки апеллировали к Стамбулу, подрывая реальную власть господарей. Фанариотская эпоха добавила к этому национальный компонент – шла борьба за своего соотечественника на престоле. XVIII–XIX века привнесли тираноборческий заряд эпохи Просвещения и Французской революции в общественное сознание. 1848 год знаменовал экскурс к республиканскому строю, как обнаружилось, чрезвычайно поверхностный. Революция не только (не?) дала землю крестьянству, но даже не сдвинула с места решение аграрного вопроса. Высокие идеи революции не материализовались для него ни во что земное. Социальная неустойчивость 1850-х годов способствовала возрождению монархических настроений даже среди руководителей революции, Константин Россетти остался чуть ли не последним из могикан республиканской идеи. Приглашение на престол в 1866 г. иноземного принца явилось поэтому актом закономерным. Республиканское выступление 1870 г. напоминало фарс, а его руководитель Кандиано-Попеску стал позднее... королевским адъютантом. Конституционная монархия как государственный строй, обеспечивавший социальную стабильность, «порядок» в обществе, исключавший борьбу и грызню за высший пост в стране представлялась привлекательной.

Конституция 1866 г. имела печать заимствования с лучших западных образцов и подвергалась резкой критике как «слева», так и «справа» (вспомним манифест социалистов к юбилею короля Карла I «Сорок лет рабства, нищеты и позора» и неприятие конституции консерваторами-жунистами). С точки зрения Титу Майореску, история Румынии последних десятилетий – нонсенс, злая шутка, сыгранная с ней обучавшейся в западных университетах молодежью, которая по своему произволу накроила и провела необдуманные и не оправданные реформы, наведя на «Румынию лоск современного общества, к сожалению только лоск! [...]

Движущая сила этого явления сводится к тщеславному стремлению потомков Траяна походить на иные народы любой ценой, даже если при этом страдает истина. Только этим можно объяснить пороки, разъединяющие нашу общественную жизнь, а именно, отсутствие солидной основы воспринятых нами зарубежных форм» [З. Р. 147–148]. Конституция 1866 г. явно не соответствовала социальным, государственно-политическим и юридическим реалиям, сложившимся в стране. В итоге все положения в законодательстве, не соответствовавшие расстановке классовых сил и социально-политической действительности, просто-напросто оставались на бумаге. Действовал парламент, но не было народного представительства. До Первой мировой войны ни один крестьянин, ни один рабочий не переступал порог собрания на Холме Митрополии, хотя по букве закона они ограниченным избирательным правом пользовались. А ведь даже в российской Государственной думе существовали рабочая и крестьянская фракции! Принцип парламентаризма был вывернут наизнанку: не избиратель определял состав парламента, который в свою очередь утверждал правительство, а король назначал правительство, последнее же при выборах всегда, усилиями властей и жандармерии, получало на выборах большинство в палатах, и формировало угодный себе парламент. До Первой мировой войны система ни разу не давала осечки, даже во время визирата И.К. Брэттиану, когда, казалось бы, не было беззакония, перед которым остановился бы кабинет. Когда правительство «изнашивалось» и становилось непопулярным, а то и одиозным, чаще всего по причине коррумпированности, происходила смена партийно-правительственных декораций. Мертвой буквой оставалось все, что выходило за непосредственные интересы буржуазно-помещичьей олигархии; так, спустя полвека после введения закона об обязательном начальном образовании, 82% румын оставались неграмотными.

Конституция 1866 г. была сшита не по росту румынского социума, но, как показали события, была сшита на вырост. Развитие общества вливалось в готовую правовую норму.

Совсем иное положение сложилось в России. Идея самодержавия довлела над носителем верховной власти, дворцовыми кругами и значительными слоями дворянства и буржуазии, делала их необыкновенно косными и иммобильными в том, что касалось социальных реформ. Жестокие карательные акции, вроде расстрела шестивия 9 января 1905 г., твердолобое цепляние за самодержавные принципы свидетельствовали о полной неспособности носителя верховной власти к социальному маневрированию. Призыв Союза земских и городских деятелей летом 1905 г. к достижению «истинного народного представительства» был оставлен без внимания, предложение С.Ю. Витте ввести избирательное право, ограничить рабочий день, осуществить распродажу земли крестьянам повисло в воздухе.

Лишь всеобщая забастовка осенью 1905 г., нежелание великого князя Николая Николаевича принять на себя диктаторские функции и отказ С.Ю. Витте встать во главе правительства без определенных сдвигов конституционного плана заставили Николая II издать «Манифест 17 октября», учредивший Государственную думу и содержавший обещания некоторых преобразований. Но идею конституционной монархии он отвергал до конца. Ослабление власти и реакционная окаменелость царизма побудили определенную часть буржуазии встать в оппозицию (мирную!) самодержавию; оно уже не гарантировало порядка и спокойствия, следовало менять формы управления.

Второй круг испытаний в годы Первой мировой войны царизм уже не выдержал. Неудачи 1915 г. на фронтах, обострение до крайности социальных и национальных противоречий, недовольство солдатских масс, не понимавших целей войны, что делало ее непопулярной, – все это поставило царскую власть в тупиковое положение, из которого она не сумела найти выход. Такие акции Николая II

как отправка в отставку в 1915–1916 гг. всех министров, склонных к сотрудничеству с Думой, назначение им на смену замшелых ретроградов, позорное цепляние за Г. Распутина привели к тому, что недовольство стало всеобщим. Кадет В.А. Маклаков сравнивал царя с безумным шофером, ведущим автомобиль по краю пропасти. Февральская революция с удивительной легкостью покончила с трехсотлетней монархией Романовых.

Совсем иначе складывалось положение в Румынии. Заложенные в ее конституции принципы парламентаризма и гражданских свобод допускали постепенное их претворение в жизнь без коренной ломки государственного и общественного строя, а при их усовершенствовании. Авторитету монархии способствовало выступление короля Фердинанда против своей собственной фамилии Гогенцоллернов во время войны. Отступить после этого ему было некуда. Сама война воспринималась общественностью как национально-освободительная. Тяжелые поражения 1916 г., потеря большей части территории страны создавали условия для сплочения общества ради освобождения страны. Только таким путем можно было освободить потерянную землю и добиться объединения соотечественников.

Конечно, Фердинанд, воспитанный в традициях непоколебимой верности фамильной чести, пережил личную трагедию, возможно, в какой-то степени его переход на проантантовские позиции объяснялся влиянием королевы Марии, внучки британской королевы Виктории (и, кстати, дочери великой княгини Марии Александровны, последнее, впрочем, особого значения не имело). Но главное, конечно, состояло в монархическом завете верного служения принявшей тебя стране, как своего рода божественном предопределении.

Присоединение Румынии к Антанте отрезало для Фердинанда все пути к отступлению. Он был вычеркнут из фамильных списков Гогенцоллернов. Сложилась совсем иная ситуация, нежели в 1878 г., во время русско-румынского конфликта вокруг Южной Бессарабии, когда князь Карл I сказал российскому консулу Д. Стюарту, что у него есть обеспеченное положение «дома», т.е. в Германии. У Фердинанда никакого «дома», кроме Румынии, не оставалось.

Немецкие монархисты жаждали крови и требовали устранить «предателя» с румынского престола. Их остановили австрийцы во главе с руководителем их внешнеполитического ведомства Оттокар Черниним: если вслед за российской короной покатаются и другие, произойдет их «девальвация», и что же останется от монархического принципа? И, обращаясь к более земным соображениям, австрийцы напоминали, что Фердинанд нужен как высшая инстанция для утверждения навязанного Румынии тягостного Бухарестского мира.

Фердинанд сумел уклониться от этой обязанности; он тянул и медлил и не ставил своей подписи под актом о ратификации, пока с полной очевидностью не обрисовался крах германо-австрийского блока. Авторитет монархии как хранительницы государственной целостности и достоинства нации значительно вырос.

В 1917–1918 гг. Фердинанд сделал немало для выхода страны из казалась бы безвыходного положения. Именно он совершил объезд войск, обещая солдатам-крестьянам землю после окончания войны. Тем самым он продемонстрировал гибкость и способность к маневрированию, что вообще было присуще румынскому истеблишменту, впитавшему опыт лавирования, накопленный в столетия османского господства и российского протектората, между великими державами и умения использовать их противоречия.

Румынская история второй половины XIX – начала XX в. свидетельствует, на мой взгляд, не только о значении правовых норм для развития социальных отношений (это – банальная истина); важно, чтобы законы давали простор этому развитию, подводя под него юридическую базу и помогая избегать общественных

катаклизмов. Оказалось, что монархия проявила себя как достаточно гибкий и способный к эволюции институт государственного строя, в чем немалую роль сыграл личностный фактор.

Аграрные и избирательные реформы 1918–1921 г. в Румынии означали шаг вперед по пути демократизации и открывали дорогу установлению конституционной монархии в полном смысле этого слова. Румынские Гогенцоллерны на том этапе выдержали испытание временем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Emerit M.* Les paysans roumains depuis le traits d'Adrianopole. Paris, 1937.
2. *Лаврычев В.Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России. М., 1974.
3. *Maiorescu J.* Critice. 1. Bucarest, 1967.

© 2016 г. М.В. ОСЬКИН

НЕДОВЕРЧИВЫЕ СОЮЗНИКИ ПО АНТАНТЕ: К ВОПРОСУ О РУССКО-РУМЫНСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Русско-румынское военное сотрудничество периода Первой мировой войны не ограничивалось только совместным ведением боевых действий, но и вынудило Российскую империю к расширению поддержки в области снабжения румынской армии и населения. В условиях военной катастрофы октября–ноября 1916 г., сдачи Бухареста и отступления к русской границе, образование нового Румынского фронта предполагало обеспечение румынского союзника разнообразной номенклатурой боевого и интендантского довольствия, одним из основных видов которого явилось продовольственное снабжение Румынии русской стороной. В ходе революционного процесса 1917 г. и разложения русской армии, сохранившее боеспособность своих войск румынское руководство сумело добиться от России наиболее выгодных для себя условий обеспечения и снабжения.

The Russian-Romanian military cooperation during World War One was not reduced to joint combats, but the Russian Empire was forced to broaden its support in the sphere of supplies for the Romanian army and civil population. In the military catastrophe of October–November 1916, the capitulation of Bucharest, and retreat of the Russian boarder-line, creation of the new Romanian Front required providing the Romanian ally with a wide nomenclature of fighting and quartermaster's allowances, of which the most important were probably food and fodder supplies organised by the Russian side. During the revolutionary process of 1917 and degradation of the Russian army, the Romanian leadership, who succeeded in keeping their troops battle-worthy, got most favourable conditions of provision and supply from Russia.

Ключевые слова: Первая мировая война, Антанта, Румыния, Бессарабия, Румынский фронт.

Keywords: World War One, Entente, Romania, Bessarabia, Romanian Front

Вступление Румынии в Первую мировую войну 14 августа¹ 1916 г. потребовало от союзников по Антанте предпринять значительные, а вскоре даже и чрезвычайные усилия по оказанию ей помощи и поддержки. Ближайшим соседом Румынии на Восточном фронте являлась Российская империя, которая, по конвенции от 4 августа того же года обязывалась выставить в поддержку нового союзника 50-тысячный воинский контингент. Как известно, 47-й армейский корпус ген. А.М. Зайончковского вечером 14 августа приступил к переправе через Дунай, дабы прикрыть румынскую Добруджу от удара со стороны Болгарии

Оськин Максим Викторович – канд. ист. наук, доцент Института законовения и управления Всероссийской полицейской ассоциации (г. Тула).

¹ Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

[1. С. 139–185]. С расширением боевых действий и, после первых малозначительных успехов, в связи с военными поражениями румынской армии в Трансильвании и на южной дунайской границе, Россия была вынуждена оказывать permanently увеличивавшуюся военную поддержку союзника, не имевшего опыта современной войны и потому обреченного на неудачи в боях. К началу 1917 г. Румыния потерпела поражение и 4/5 ее территории было оккупировано войсками Центральных держав. В то же время, русский контингент, составивший новый Румынский фронт, увеличился в 20 раз, с 50 тыс. до более 1 млн бойцов. Помимо того, русские пограничные области приняли не менее 1 млн румынских беженцев, что накладывало на Российскую империю дополнительные обязательства по их размещению и снабжению.

Российская помощь Румынии (не считая действий 47-го армейского корпуса) стала насущным фактом спустя всего месяц после вступления нового союзника в войну. Уже 20 сентября 1916 г. мобилизационный отдел Главного интендантского управления (ГИНТУ) доносил своим отделениям в военных округах: «Главный интендант приказал, чтобы все требования об отпусках румынскому правительству вещей и материалов были сосредоточены в мобилизационной части для дальнейшего, в случае надобности, направления их в надлежащие отделения на исполнение». Канцелярия военного министерства в циркуляре от 4 октября уточняла порядок снабжения румын: «Для удовлетворения некоторых потребностей снабжения союзной нам румынской армии, по ходатайствам представителей Румынии, некоторые заготовки производятся в России распоряжением главных управлений военного министерства по утверждению таковых мероприятий установленным порядком, причем необходимые на покрытие расходов по означенным заготовкам средства разрешаются ка ассигнованию из военного фонда. Кроме того, могут быть случаи отпуска необходимых для Румынии предметов и материалов и из имеющихся запасов, средства на заготовление коих также были отпущены из государственного казначейства». Временно управляющий военным министерством ген. П.А. Фролов приказал «вести, в виде отдельных ведомостей, особый учет расходам по заготовлению предметов и материалов для потребностей румынской армии, а также предметам и материалам, отпускаемым из запасов» [2. Ф. 499. Оп. 6. Д. 311. Л. 17, 21]. Таким образом, ввиду дальнейших взаимозачетов и уплаты по накапливавшимся друг перед другом долгам, русская сторона перешла к тщательному учету предметов снабжения, передаваемых румынской стороне.

Одним из первых грузов стало кавалерийское снаряжение, которое для румын из своих запасов передавали Московский и Казанский военные округа. Так, 2 октября 1916 г. главный полевой интендант (главополит) ген. К.Н. Егорьев распорядился заготовить по просьбе румын 218 артиллерийских седел, 2208 овсяных мешков (торбы для корма лошадям), 1104 нагаек и 2208 сеток для фуража, а также 1104 «комплекта конского снаряжения кавалерийского образца». Уже 15 октября была составлена «Ведомость предметов обозного довольствия, наряженных к отпуску румынскому правительству» на сумму 478 572 руб. 20 коп. Отношение ГИНТУ в Одесский военный округ 18 октября показывает, что румынам было уступлено «3 тыс. водопойных парусиновых ведер» для лошадей. 24 октября передается еще 2 тыс. комплектов конского снаряжения и 8 тыс. ведер. Запрос румын от 22 декабря включал в себя следующие предметы: подковы – 700 тыс. штук, шипы на них – 7 млн., ключи к ним – 7 тыс., попоны – 200 тыс. штук, гвозди подковные – 7 тыс. пуд. ГИНТУ 15 января 1917 г. на запрос командования Румынского фронта – «включена ли потребность вещевого довольствия румынской армии в общую потребность Румынского фронта» – уведомляло: «По приблизительному подсчету, в потребности Румынского фронта включено для румынской армии предметов вещевого довольствия примерно на 200 тыс. чел. Выдаваться вещи будут из запасов Румынского фронта». Также предполагалась эвакуация в Россию румын-

ских рекрутов (новобранцев) и запасных числом 250–300 тыс. чел. Еще 7 декабря и.д. начальника штаба верховного главнокомандующего ген. В.И. Гурко просил у военного министра «распоряжения об устройстве и обмундировании таковых» [2. Ф. 499. Оп. 6. Д. 311. Л. 20, 32, 37, 55, 57, 87, 95–95об.]. Проведением румынской эвакуации занималась особая организация, образованная постановлением Совета министров от 9 декабря 1916 г. – «Особое междуведомственное совещание для ближайшего соображения вызываемых возможностью эвакуации Румынии мероприятий» во главе с сенатором Д.И. Засядко, и 12 декабря император Николай II повелел сосредоточить в руках Засядки полноту всей распорядительной власти по проведению подготовительных и исполнительных мер по эвакуации Румынии.

Характерно, что с самого начала поставок часть этих предметов перевозилась из Владивостока, подрывая русские транспортные мощности, зимой 1916/1917 г. и без того оказавшиеся в затяжном кризисе. Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) в середине октября 1916 г. доводило до сведения Ставки верховного главнокомандования, что румынское правительство «оценивает в 3 тыс. тонн самую крайнюю необходимость ежемесячной доставки по Владивостокской железной дороге материалов, предназначенных для военного министерства» [2. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6082. Л. 55]. Притом, западные союзники не стеснялись шантажировать русскую сторону в вопросе увеличения объемов помощи румынам. Они угрожали прервать поставки вооружения, о чем уже имелась предварительная договоренность. Тем не менее, получив соответствующие заверения, в октябре французы отправили в Россию 100 155-мм орудий и 90 120-мм пушек. Англичане же поставили две батареи 152-мм гаубиц, а через несколько месяцев отправили еще 40 гаубиц и 40 128-мм орудий [4. С. 255]. Кроме того, французы обещали одновременно поставить в Россию 600 ручных пулеметов, и затем еще по 100 штук в месяц. Проблемы во взаимоотношениях с румынами – эвакуация Румынии, устройство румынских беженцев, переправка грузов для Румынии из Архангельска, распределение эвакуированных из Румынии грузов по русским заводам и складам вызвали необходимость создания при Ставке особого делопроизводственного отделения по румынским делам [2. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 283. Л. 142].

Таким образом, ряд грузов военного назначения передавался румынам западными союзниками – Великобританией и Францией. Однако эти предметы снабжения могли быть доставлены в Румынию лишь по российской территории. По преимуществу, в связи с перегруженностью Транссибирской магистрали – через Архангельск, портовая и железнодорожная инфраструктура которого и без того не справлялась с вывозом на фронты всех грузов для русской армии. 13 октября 1916 г. российский представитель при румынском командовании полковник В.А. Палицын телеграфировал в Ставку: «По сведениям румынского военного министерства много поездов с боевыми припасами для Румынии задержаны на различных станциях наших железных дорог. Румыны просят, чтобы при первой же возможности поезда были бы отправлены по назначению» [2. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6082. Л. 27]. Иными словами, теперь приоритетом становились грузы для Румынии, так как на этом настаивала Франция; русские же войска стали снабжаться заграничными грузами во вторую очередь. Англичане закупали в США продукцию для Румынии и переправляли ее на своих транспортных судах в Архангельск. Например, 24 декабря 1916 г. из Нью-Йорка в Колу вышел английский пароход «Ben Nevis» с грузом для румынского правительства: 625 ящиков патронов и 1427 ящиков медных пластин брутто-весом – 613 357 английских фунтов. Затем, 28 декабря – пароход «Каув Вонито»: 50 ящиков медных дисков, 6077 чушек свинца, 2905 ящиков бездымного пороха. 6 января – пароход «Spital»: 7302 болванки свинца [2. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6386. Л. 2–4].

Одной из проблем во взаимоотношениях между русскими и румынами стал вопрос продовольственного и фуражного снабжения русских войск, действующих

в Румынии. Проблема заключалась в том, что румыны, перед вступлением в войну продавшие неприятелю товарные запасы хлеба, к концу осени остались с минимумом продовольственных запасов, а русские железные дороги, перебрасывавшие в Румынию все новые и новые войска, не могли одновременно подвозить надлежащее количество продовольствия, фуража для их снабжения. Соответственно, для численно выросшей русской группировки местных средств не хватало, и следовало перейти к организации закупок. Между тем, румынские власти не торопились поделиться с русскими своими продуктами (хотя русские солдаты и офицеры с сентября проливали свою кровь за Румынию), запрещая хлебовладельцам продавать русским хлеб, дабы сохранить его для румынской армии, которая, после разгрома под Бухарестом в ноябре насчитывала не более 70 тыс. чел. Например, 9 декабря 1916 г. на станции Сикля румынский интендант отказался выдать хлеб 1-й Терской казачьей дивизии, хотя у него было восемь вагонов, «мотивируя свой отказ имеющимся у него строгим предписанием начальства не давать русским войскам продуктов». Спустя месяц, 9 января 1917 г. главный врач Полевого подвижного госпиталя № 377 сообщал главному начальнику снабжений армий Румынского фронта М.И. Кияновскому: «Румынское интендантство отказало мне в выдаче хлеба и муки», хотя в госпитале лечится от 400 до 1000 чел. близ железнодорожной станции, куда возможно доставить продукты питания [2. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 70. Л. 20, 29].

Данная проблема стала важным вопросом в переговорах между русской и румынской сторонами. В середине декабря Гурко предложил русскому посланнику в Румынии А.А. Мосолову в кратчайшие сроки урегулировать данную проблему, причем указания носили весьма жесткую форму. Выполняя распоряжение Ставки, Мосолов дипломатично обратился к румынскому премьер-министру И. Брэтиану с просьбой передать русским продфуражные склады в районах боевых действий русских армий и снять запрет местным румынским землевладельцам продавать зерно для русских войск. О своих маневрах Мосолов отчитался в телеграмме Гурко от 20 декабря 1916 г. (копия – командующему русской Дунайской армией в Румынии ген. В.В. Сахарову). Не получив от румын ответа, Мосолов повторил просьбу, но уже – официальной нотой с резкими выражениями указаний из телеграммы Гурко. Теперь румыны отреагировали незамедлительно и, разумеется, с позиции якобы обиженной стороны, о чем Мосолов подробно телеграфировал в Ставку: «На что получил в ответ ноту с обидой, что мы прибегаем к угрозам. Я же ответил, что сожалею, что не нашел в ней необходимого для нашей армии ответа, причем считаю, что в такую серьезную минуту не следует высказывать обиды за правдивое изображение действительного положения. После двухдневного обсуждения проблемы с румынскими министром внутренних дел, министром государственных имуществ и министром публичных работ, внесших свои предложения – было принято решение, «в силу которого румынское правительство обязуется поставлять по 2 тыс. вагонов в месяц зерна, избыток скота и фуража и соглашается на занятие всех нужных нам помещений под склады нашего интендантства с тем, чтобы как зерно, так и скот и фураж были бы возвращены румынскому правительству». То есть, Брэтиану рассчитывал на последующую компенсацию не подверженными инфляции деньгами, а натурой – продуктами питания. Также румыны обязались до 1 января «предоставить список мест и количество зерна, готового к приему интендантством», а с нового года русские должны были отказаться от армейских закупок местных средств в Румынии. Почему это предложение, с точки зрения Мосолова, являлось выгодным: «1. при покупке румынским правительством зерна цены будут менее вздуваться, и правильнее будут распределяться районы закупки. 2. запасы зерна уменьшатся, так же как и при покупке, что важно при оставлении нами этих местностей, причем английские склады (урожая прошлого года) останутся целыми и мы их можем

приобрести во всякое время, если бы мы не могли румынам возместить их зерно, когда население стало бы голодать, а в случае нашего отступления англичане уничтожат эти склады. 3. румыны, если принять их предложение, будут помогать нам в смысле перемола и доставки, что в денежном отношении, казалось бы, будет выгоднее для войска, чем покупка, которая неминуемо вызовет пререкания о том, продан ли излишек или необходимое для землевладельцев зерно. 4. из приложенных статистических данных видно, что у населения к апрелю иссякнули все зерновые запасы. Со своей стороны, думаю, что лишь последние 1,5–2 месяца до нового урожая у них будут затруднения в зерне. 5. считаю, что если бы румыны не исполнили своих обязательств, то всегда можно вернуться к порядку покупки зерна» [2. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 70. Л. 156–159]. Таким образом, в условиях, когда местному населению запрещалось продавать русским продовольствие, румыны предложили свои централизованные поставки, дабы иметь контроль за движением видимых запасов хлеба, скота и других запасов.

25 декабря 1916 г. Гурко сообщал Мосолову (копия – Сахарову) свою оценку обстановки и решения данной задачи: «Прошу Вас не отказать разъяснить румынскому правительству, что с моей стороны абсолютно никаких угроз не делалось, а я лишь считаю необходимым объяснить картину того, что происходит и к чему силой обстоятельств будет принуждена армия, ибо отход к своим границам может по необходимости произойти вследствие недостатка в продовольствии, в чем в значительной степени виновна разруха румынских железных дорог. Способ, каким можно достигнуть получения всего продовольствия для армий, для меня безразличен, лишь бы войска были обеспечены всем необходимым и не голодали в то время, когда в стране продовольствие имеется. Что касается обязательства вернуть румынскому правительству забираемое зерно, скот и фураж, то я полагаю, что это обещание мы не в состоянии будем выполнить [...] и по этому вопросу убедительно прошу разъяснить румынскому правительству, что от войск скрыть нельзя, что в районе имеется продовольствие и фураж, которые в то же время войска не получают. На этой почве возможны серьезные недоразумения, неудовольствие войск, положение духа войск и наконец даже грабеж. Совершенно безразлично, кому принадлежат запасы, имеющиеся в стране, не исключая и англичан. Необходимо ими всеми пользоваться широко, что гораздо лучше, чем при отступлении уничтожать, оставляя лишь строго необходимое на пропитание населения и обсеменение полей» [3. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 70. Л. 148–149].

В свою очередь, получившие информацию из Ставки фронтовые генералы Румынского фронта выступили против мнения Мосолова. Так, 28 декабря 1916 г. командарм-4 ген. А.Ф. Рагоза сообщил Сахарову, что жиров, соли, чая, сахара в Румынии – «совершенно не имеется». Далее Рагоза разъяснял действительное положение вещей, а не то, какое рисовалось румынской стороной российским дипломатам: «Условие необходимости согласования потребности русской армии с потребностью румынской армии и населения, не дает для русской армии определенной гарантии в том, что она всегда будет обеспечена всем необходимым [...] Запрещение войскам производить покупки уже после 1 января поставит армию в критическое положение, так как соглашение совершенно не обеспечивает возможности питания армии всеми необходимыми ей продуктами. Опыт пребывания наших войск в Румынии привел к вполне определенному выводу, что обещания румын почти не исполняются, причиной чего только отчасти является полная непригодность румынских железных дорог для успешной работы, которая еще более тормозится упорным неподчинением румынской железнодорожной администрации распоряжениям и даже просьбам представителей русской военной власти». Рагоза заключил телеграмму категорическим тезисом: «Докладывая, что прекращение подвоза продовольствия империи при настоящих условиях поставит армию в критическое и безвыходное положение, дерзаю ходатайствовать, чтобы

такового соглашения не утверждать, ибо оно погубит нас» [2. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 70. Л. 161–162].

Для ликвидации угрозы продовольственного кризиса военные власти России предприняли ряд мер, заключавшихся как в переброске в прифронтовую полосу рабочих рук (тыловики, инородцы, военнопленные), так и в попытках использовать для засева полей выведенные в тыл кавалерийские соединения. Что касается Румынского фронта, где ситуация складывалась наиболее неблагоприятно вследствие только-только начавшегося процесса налаживания системы снабжения русских армий в Румынии, помощник главнокомандующего армиями Румынского фронта (Помглавкорум) ген. В.В. Сахаров (номинальным главкомом являлся румынский король Фердинанд I) 28 января 1917 г. ходатайствовал перед румынским правительством о командировании румынских солдат и взятых румынами неприятельских пленных на сельскохозяйственные работы в Бессарабию, но ответа не было [2. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 39. Л. 104].

Военные поражения вынудили румынское правительство приступить к эвакуации из Румынии в глубь России массы различных грузов, войск, разнообразных материальных ценностей, золотой запас королевства. Помимо прочего, встал вопрос об эвакуации трех тыс. племенных лошадей. 15 января 1917 г. данное обстоятельство обсуждалось комиссией под руководством Засядко. Российское Государственное коннозаводство просило выделить на эти цели 300 тыс. руб. на первые четыре месяца, считая по 25 руб. на лошадь, «при условии, что перевозка лошадей по железным дорогам будет произведена распоряжением подлежащих властей, а прислуга, необходимая для ухода за лошадьми, будет предоставлена румынским правительством». В начале апреля 1917 г. должна была начаться эвакуация первой партии лошадей – 521 головы, для которых уже были подготовлены помещения и фураж на сумму в 20 тыс. рублей. Перевозка, размещение и содержание возложено на Главное управление Государственного коннозаводства. Главноуправляющий Государственным коннозаводством ген. П.А. Стахович в середине марта докладывал во Временное правительство, что для первой партии требуется 52 тыс. руб., ибо в связи с революцией в России, румыны отказались от идеи эвакуации – «так как дальнейшей эвакуации лошадей из Румынии, по-видимому, не предполагается» [3. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1068. Л. 3–3об.].

Напротив, румыны получали для своих войсковых нужд русских лошадей – но обычных, артиллерийских и обозных. В январе 1917 г. было заключено соглашение о передаче румынской армии 33 тыс. лошадей, в том числе непосредственно для войск румыны должны были получить 7,6 тыс. голов. Прочие лошади предназначались для румынских тыловых служб. В связи с революционными событиями, поставка лошадей была приостановлена, возобновившись лишь перед июньским наступлением. В июле румыны получили 3972 лошади, в конце месяца затребовали еще 26 тыс. голов. В ответ дежурный генерал при Ставке верховного главнокомандующего 2 августа сообщил что данная мера невозможна, в связи с «истощением коневого рынка страны» [2. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 695. Л. 11–12].

После Февральской революции и падения монархического режима, русско-румынское сотрудничество лишь усилилось. Причины этого просты: во-первых, русское военно-стратегическое планирование кампании 1917 г. предполагало нанесение главного удара в весенне-летнем наступлении силами Юго-Западного фронта ген. А.А. Брусилова, способствовать которому должен был как раз Румынский фронт ген. В.В. Сахарова, которого на посту помглавкорума 11 апреля сменил командарм-7 ген. Д.Г. Щербачев. Чем более углублялся революционный процесс в России, тем большая роль в ударе Румынского фронта отводилась дисциплинированной румынской армии. Во-вторых, с истощением румынских ресурсов (большая часть Румынии оказалась под оккупацией) снабжение румынских войск практически полностью перешло под юрисдикцию российской стороны. Соответ-

ственно, в срочной телеграмме в Петроград от 15 марта 1917 г. новый верховный главнокомандующий ген. М.В. Алексеев отчитался перед Временным правительством и по румынскому вопросу на данный момент времени. Алексеев заявил относительно намеченного на 18 марта совещания в Ставке, что здесь «должен быть выяснен и разрешен вопрос о той продовольственной помощи Румынии, которую правительство считает нужным оказать этой союзной стране, которая уже терпит крайнюю нужду» [3. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 312. Л. 33].

Прежде всего, продолжались поставки румынской стороне материальной части, причем «металлический голод», который стал фактом для России еще в середине 1916 г., когда начальник штаба верховного главнокомандующего Алексеев сообщил об этом императору, явился причиной затруднений в предложении румынам металла. Примечательно, что учитывались цены всего – и товара, и услуг. ГИНТУ 6 апреля 1917 г. докладывало в особое делопроизводство по снабжению металлами, что румыны просят 45 тыс. пуд подковного железа – «по изготовлении железа и подков сообщите заготовительную стоимость их, включая сюда и стоимость укупорки, а также отдельно стоимость угля и перевозки до станции Яссы для производства расчетов с румынским правительством». Вскоре, 14 апреля ГИНТУ присовокупляло: «Ввиду переживаемого в настоящее время металлического кризиса, к назначению румынскому правительству железа для выделки подков встречаются большие затруднения». Возможно ли выделить румынам подковы «натурою русского образца соответствующих размеров»? Также, в мае румыны затребовали 100 кавалерийских и 400 полевых кухонь [2. Ф. 499. Оп. 6. Д. 311. Л. 113–114, 120].

Невзирая на законодательное введение в России хлебной монополии, кризис продовольственного снабжения продолжал усугубляться, хотя летом 1917 г. его проявление сказывалось не столько в недостатке снабжения фронта, сколько в минимальных объемах хлебных запасов в распоряжении государства. Поэтому румынский союзник, видя, что русское интендантство и созданное в мае Министерство продовольствия, вполне возможно, не смогут в надлежащей степени выполнить обязательства по снабжению румынских армий, поспешил предпринять попытку самостоятельной закупки продовольствия внутри России. Румынская Продовольственная комиссия (члены – Брэтиану, Петреску, Попеску, Алеманестиану, Теодор, Берендей, Роско, Филитис) получила право закупить в Сибири, Владивостоке и Харбине 245 вагонов «немонополизированных» (т.е. – не подлежащих исключительной закупке Министерством продовольствия) продуктов «для нужд румынского населения». Отношение Министерства продовольствия губернским продовольственным комитетам Сибири гласило: «Окажите со своей стороны полное содействие в закупке ими немонополизированных [продуктов], снабдите продуктами из числа монополизированных или взятых на учет в пределах общих правил и по специальным нарядам министерства продовольствия, которые будут сделаны дополнительно». В том числе, румынам было разрешено купить: мясные консервы – четыре вагона, рыбные консервы – четыре, овощи – четыре, сушеное или копченое мясо – десять, сушеная рыба – десять, сушеные овощи – шесть, фрукты – двадцать, консервный бульон – четыре, рис – 50, чай – десять, кофе – десять, какао – два, шоколад – пять, сахар – 25, перец и др. пряности – пять, сыр и масло – 11, макароны и бисквиты – 15, свечи – десять, мыло – десять, обувь – десять, мануфактурный товар – двадцать вагонов [3. Ф. 1783. Оп. 1. Д. 24. Л. 113].

Нехватка скота в прифронтовой полосе и незначительное количество вагонов-ледников для доставки охлажденного мяса на фронт, понудили продовольственные органы приступить к сушке мясопродуктов. Отдел заготовки и снабжения мясом, салом и рыбой и организации холодильного дела при Министерстве продовольствия (управляющий отделом – В.Н. Бреславец, до революции являвшийся

уполномоченным по закупке мяса для армии в Уральском районе), 24 июля 1917 г. внес во Временное правительство проект конвенции с румынским военным министерством по организации сушки мяса для нужд русской и румынской армий. Министерство иностранных дел одобрило этот проект, поручив согласовать его уполномоченным на подписание этой конвенции – Бреславцу с русской стороны и профессору И. Атанасиу, ректору Бухарестского университета – с румынской. Согласно ст. 1, Министерство продовольствия обязывалось устроить в Семипалатинске и двух других пунктах Азиатской России – «печи для изготовления сушеного мяса» в количестве 250 штук, причем половину суммы по устройству и оборудованию платит Россия, половину – Румыния. Ст. 4 указывала: «Изготовление сушеного мяса производится русским Министерством продовольствия под наблюдением и по указаниям румынских специалистов». Ст. 6: «Скот для изготовления сушеного мяса для нужд румынского военного министерства отпускается русским министерством продовольствия по себестоимости и с начислением всех накладных расходов. Из этой суммы будет однако вычтена стоимость возвращаемых русскому министерству продовольствия кожи и половины сала. Стоимость эта определяется по твердым ценам на эти продукты в пунктах, где будет проводиться сушка мяса». Ст. 8 распределяла готовый продукт в соотношении 5/8 – русскому Министерству продовольствия, 3/8 – румынскому военному министерству; поставляемое сушеное мясо отправлялось в адрес русско-румынской комиссии в Яссах [З. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1513. Л. 1–2об.].

После неудачи июньского наступления, показавшего, с одной стороны, степень развала русских вооруженных сил и, с другой – качество усилий, предпринятых румынским военно-политическим руководством по усилению румынских войск, неравновесная в русскую сторону чаша весов в сотрудничестве между Россией и Румынией начинает понемногу склоняться в пользу румын. Невзирая на тот факт, что русские армии Румынского фронта по-прежнему находились в окопах, удерживая фронт, стало понятно, что реальной боевой силой на этом участке являются румынские армии, отлично показавшие себя в сражении при Марашешти. С 1 июля прекратило деятельность Межведомственное совещание по объединению вызываемых эвакуацией Румынии мероприятий во главе с Д.И. Засядко. Все дела были переданы в Эвакуационную комиссию при Особом совещании по обороне государства. Товарищ председателя Совещания П.И. Пальчинский сообщал, что в связи с тем, что в компетенцию эвакуационной комиссии не входит эвакуация всех румынских управлений, предприятий, казны и частного имущества, Особое совещание доводит «до сведения Временного правительства о желательности образования особого органа по объединению вызываемых эвакуацией Румынии мероприятий» [З. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 51. Л. 1]. В августе пришлось создавать смешанную русско-румынскую комиссию по распределению снабжения между армиями Румынского фронта.

В таких непростых политических условиях экономические взаимоотношения с середины лета 1917 г. перешли некую грань, по преодолении которой румынская сторона, обладавшая боеспособными войсками, медленно но верно приобретала все больший вес для русской стороны. К тому же, с приближением осени ситуация снабжения фронта в России начала ухудшаться, что было связано со слабым поступлением хлеба в распоряжение государства и продолжающейся разрухой на российском транспорте. Следовательно, вопрос о наличии местных средств – продовольственных и фуражных ресурсов в пределах Румынского фронта вставал все с большей силой. 18 августа штаб 6-й армии сообщил новому начальнику снабжений армий Румынского фронта ген. А.С. Санникову: «Жители города Измаила подали прошение о разрешении им ловить рыбу в принадлежащих Румынии водах реки Дунай между Измаилом и Килией для продовольствия 6-й армии» [2. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 7. Л. 54].

Если говорить о какой-либо достаточности запасов на Румынском фронте, то это может касаться разве что сахара. Соответственно, зависимость от тылового снабжения увеличивалась, а русские власти чем дальше, тем больше рассчитывали на местные средства, которые, вследствие их ограниченности, следовало централизовать в закупочно-реквизиционной политике фронтового командования. Согласно заключенным еще при императоре Николае II соглашениям, на румынской территории, оставшейся под контролем союзников после отступления ноября–декабря 1916 г., распоряжались румынские власти. В том числе – и в отношении заготовки и поставки продовольствия и фуража. В то же время, на русских территориях Одесского военного округа, подчинявшихся Румынскому фронту, особенно в Бессарабской губернии, действовали русские правила.

Осенью румыны окончательно закрепили за собой имевшиеся у них полномочия, усиливая их нормативную составляющую. Так, с 7 сентября вновь запретили румынскому населению продавать русским войскам продовольствие, в тот же день телеграмма помглавкоруна Щербачева за № 1465 запрещала покупки продовольствия и фуража в Румынии непосредственно русскими войсками. В сентябре Румынский фронт получил 360 вагонов продфуража, однако «вследствие незнания этого войсками, в Яссы прибывают ежедневно десятки офицеров и солдат, которые напрасно теряют время, ибо никто не может дать разрешения на покупки». Главполинт сообщил, что «ввиду недостатка крупы в стране, на усиление ее подхода с тыла рассчитывать нельзя, почему необходимо довольствоваться войска кукурузной крупой и местной». В данной ситуации румынское командование поспешило забрать полномочия по распоряжению местными средствами в свои руки. Телеграмма румынского министра внутренних дел от 18 сентября префекту Константы Мумуяну, который занимал должность правительственного комиссара при русской армии, гласила: «Согласно новому договору, заключенному с высшими русскими властями на Румынском фронте, с сегодняшнего дня Вы не должны больше выдавать разрешения на покупку продуктов и скота для русской армии. В настоящее время русская армия снабжается непосредственно в России. В исключительных случаях русские войсковые части обращаются к высшему командованию в Яссах, которое ходатайствует перед военным министерством, и это последнее дает распоряжение об удовлетворении требования из тех округов, где есть еще запасы». Мумуяну переслал эту телеграмму русским коллегам – председателю русско-румынской комиссии по распределению снабжения между армиями Румынского фронта ген. А.А. Морицу и помощнику главного начальника снабжений армий Румынского фронта ген. В.П. Тальгрону. Подчиняясь новым правилам, Мориц телеграфировал армиям: «В Комиссию прибывают ежедневно десятки уполномоченных частей войск за получением разрешений на право покупки продуктов у румынского населения [...] Прошу оповестить, что Комиссия подобных удостоверений не выдает. Полагаю, что донесения о продовольственных затруднениях должны идти по команде, а не путем поездок отдельных уполномоченных» [2. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 17. Л. 10, 27, 55, 235].

Разумеется, данная мера немедленно ударила по русским армиям. 19 сентября начальник штаба 4-й армии ген. Н.А. Монкевиц телеграфировал Щербачеву: «Находя необходимым увеличить участок, отведенный 4-й армии в Бессарабии ввиду отлива части местных средств для гарнизона и населения Ясс, [прошу] срочно телеграфировать – насколько полагаете Вы возможным отодвинуть границу фронта в пределах 4-й армии и нельзя ли ее продолжить до Днестра для того, чтобы поставить означенную армию в одинаковые условия с прочими». В свою очередь, командарм-6 ген. А.А. Цуриков 26 сентября доносил: «Подвоз с тыла сена и соломы крайне недостаточен. Войсковые части, находящиеся в Румынии, поставлены в безвыходное положение. Население, руководствуясь телеграфным распоряжением румынского военного министра от 7 сентября сего года, и не имея надлежаще-

го распоряжения, отказывает в продаже войсковым частям необходимого фуража. Ввиду этого прошу неотложного распоряжения вашего о разрешении населению продажи войсковым частям сена и соломы». На следующий день Цуриков сообщил, что «на местные средства румын рассчитывать нельзя, ввиду ограниченности таковых и категорических заявлений румынского правительства, что свыше 24 тыс. пуд продуктов, предоставляемых ежедневно в распоряжение 4-й и 9-й армий, они ничего не в состоянии дать». Рапорт командарма-8 ген. М.А. Соковнина от 25 сентября дополнял эти сведения: «21 сентября в Липканах, на совещании представителей армии и местных продовольственных организаций выяснилось крайне безотрадное положение вопроса эксплуатации местных средств. Помещичьи запасы использованы почти в полной мере, крестьянские же не тронуты, и сбор их представляется невозможным при существующем настроении крестьян и бессилии местной власти. Подстрекаемые злонамеренными лицами, агитирующими не давать армии хлеба, чтобы скорее закончить войну, крестьяне не обмолачивают свой урожай, силой препятствуют в этом начинании армии и отказывают в выдаче ей продовольствия». Ходатайство Соковнина: «Расширить полномочия комиссара Временного правительства при армии, подчинив ему в районе эксплуатации армии милицию, администрацию и судебные учреждения» [2. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 18. Л. 2, 5, 24, 47]. Столкнувшись с недовольством русских военачальников, 29 сентября румынское военное министерство сообщало в штаб Румынского фронта: «Военное министерство получает ежедневно прошения от разных частей и их делегатов о разрешении покупок на нашей территории хлебов, фуража, овощей и скота. Министерство не в состоянии удовлетворять этим требованиям, так как даже количества, потребованные в договоре, могли быть доставлены лишь с большим трудом и ущербом для румынской армии и местного населения. Прошу поэтому не отказать распорядиться о прекращении подачи подобных требований в военное министерство» [2. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 17. Л. 77].

Накануне октябрьского переворота в вопросе продфуражного снабжения ситуация на Румынском фронте продолжала ухудшаться. В сентябре 1917 г. Министерство продовольствия предполагало перевезти из Новороссийска из запасов на Северном Кавказе 5 млн пуд пшеницы в Одессу для нужд Румынского фронта. Однако еще в декабре фронт запрашивал этот хлеб. Телеграмма из Одессы главному начальнику снабжений армий Румынского фронта от 19 октября указывала, что «выслано из Одессы 17-го два вагона чаю. Больше нет ни в наличии, ни в ожидании, несмотря на неоднократные просьбы Главному полевому интенданту, ввиду чего благоволите распоряжением и бережном расходе и равномерном распределении по армиям и корпусам, в крайнем случае уменьшив дачу». Одновременно, телеграмма Санникова в октябре 1917 г. уточняла, что «заготовка отдельными войсковыми частями продуктов и фуража [в тылу] Временным правительством категорически воспрещена. Исключение составляет прифронтовой район, предоставленный войскам для эксплуатации, где опять-таки эксплуатация должна производиться при участии продовольственных органов» [2. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 17. Л. 89об., 102об., 250].

Уже после Октября, положившего начало массовой демобилизации русской действующей армии, интендантство все-таки пыталось наладить снабжение войск, прибегая к помощи румынской стороны. Телеграмма Санникова армиям Румынского фронта от 3 ноября 1917 г.: «Вследствие обильной сдачи крестьянами ячменя и непоставок ими пшеницы и ржи, представляется необходимым отправлять на фронт муку с примесью ячменной. Из произведенного опыта выпечки хлеба из такой муки, лучшим показывается хлеб из 85% пшеничной и 15% ячменной муки». В свою очередь, 14 декабря румыны сообщали Щербачеву, что «русские отряды, направляющиеся в Бессарабию, увозят с собой большое число голов скота, захваченного у румын. Ввиду того, что мы этим лишаемся последних

запасов, честь имеем просить Вас довести до сведения русских армий, что им категорически воспрещается уводить скот из Румынии в Бессарабию. Румынским постам приказано препятствовать русским отрядам и частям совершать подобные поступки» [2. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 17. Л. 143, 292].

Таким образом, русско-румынские взаимоотношения в период Первой мировой войны по поводу разнообразной номенклатуры материального снабжения носили сложный и противоречивый характер. С одной стороны, нуждаясь во взаимной помощи, русская и румынская стороны, несомненно, стремились к сотрудничеству, которое могло бы в должной мере удовлетворять обе стороны. С другой стороны, имевшее место быть взаимное недоверие, накладывало на это сотрудничество отпечаток взаимных препон и элементов противодействия, имевших в основе стремление к максимальному использованию меняющейся ситуации в своекорыстных интересах. Влияние западных союзников по Антанте, безусловно, действовало, прежде всего, в пользу Румынии. В период с августа 1916 по июль 1917 г. уверенный приоритет и первенство во взаимодействии имела российская сторона, в силу объективных причин обладавшая инструментами давления на румын. Ближе к осени 1917 г. румыны постепенно меняют ситуацию в свою пользу, используя ход и течение революционного процесса в России, намереваясь сохранить свою армию и государственность в непростых условиях слома русской государственной машины и выхода России из войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Каширин В.Б.* Поход в Добруджанскую степь: эволюция замысла, планирование и подготовка экспедиции русских войск за Дунай в 1916 году // «STUDIA BALKANICA» (к юбилею Р.П. Гришиной). М., 2010.
2. Российский государственный военно-исторический архив.
3. Государственный архив Российской Федерации.
4. Французские армии в мировой войне. М., 1940. Т. 8. Восточная кампания. Вып. 2. Издание французского генерального штаба.

© 2016 г. А. ЖИВОТИЧ

ЮГОСЛАВСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ МЕЖДУ СУЭЦКИМ И ВЕНГЕРСКИМ КРИЗИСАМИ

Во время Суэцкого кризиса югославское правительство продемонстрировало конкретный пример новой внешнеполитической доктрины, которая была основана на принципах политического дистанцирования от Западного и Восточного блока и формировала более широкое движение неприсоединившихся стран. Используя Суэцкий кризис, Югославия укрепила свои позиции на Ближнем Востоке, а также действовала в интересах своей национальной безопасности.

During the Suez Crisis, the Yugoslavian government demonstrated how they apply the new political doctrine, which was based on the principles of political distancing from both the Western, and the Eastern Blocks and was aimed at consolidation of a broader movement of non-aligned countries. Using the Suez Crisis, Yugoslavia strengthened its positions on the Near East and contributed to its own national security.

Ключевые слова: Суэцкий кризис, арабо-израильская война 1956 г., движение неприсоединения, ООН.

Keywords: Suez Crisis, Arab-Israeli War of 1956, non-alignment movement

После путча 1952 г., свержения режима короля Фарука и установления власти «Свободных офицеров» во главе с генералом Нагибом, Великобритания начала терять позиции в Египте. Новая, республиканская власть во внешней политике отдалялась от Англии, сближалась с США, и особенно с СССР, а также устанавливала близкие отношения с другими арабскими странами, Югославией и неприсоединившимися государствами Азии и Африки. Результатом усилий нового египетского правительства стало подписание в 1954 г. договора о выводе из Египта британских войск. Вследствие отказа держав-совладельцев Суэцкого канала – Великобритании и Франции – финансировать строительство жизненно важной для Египта Асуанской плотины, президент страны Гамаль Абдель Насер 26 июля 1956 г. в Александрии на собрании, посвященном годовщине революции, объявил о национализации Суэцкой компании. Этот шаг египетского правительства стал причиной одного из крупнейших военных и политических конфликтов Холодной войны. Кроме стран-совладельцев объекта в конфликт оказались вовлечены обе сверхдержавы, а также страны – активные пользователи канала – , в том числе неприсоединившиеся государства, включая Индию и Югославию. Сам акт национализации Суэцкой компании вызвал неоднозначную реакцию общественного мнения, внимание которого было приковано к проблеме из-за угрозы вследствие неразрешенных имущественных противоречий, остановки навигации по Суэцкому каналу. Поскольку имущественные права Англии и Франции были нарушены, их правительства инициировали в августе в Лондоне сначала конференцию ве-

Животич Александр – д-р ист. наук, доцент Белградского университета.

ликих держав, а затем и конференцию с участием других стран, пользовавшихся услугами Суэцкой компании. Недовольное способом проведения и подбором участников этих конференций, египетское правительство их бойкотировало, отказавшись руководствоваться принятыми там решениями. Египет и далее не был готов отступить от своих позиций, особенно после весьма недвусмысленных сигналов из Москвы и восточноевропейских столиц об абсолютной поддержке его линии, а также о солидарности, проявленной правящими кругами и общественным мнением во многих странах «третьего мира». В свою очередь Великобритания и Франция постепенно теряли позиции в суэцком вопросе. Политические, военные и экономические интересы подталкивали их к быстрому разрешению конфликта. Однако невозможность разрешить его в ходе мирных переговоров, итоги которых признали бы все стороны, равно как и несовершенство соответствующих механизмов международных организаций, сделали вполне вероятным дальнейшее развитие событий по военному сценарию. По оценкам англичан и французов, военное решение было проще и очевиднее других, учитывая, что внимание СССР с каждой неделей все больше приковывали к себе восточноевропейские (польские и особенно венгерские события), однако при этом не принималась должным образом во внимание неблагоприятная для них позиция США. Мощная поддержка Вашингтоном европейцев, оказанная в начале кризиса, со временем ослабевала, а затем и вовсе прекратилась, в частности в ходе обсуждения вопроса в Совете Безопасности.

Политика Великобритании и Франции по сути снова разожгла старый ближневосточный конфликт, сыграв на египетско-израильских противоречиях. Причиной постоянной напряженности между ними было отсутствие мирного договора по итогам разрешения конфликта 1947–1949 гг. При этом частые приграничные инциденты сопровождалась обвинениями со стороны израильтян в том, что Египет предоставляет убежище палестинским террористам [1. Р. 1–18]. Кроме того, имели место попытки Египта запретить израильским кораблям проходить через Суэцкий канал. Начатые в 1955 г. переговоры о поставках в Израиль английского и французского вооружения в ответ на аналогичный договор, подписанный между Египтом и Чехословакией, привели к созданию более прочного союза [2. Р. 162–164]. Быстрое усиление египетской армии воспринималось Израилем как угроза, что способствовало его втягиванию в англо-французскую политику в регионе [3. Р. 205–208].

Силовое решение вопроса очень долго готовилось. Судя по доступным источникам, решение о предполагаемой военной интервенции было принято еще в середине сентября 1956 г. Однако непосредственное военное вмешательство трудно было бы оправдать в глазах мировой общественности, а потому Великобритания и Франция в интересах восстановления своих пошатнувшихся позиций на Ближнем Востоке было на руку подключение Израйля, видевшего в политике Египта угрозу своей национальной безопасности [4. Р. 233–238]¹. План по втягиванию Израйля в конфликт был четко проработан. Его акция по установлению контроля над Синайским полуостровом должна была стать прелюдией вмешательства Англии и Франции с целью защитить Суэцкий канал от военных столкновений. Таким образом, локальный египетско-израильский конфликт должен был дать повод для масштабной военной интервенции Лондона и Парижа [4. Р. 202, 243–246]. В дальнейшем израильским войскам предстояло прикрывать восточное крыло объединенных англо-французских сил. После переговоров, начавшихся 22 октября, Израиль выразил свое согласие. Окончательный договор был подписан в парижском пригороде Севр 24 октября. Вечером 29 октября израильские войска должны были

¹ Базы федаинов на Синайском полуострове блокировали Тиранский пролив, что наносило большой урон экономике еврейского государства [5. Р. 56–58].

начать мощное наступление вдоль всей египетско-израильской демаркационной линии для того, чтобы всего за один день приблизиться к зоне Суэцкого канала. Якобы обеспокоенные безопасностью навигации по Суэцкому каналу, французы и британцы уже 30 октября предъявили бы ультиматум обеим сторонам конфликта. Ультиматум Египту, гарантировавший полную защиту англо-французских интересов [6. 73/205–6], включал бы в себя требования отвести египетские вооруженные силы на десять миль от Суэцкого канала, прекратить военные операции и дать согласие на немедленную оккупацию территории вокруг Суэцкого канала англо-французскими войсками для гарантии свободы и безопасности прохода через него кораблей всех стран до подписания окончательного договора. Отведения войск на десять миль к востоку от Суэцкого канала потребовали бы и от Израиля [7. P. 106; 8. P. 100–101], что в принципе не противоречило его интересам. В случае, если бы египетское правительство не приняло ультиматум, за израильской стороной признавалось право продолжить военную операцию, в свою очередь англо-французские войска совершили бы нападение на Египет ранним утром 31 октября², что, собственно говоря, и произошло. Разумеется, договор был подписан тайно, его существование долгое время отрицалось всеми тремя сторонами [6. 12/180–3, Legal Opinions]. После того как Израиль стал активной стороной заговора, конфликт перерос прежние рамки имущественного спора за коммуникационный объект, имевший особое международное значение.

Предпринятая акция вызвала большой международный резонанс. 28–29 октября, в условиях ускоренной мобилизации израильской армии, США организовали встречу представителей трех западных великих держав. Президент Д. Эйзенхауэр выступил с заявлением, в котором выразил обеспокоенность событиями на Ближнем Востоке [9. P. 343]. Надежды на то, что в самый канун президентских выборов США предпочтут поддержать своих западных союзников, оказались тщетными: в Вашингтоне смотрели на ближневосточный конфликт сквозь призму собственных геополитических интересов³. Пока в Вашингтоне продолжались переговоры, вооруженные силы Израиля атаковали египетские позиции. Акция, проведенная за спиной США, осложнила отношения Вашингтона с Лондоном и Парижем [11. P. 257–264]⁴. США отреагировали очень быстро – Эйзенхауэр собирался использовать все свое влияние, чтобы избежать войны на Ближнем Востоке. Вашингтон потребовал немедленного прекращения огня и созыва 30 октября специального заседания Совета Безопасности ООН [13. S. 261; 14. P. 253–255.]. В письмах премьер-министрам Великобритании и Франции А. Идену и Г. Молле содержался призыв отказаться от применения силы для решения спорных вопросов. Однако влияние Британии и Франции в регионе сохранялось, к тому же действия администрации США были лимитированы как новым всплеском международной напряженности в связи с Венгерским кризисом, так и назначенными на начало ноября президентскими выборами, на которых он планировал избраться на второй срок.

Таким образом, решение о применении силы на Ближнем Востоке принималось в условиях глубокого внутриблокового кризиса, когда мощнейший союзник Египта, СССР, находился в весьма непростом положении. В этот восточноевропейский кризис в определенной мере был вовлечен и еще более близкий союзник

² Израиль разрешалось оккупировать западный берег Акабского залива и острова Тиран и Санафир, чтобы обеспечить безопасность мореходства по Акабскому заливу и Тиранскому проливу. Израиль при этом обещал не нападать на Иорданию, а в случае нападения Иордании на Израиль Великобритания брала на себя обязательство не предоставлять ей никакой помощи.

³ Основы политики США в регионе заложила так называемая «доктрина Эйзенхауэра», сформулированная в январе 1957 г. (см. [10]).

⁴ Их разногласия в ближневосточном вопросе проявились еще в середине сентября 1956 г. [12. P. 612–613].

Египта, граничившая с Венгрией нейтральная Югославия, руководство которой прямо или косвенно пыталось повлиять в интересах собственной безопасности на развитие событий в соседней стране, по возможности не ставя при этом под угрозу лишь недавно стабилизировавшиеся и находившиеся на подъеме отношения с СССР. Положение в Восточной Европе не могло не приниматься во внимание в Лондоне и Париже. Однако при всей очевидности связи между событиями в Венгрии и англо-франко-израильским нападением на Египет, утверждения о том, что эти события имели определяющее значение при решении осуществить интервенцию против Египта [15. С. 238–240], не достаточно подтверждаются доступными источниками. Можно лишь со всей уверенностью утверждать, что венгерские события сыграли важную роль при выборе конкретного времени нападения на Египет. Ситуация в Будапеште, бесспорно, повлияла на скорость советской реакции в отношении того, что происходило на Ближнем Востоке, но при этом едва ли определила ее интенсивность [16. Р. 237–239].

Взаимосвязь и хронологическое совпадение двух кризисов сказались и на югославской политике. Надо было учитывать новую расстановку сил, близость позиций двух сверхдержав и их готовность достичь быстрого и взаимоприемлемого решения. Согласно известным источникам, Югославия не располагала информацией о переговорах между Израилем, Великобританией и Францией. Представители израильской парламентской делегации, находившиеся в Югославии до 29 октября и покинувшие ее всего за считанные часы до начала войны на Ближнем Востоке, не делали никаких намеков на то, что ситуация развивается в этом направлении [17. 1956. Ф. 40. 415914]. Вместе с тем югославский посланник в Тель-Авиве Джурич получил информацию о том, что правительство Израиля очень интересуется позицией Югославии по Суэцкому кризису и снова намерено просить президента Тито о посредничестве в разрешении вопроса о свободном использовании Суэцким каналом для израильских кораблей [17. 1956. Ф. 40. 417742]. В свою очередь посол Израиля в Брюсселе посетил югославского посланника Яворского, в доверительной беседе поинтересовавшись у него относительно позиции Югославии, ее готовности поддержать египетские требования [17. 1956. Ф. 40. 417819]. Яворский обратил внимание на то, как нервно он настаивал на окончательном ответе. Можно было предположить, что Израиль готовит некую серьезную акцию и для него весьма значима югославская позиция. Югославский посланник в Гааге С. Фейич сообщал в Белград о заметном англо-франко-израильском сближении и негативной реакции на это США [17. 1956. Ф. 72. 417872]. Однако югославы обладали лишь косвенной информацией о новой перегруппировке сил на Ближнем Востоке, предвещавшей эскалацию кризиса. Судя по доступным данным, в ходе визита румынской государственной делегации в Югославию во главе с Г. Георгиу-Дежем (22–29 октября), проблема Суэца затронута не была. Основной темой переговоров была ситуация в Венгрии. Совершенно неожиданно для румынских гостей, Й. Броз Тито и Э. Кардель раскритиковали советскую внешнюю политику, экономическую доктрину и особенно позицию СССР по Венгрии [18. I–3–a/27–8]. Более всего в это время их, очевидно, заботил (в том числе в контексте югославо-венгерских отношений) венгерский вопрос, отодвинув на второй план суэцкий кризис [19. S. 48–50].

За несколько часов до начала боевых действий югославский посол Джержжа сообщил из Каира о быстром ухудшении ситуации, ускоренной мобилизации израильских войск и оборонительных мерах Египта; все говорило о том, что вскоре начнется война [17. 1956. Ф. 69. 418052]. Как только появилась информация о нападении Израиля на Египет, посланник Джурич проинформировал об этом Белград. Донесение он дополнил предположением о том, что агрессия быстро закончится крахом и, возможно, это спровоцирует политическую нестабильность в Израиле [17. 1956. Ф. 69. 418055]. Югославский представитель в ООН

Й. Брилей провел серию консультаций с представителями стран-членов Совета Безопасности и потребовал немедленного созыва этого органа (Югославия в это время была непостоянным членом Совбеза). Он отметил, что США явно выступают против военной акции, и пришел к выводу, что осуждение действий Израиля в Совете Безопасности зависит от позиции Египта [17. 1956. Ф. 69. 418058]. Брилей сообщил, что генеральный секретарь ООН Д. Хаммаршельд согласился с его мыслью о том, что Тито должен убедить Насера обратиться за помощью в Совет Безопасности до того как произойдет эскалация кризиса: Египет должен потребовать введения санкций в отношении Израиля. Хаммаршельд не мог гарантировать, что санкции будут одобрены, но обещал обсуждение вопроса в Совбезе [17. 1956. Ф. 69. 418059]. В ночь с 29 на 30 октября 1956 г. и рано утром военное представительство Югославии в Каире сообщило об обстановке на фронте и потерях египетской армии, но вместе с тем и о перегруппировке египетских войск, а также о неожиданном, невероятном хладнокровии правительства Египта [20. К. 376. Ф. 1. 2428]. В тот же день югославские военные специалисты предоставили египетскому генштабу сведения о перемещениях англо-французских войск в Средиземноморье. Было высказано предположение, что британские и французские силы готовы напасть на Египет в ближайшее время [20. К. 376. Ф. 1. 1228]. Посол Джерджа получил надежную информацию, согласно которой США приняли решение придерживаться нейтралитета в ходе конфликта. Эти сведения имели особое значение для югославской дипломатии, учитывая актуальность вопроса о продолжении оказания Югославии американской помощи [17. 1956. Ф. 69. 418125]. Вместе с тем в Белграде пришли в некоторое замешательство, получив информацию от посланника в Дамаске, согласно которой американские представители советовали сирийцам не реагировать на израильскую агрессию против Египта [17. 1956. Ф. 69. 418048]. Несмотря на это, 30 октября югославская дипломатия развила активную наступательную деятельность. В Белграде преобладало мнение о том, что происходящее является нарушением договора о перемирии, имевшего постоянный характер. Это означало, что израильская акция имела характер необъявленной войны [21. S. 458–473].

В тот же день посланник Джурич посетил израильского министра иностранных дел Г. Меир и запросил у нее сведения о целях нападения на Египет. Он жестко изложил позицию Югославии о том, что предпринятая агрессия представляет угрозу миру во всем мире. Меир в ответ подчеркнула, что Израиль предпринял ограниченную акцию, которая вышла за эти рамки исключительно из-за позиции Египта, войска же Израиля не будут отведены с занятых ими территорий до тех пор, пока не будет предоставлено твердых гарантий его безопасности [17. 1956. Ф. 69. 421347]. Она выразила также надежду на понимание со стороны Югославии, если дело дойдет до заседания Совбеза, а услышав от Джурича о предстоящем осуждении Югославией на Совбезе израильской акции, не стала скрывать своего разочарования [17. 1956. Ф. 69. 418185]. Переданные Джуричем сведения о разгрузке французской военной техники около Хайфы представляли для югославской стороны важную информацию и ориентир для будущих акций и оценок дальнейшего развития событий [17. 1956. Ф. 69. 418192].

В то время как Джурич разговаривал с Меир, заместитель государственного секретаря ФНРЮ по иностранным делам Д. Видич вызвал израильского посланника в Югославии Левави и сообщил ему, что правительство ФНРЮ рассматривает нападение на Египет как акт агрессии. Он добавил, что по этой причине югославская делегация будет требовать от Совбеза применения самых жестких санкций в отношении Израиля, которому следует срочно начать отвод войск на исходные позиции. В качестве контраргумента Левави привел положения из заявления израильского правительства, в котором в качестве причины нападения были названы сокрытие на территории Египта угрожающих Израилю федаинских

террористических групп, запрет пользования Суэцким каналом для израильских судов и оказание военной помощи Иордании. От комментариев по этому поводу Видич воздержался [17. 1956. Ф. 69. 418009; 18. I-5-b/1155].

Получив новые инструкции из Белграда, Джурич в тот же день около полуночи посетил Меир и официально выразил ей югославский демарш, повторявший по сути то, что Видич заявил Левави. В ходе краткой, но очень резкой беседы произошел небольшой дипломатический инцидент, в основе которого лежал ряд саркастических замечаний о характере внешней политики Югославии, сделанных Меир. Впрочем, Джурич не пошел на обострение дискуссии, заметив, что причиной его визита стали совсем другие проблемы [17. 1956. Ф. 69. 421349]. Это было первое заметное проявление ухудшения югославско-израильских отношений.

Между тем, послы ФНРЮ в Вашингтоне, Лондоне, Москве и Дели получили инструкции как можно скорее посетить министерства иностранных дел стран пребывания, выразив обеспокоенность Югославии развитием кризиса, вызванного агрессией Израиля, и призвав лидеров соответствующих стран приложить все силы на ликвидацию конфликта; в сложившихся условиях Югославия требовала экстренного созыва Совета Безопасности и введения санкций против Израиля [17. Ф. I. 261]. Послу в Вашингтоне Матесу было рекомендовано сослаться на заявление госсекретаря США Дж. Ф. Даллеса, осудившего мобилизацию израильских войск [17. Ф. I. 261]. Еще до этого заместителя государственного секретаря ФНРЮ по иностранным делам Прицу посетил британский поверенный в делах Хаиман. Он выразил согласие с позицией Югославии в ООН по венгерскому кризису (поддержкой предложенной ею формулировки о сопротивлении венгров военной интервенции). Вместе с тем Хаиман попытался побольше разузнать об отношении Югославии к событиям на Ближнем Востоке, но Прица ограничился изложением официальной позиции. Ссылаясь на недостаточность информации о масштабах израильской акции, британский дипломат избегал определенности формулировок. При этом он осторожно намекнул на то, что Британия предпримет некоторые действия, предусмотренные положениями Севрского договора [17. 1956. Ф. 20. 418039; 18. I-5-b/1159]. Полученные сведения позволяли югославской дипломатии составить более полное представление о готовящихся планах.

Тем временем в Каире посол ФНРЮ Джерджа с большим жаром пытался убедить египетскую сторону принять югославское предложение обратиться в Совбез. В донесении в Белград он предлагал прорабатывать альтернативные варианты на случай, если его усилия не принесут результата [17. 1956. Ф. 69. 418189]. Встретился Джерджа и с советским послом в Каире Е.Д. Киселевым, смотревшим с оптимизмом на перспективы принятия Египтом югославской инициативы [17. 1956. Ф. 69. 418188]. В тот же вечер югославский посланник посетил главу кабинета Насера А. Сабри для того, чтобы убедить его в необходимости обратиться в Совбез. В ходе беседы появился сам Насер, попросивший содействия в передаче своего письма Тито. Лидеры Египта выражали удовлетворение полученной международной поддержкой (как и изоляцией Британии, Франции и Израиля), благодарность Югославии за активность Брилея в ООН и не скрывали разочарования позицией Индии [17. 1956. Ф. 69. 418194]. Письмо Насера информировало об англо-французском ультиматуме с требованием прекратить боевые действия, дать согласие на оккупацию зоны Суэцкого канала и отвести военные силы. Египет отклонил ультиматум и направил жалобу в Совбез ООН, квалифицировав шаг англичан и французов в качестве угрозы агрессии, и запросил помощь. Помимо Югославии, Египет в соответствующих письмах информировал о своей позиции СССР, США и Индию, рассчитывая на их поддержку⁵. Заметив, что Египет находится в опасно-

⁵ Джерджа посоветовал Насеру опубликовать эти письма, особенно адресованное Индии, чтобы вынудить Неру официально изложить свою позицию.

сти, Насер вместе с тем заверил югославского дипломата в готовности своей страны дать вооруженный отпор [17. Ф. I. 970]. В Москве югославский поверенный в делах Божович поздно вечером посетил заместителя министра иностранных дел СССР В.А. Зорина и выразил позицию ФНРЮ по событиям на Ближнем Востоке, которая не противоречила мнению официальной Москвы [17. Ф. I. 943]⁶.

По инициативе США военная акция Израиля против Египта стала предметом обсуждения на заседании Совбеза ООН. Югославский представитель Й. Брилей, поддержав это решение, остро осудил нарушение Израилем договора о перемирии и проявленное неуважение к решениям ООН. По его мнению, Совет Безопасности должен был потребовать немедленного прекращения огня и отвода израильских войск за утвержденную демаркационную линию. В противном случае были бы применены особые меры [13. С. 262.]. Представитель США Лодж, осудив действия против Египта, изложил американский проект резолюции [9. Р. 344–345]. В нем также говорилось о несоответствии антиегипетской акции существующему договору о перемирии. США призвали Израиль немедленно отвести свои силы, а всех остальных членов ООН – воздержаться от предоставления военной, экономической или финансовой помощи Израилю [9. Р. 346.]. При этом содержалась ссылка на возможное применение чрезвычайных мер согласно ст. 7 Устава ООН⁷. В этой обстановке представители Франции и Британии потребовали, чтобы Египет дал согласие на ввод их войск в район Порт Саида, Исмаилии и Суэца для того, чтобы гарантировать свободное пользование Суэцким каналом и разделить стороны конфликта. Одновременно было обнародовано содержание ультиматума, предъявленного Египту, срок ответа на который составлял всего 12 часов. Й. Брилей с трибуны ООН назвал эту акцию поддержкой агрессора, высказавшись вместе с тем за американский проект резолюции. Однако, употребив право вето, Великобритания и Франция заблокировали ее принятие. Решение вопроса зашло в тупик, что было расценено югославской дипломатией как мощный удар по установлению мира на Ближнем Востоке [22. 112 – ТАНЈУГ. Ф. 216. С. 8–9].

Сразу после наложения вето Брилей получил из Белграда инструкцию инициировать созыв экстренного заседания Генассамблеи ООН [17. 1956. Ф. 69. 418112]. Ссылка на более подходящую в таких случаях ст. 80 Устава ООН предполагала более длительный процесс подготовки заседания, тогда как ситуация требовала немедленной реакции. Поэтому Брилей должен был вступить в контакт с советскими представителями, а в случае, если бы югославская инициатива не была Москвой поддержана, самостоятельно выдвинуть предложение о созыве Генассамблеи, упомянув при этом о тройственном характере агрессии в отношении Египта. Брилей также был оповещен о готовящемся заявлении Тито о событиях на Ближнем Востоке. Поскольку советская поддержка имела большое значение, из Белграда была направлена специальная инструкция поверенному в делах посольства ФНРЮ в Москве Божовичу. Он должен был посетить МИД СССР и выяснить, поддержит ли СССР требование созыва Генассамблеи [17. 1956. Ф. 69. 418111]. Приняв Божовича, Зорин выразил согласие с югославским предложением как «политически целесообразным», соответствующие инструкции были даны представителю СССР в Совбезе ООН А.А. Соболеву, который должен был связаться с Брилеем для координации действий обеих сторон. Хотя стороны и достигли договоренности, Божович не мог не обратить внимание на сдержанность Зорина, что справедливо связал с недовольством позицией Югославии в венгерском вопросе [17. 1956. Ф. 69. 418952]. Одновременно Божович установил более тесные контак-

⁶ Зорин обещал оповестить югославскую сторону об официальной позиции СССР, как только она будет сформулирована.

⁷ С требованием прекращения боевых действий и отвода израильских вооруженных сил выступил и шеф наблюдательной миссии США в зоне Суэцкого канала генерал Бернс [22. 112 – ТАНЈУГ. Ф. 216. С. 2].

ты с послом Египта в СССР в целях координации деятельности [17. 1956. Ф. 69. 419270].

После проведенных консультаций Брилей предложил созвать экстренное заседание очередной сессии Генассамблеи ООН, где были бы приняты рекомендации к разрешению конфликта, спровоцированного предпринятой против Египта вооруженной акцией. Учитывая, что отсутствие единства не позволило Совбезу исполнить свои обязанности по сохранению мира и безопасности, возникла необходимость поиска других путей в целях недопущения расширения конфликта, подчеркнул он. Вместе с СССР Югославия стала инициатором резолюции «Совместно за мир», которая была принята на основе югославской трактовки, получив поддержку большинства членов Совбеза [13. S. 263–264]. Югославская дипломатия постоянно предпринимала попытки определить позицию США. Божович сообщал о недовольстве американского посла Болена положением дел на Ближнем Востоке. Впрочем, недовольства и разочарования ходом развития событий не скрывали также послы ФРГ и Франции в Москве [17. 1956. Ф. 69. 418319]. Новый посол Югославии в Лондоне Вейвода сообщал о критике британской политики на Ближнем Востоке [17. 1956. Ф. 69. 418235]. Вся эта информация имела большое значение для югославской дипломатии, позиция которой постоянно трансформировалась, причем большое значение имели и второстепенные детали.

31 октября югославский посол в Индии Б. Црнобрня, получив соответствующие инструкции, посетил Дж. Неру. Тот рассказал ему о шагах, предпринятых Индией, и сообщил о том, что подготовил письма Тито, а также Эйзенхауэру и Идену. По оценке индийского лидера, речь шла о продуманном англо-французском плане, о чем он и собирался публично заявить. Он полагал, что цель Лондона и Парижа – добиться ухода Насера, и был уверен, что события в Венгрии показали им удачным моментом для начала вооруженной интервенции [17. Ф. I. 1005]. В письме Неру Тито подчеркивалось, что на Ближнем Востоке произошла открытая агрессия, и это свело на нет многомесячные попытки достигнуть мирного решения конфликта, причем все последствия такой акции невозможно предугадать. Действия Англии и Франции в регионе он назвал продолжением старой колониальной политики. Индийский лидер осудил и англо-французскую позицию в Совбезе, заявив о невозможности достичь мирного решения конфликта, пока иностранные войска находятся на территории Египта. Он предложил поддерживать постоянные контакты между Дели и Белградом с целью остановить эскалацию на Ближнем Востоке [18. I–1/364]. Письмо Неру индийский посол Даял передал госсекретарю ФНРЮ по иностранным делам К. Поповичу утром 1 ноября.

В тот же день Й. Броз Тито выступил со специальным заявлением, посвященным событиям на Ближнем Востоке. Фактически позиция ФНРЮ в этом вопросе нашла выражение в обращении к мировой общественности, при этом Тито использовал все свое влияние как в стране, так и за рубежом. Он осудил военную акцию как способ решения проблемы и отметил, что принятие Совбезом принципов, на основании которых будет разрешен кризис, создаст необходимые условия достижения мирного и взаимоприемлемого решения, в то время как военные акции сведут на нет все попытки мирного урегулирования. Особой критике он подверг Британию и Францию за блокирование принятия решений Совбезом и одностороннюю военную активность. Высказавшись за немедленное прекращение боевых действий на территории Египта, он потребовал быстрых и эффективных мер со стороны Совбеза [18. I–5–с/476; 24. S. 222–223]. Заявление Тито вызвало широкий резонанс. Многие информгентства приводили его целиком, а комментарии были представлены в диапазоне от упреков со стороны британцев и французов до одобрений со стороны восточноевропейских и арабских СМИ [22. 112 – ТАНЈУГ. Ф. 217. С. 1–9]. Особое внимание ему было уделено в Восточной Европе

[24. С. 386–387]. На основании заявления Тито посол Вейвода, предварительно получив соответствующее разрешение из Белграда, выступил с официальным демаршем в адрес английского правительства [17. Ф. I.1029].

Между тем, югославский генштаб через военное представительство ФНРЮ в Каире продолжал собирать информацию о положении дел на фронте. Ситуация для Египта складывалась очень тяжелая. Югославское военное руководство, имевшее в тот момент весьма ограниченные возможности предоставления военной помощи Египту, было обеспокоено известиями о больших потерях египетской армии и срочной эвакуации ее с Синайского полуострова [20. К. 376. Ф. 1. 2438]. Тем не менее, югославский генштаб через военного атташе в Каире полковника А. Ходжича передал египетскому командованию новейшие разведанные о дислокации и составе англо-французских сил в Восточном Средиземноморье [20. К. 376. Ф. 1. 2451].

Для югославской дипломатии заседание Генассамблеи ООН имело огромное значение. 1 ноября начались обсуждения. От имени Югославии как инициатора внеочередного заседания и резолюции к делегатам обратился Й. Брилей, отметивший беспрецедентный характер сессии, происходящей в момент, когда, по его мнению, существует большая угроза миру во всем мире вследствие агрессии против страны-члена ООН. Он отметил, что на территорию Египта совершено нападение, его города подвергаются непрерывным бомбардировкам, причем агрессия ведется со стороны военных, морских и военно-воздушных сил трех стран. Он добавил также, что военная акция, долго готовившаяся, была предпринята в силу ряда причин. Особый акцент он сделал на нападении Израиля, назвав его «кульминацией серии вооруженных акций, направленных на то, чтобы отомстить своему соседу, что противоречило Договору о перемирии, резолюциям Совета Безопасности и Уставу ООН». Англо-французское нападение он назвал «воплощением угроз и зловещих военных приготовлений, которые длились месяцами и были направлены против Египта» [17. 1957. Ф. 105. 28792. С. 1]. Брилей обратил внимание также на обстоятельства англо-французского вето в Совбезе ООН, обвинив Англию и Францию в том, что они выступили против действующих принципов международного права. Югославский дипломат сравнил их методы с действиями Гитлера в начале Второй мировой войны и действиями Германии и Австро-Венгрии в начале Первой мировой. Нападение Англии и Франции на Египет он назвал второй фазой тройственной агрессии против этой страны, призвал Генеральную Ассамблею остановить вооруженный конфликт и потребовать немедленного отвода вооруженных сил стран-агрессоров. В конце выступления Брилей поддержал американский проект резолюции, сославшись на заявление Даллеса о последовательном решении проблем [9. Р. 346–350], и призвал всех участников Генассамблеи поддержать ее [17. 1957. Ф. 105. 28792. С. 2]. На следующий день, 2 ноября, Генассамблея приняла американское предложение, превратившееся в официальную резолюцию [9. Р. 350–351] (см. также [8. Р. 115–116; 10. С. 32]).

Все это, однако, не привело к приостановке боевых действий. Египет согласился соблюдать принятую резолюцию после прекращения огня. Британия и Франция со своей стороны выдвинули условия, согласно которым в зону конфликта следовало ввести специальные вооруженные силы ООН для гарантии сохранения мира, пока не будет найдено взаимоприемлемое решение по статусу Суэцкого канала. А до исполнения этих условий Англия и Франция не собирались отводить свои войска с территории Египта [13. С. 264–265].

Пока продолжались обсуждения на Генассамблее ООН, британский поверенный в делах в ФНРЮ Хайман посетил Прицу. Он заявил официальный протест в связи с характером освещения югославской прессой кризиса на Ближнем Востоке и особенно британской политики в регионе. По его оценке, англо-французская вооруженная акция, направленная на защиту канала, никак не связана с нападением

Израиля на Египет, а потому позиция Югославии не имеет под собой оснований. Прица отверг такие объяснения как совершенно несерьезные, возложив на Британию и Францию ответственность за агрессию против независимого государства, попрание норм международного права и блокирование работы Совета Безопасности. В ответ на замечание Хаимана о том, что Югославия по-другому отреагировала на события в Венгрии, Прица акцентировал внимание на кардинальном различии ситуаций, ведь в Венгрии советские войска находились с согласия ее правительства и на основании международного договора. Он не слишком дипломатично при этом заметил, что Англия и Франция заблуждаются, если думают, что венгерские события создали удобный для применения силы внешнеполитический фон, ведь их интервенция против Египта отодвинула кризис в Венгрии на второй план [18. I-5-c/1177; 17. 1956. Ф. 69. 418183]. После беседы с Прицой Хаиман был принят также начальником отдела Секретариата по иностранным делам Й. Земляком, от которого потребовал гарантий, что правительство не допустит антибританских демонстраций, о подготовке которых он получил информацию из своих источников. Не желая дальнейшего ухудшения югославо-британских отношений, Земляк обещал, что правительство предпримет необходимые меры [17. 1956. Ф. 69. 4181384].

В тот же день, сразу после Хаимана, Прицу посетил и французский поверенный в делах де Гане, в том же тоне и с похожей аргументацией выразив протест Франции в связи с публикациями в югославской печати и получил схожий ответ [18. I-5-b/1869; 17. 1956. Ф. 69. 418298]. Югославские дипломаты в контактах с англичанами и французами должны были до известной степени отмежеваться от очень резких и небеспристрастных выступлений своей прессы, причем это касалось репортажей корреспондентов «Политики» и «Борбы» из Каира [25. С. 146–147; 26. I XI].

Следуя инструкции, полученной из Белграда, посол в Париже А. Беблер посетил министра иностранных дел Франции К. Пино и вручил ему официальный югославский протест по поводу агрессии против Египта. Пино выразил непонимание, опять-таки вспомнив об иной реакции ФНРЮ на внешнее силовое вмешательство в Венгрии. Он подчеркнул, что дружеские отношения Югославии с Египтом также не являются оправданием такой ее позиции. В связи с обвинениями в блокировании работы Совбеза министр заявил, что французское вето было наложено с тем, чтобы опередить возможное советское вето, способное заблокировать разрешение проблемы. По его словам, при подготовке акции у Франции не существовало никаких договоренностей ни с США, ни с Израилем. Вообще же, согласно Пино, главной внешнеполитической целью Франции была отнюдь не война с Египтом, а прекращение боевых действий в Алжире. Он предложил передать контроль над Суэцким каналом ООН, после чего составить новый договор о праве пользования каналом и тем самым обеспечить мир между Израилем и арабскими странами. Беблер никак не прокомментировал слова Пино, в донесении в Белград заметив, что Франция не остановится и перед агрессией, чтобы сохранить свои пошатнувшиеся позиции колониальной державы, тогда как арабско-израильский конфликт был использован просто как повод [17. 1956. Ф. 69. 418727]. Как дипломатия ФНРЮ в контактах с официальными лицами Франции [17. 1956. Ф. 69. 418182], так и югославская пресса [27. 31 X; 1 XI] не забывали указывать на то, что у власти во Франции стоят социалисты, сильно компрометирующие себя, в отличие от английских лейбористов, подвергающих критике подобные действия своего правительства. После краткого периода стабилизации в отношениях Югославии с Великобританией и Францией вновь наметился серьезный кризис [28. С. 133–135].

Независимо от отношений ФНРЮ с Британией и Францией и от характера освещения югославской прессой событий на Ближнем Востоке, политика Юго-

славии в условиях Суэцкого кризиса позитивно воспринималась в мире, особенно среди арабских стран [17. 1956. Ф. 69. 418312]. Посол Сирии, посетив заместителя госсекретаря по иностранным делам Видича и передав ему благодарность правительства своей страны в связи с заявлением Тито, выразил надежду на то, что заседание Генассамблеи ООН приведет к установлению мира на Ближнем Востоке, в противном же случае Сирия будет вынуждена включиться в конфликт на стороне Египта. Содержание беседы несколько обеспокоило Видича [17. 1956. Ф. 69. 418222]. Схожим образом реагировали и скандинавские страны [17. 1956. Ф. 69. 418307]. В тот же день Видича посетил и посол Индонезии, пессимистически оценивший сложившуюся ситуацию: Египет, по его мнению, будет вынужден пойти на уступки, однако Видич с этим не согласился [17. 1956. Ф. 69. 418312].

В ходе беседы с представителями Китая произошел небольшой дипломатический инцидент. Югославского посла в Каире посетил его китайский коллега и от имени своего правительства призвал Югославию отказаться от такого деятельного участия в конфликте и порекомендовал повлиять на Египет, чтобы тот умирил свои требования. Джерджа решительно отклонил подобные советы [17. 1956. Ф. 69. 418223]. В тот момент это привело югославских дипломатов в замешательство, но если принять во внимание, что в начале 1960-х годов, всего через несколько лет после окончания Суэцкого кризиса, Китай изо всех сил пытался сократить влияние Югославии в странах «третьего мира», можно предположить, что уже тогда он был озабочен активностью Югославии. В тот же день Джерджа имел беседу с американским послом в Каире Боленом, который одобрил югославскую политику, но под предлогом занятости эвакуацией граждан США с охваченной войной территории, попытался дистанцироваться от большей активности, избегая ухудшения отношений с французской и британской сторонами, что совпадало с официальной позицией американцев [17. 1956. Ф. 69. 418306].

Югославский генштаб предпринимал попытки получить информацию о положении англо-французских войск в Средиземноморье и реакции их региональных союзников на нападение на Египет. Через военного атташе в Анкаре полковника Грубишича были получены сведения о том, что еще в сентябре французский генерал Бали оповестил турецкое военное командование о подготовке нападения на Египет, а турки в свою очередь выступили с протестом из-за участия в акции французских военно-морских сил, расквартированных в Анталье [20. К. 376. Ф. 1. 177]. Эта информация сразу же была передана египетской стороне, так как имела большое значение для оценки соотношения сил в регионе и той поддержки, которая могла быть оказана Англии и Франции соседними странами. По тому же каналу шла информация о ситуации на фронте. В этих сообщениях содержались более оптимистичные, чем в последние несколько дней, прогнозы, учитывая мощное сопротивление египетских сил в районе Порт Саида [20. К. 376. Ф. 1. 2448]. Несколькими часами позже египетскому командованию была предоставлена новейшая информация о расположении и военном потенциале англо-французских сухопутных, морских и военно-воздушных частей в Юго-Восточном Средиземноморье [20. К. 376. Ф. 1. 1237].

2 ноября 1956 г., после того, как Дж. Неру решительно осудил англо-французскую политику на Ближнем Востоке, индийский посол Даял посетил Д. Видича и предложил наладить между двумя странами сотрудничество в ООН. Видич ответил согласием [17. 1956. Ф. 69. 18311] (см. также [18. I-5-c/1170]). После недолгого охлаждения двухсторонних отношений снова были установлены близкие контакты Индии и ФНРЮ. Даял особо интересовался позицией Югославии по ситуации в Венгрии. Видич выразил мнение, что англо-французская интервенция поможет советскому руководству отвлечь внимание мировой общественности от венгерских событий и использовать создающуюся ситуацию в своих интересах. В тот же день Земляка посетил английский поверенный в делах Хаиман и вы-

ступил с протестом в связи со статьями в югославской печати. Этот протест был еще более острым, чем несколько дней назад. Особое внимание он обратил на карикатуру на первой полосе «Борбы», в которой Великобритания сравнивалась с гитлеровской Германией. Югославский дипломат очень аргументировано отстаивал позицию своей страны, сопоставляя ее с позициями большинства других стран. Хаиман все более нервно запрашивал информацию о позиции Югославии по ситуации в Венгрии. Ему был дан ответ, что Югославия против всякого вмешательства во внутренние дела любого суверенного государства. Особенно Хаимана раздражало, что югославы всякий раз поднимали тему Египта и при этом дистанцировались от обсуждения венгерского вопроса [17. 1956. Ф. 69. 418655]. Объяснения Земляка еще больше его разозлили, и он в негодновании покинул Секретариат иностранных дел, что в дальнейшем негативно повлияло на развитие югославо-британских отношений [28. S. 135–137]. В Англии снова получила распространение оценка, согласно которой Югославия стремительно сближается с СССР, однако проводимая ФНРЮ политика едва ли имела альтернативы в создавшихся условиях [29. S. 92–95]. 2 ноября в весьма напряженной ситуации военному атташе в Париже полковнику Лаловичу удалось получить через свои источники информацию о дальнейших намерениях англо-французского командования и, в частности, о планах военных операций [20. К. 376. Ф. 1. 2536]. Эти сведения были сразу же переданы египетскому военному руководству [20. К. 376. Ф. 1. 2561]. Военное представительство в Каире продолжало сообщать в Белград детальную информацию о положении на фронте, включавшую в себя анализ соотношения сил между противоборствующими сторонами и оценку дальнейшего развития событий [20. К. 376. Ф. 1. 2493].

30 октября советский посол в Белграде Н.П. Фирюбин получил поручение Президиума ЦК КПСС организовать экстренную встречу Н.С. Хрущева и Г.М. Маленкова с Тито в ночь с 1 на 2 ноября [30. S. 32]. Фирюбин сразу же передал эту информацию югославскому руководству [18. I–3–a/1–1]. Но встреча была отложена: советские лидеры до приезда в Белград провели встречи с руководством стран советского блока. Хрущев и Маленков тайно прибыли в Югославию вечером 2 ноября. На Бриони они были приняты Тито, Ранковичем и Карделем. Разговор продолжался всю ночь. Наибольшее внимание было уделено ситуации в Венгрии. Советские лидеры сообщили югославам о подготовке военной интервенции. Суэцкий кризис отдельно не затрагивался. Хрущев лишь заметил, что СССР хочет воспользоваться удобной ситуацией для того, чтобы ввести войска в Венгрию. По его мнению, благодаря англо-французскому нападению на Египет советская интервенция вызовет меньше шума: все будут заняты Суэцким кризисом [18. I–3–a/1–2. С. 3] (см. также [31. К. 2. 31. С. 3]). Тито согласился с тем, что венгерская революция превратилась в контрреволюцию и поэтому необходима интервенция. В конце беседы Хрущев еще раз обратился к событиям на Ближнем Востоке, подвергнув критике некоторые шаги Насера, особенно отказ Египта опубликовать первое советское заявление после агрессии Израиля, так как в Каире его сочли слишком мягким. У югославских руководителей сложилось впечатление, что Хрущев и Маленков не будут предпринимать каких-то серьезных мер, направленных на оказание помощи Египту [18. I–3–a/1. С. 14] (см. также [31. К. 2. 31. С. 14]). Однако этот прогноз оказался неточным, учитывая, что в следующие дни СССР выступил с угрозами в адрес западных держав [8. S. 122–123]. О брионской встрече не сохранилось официальных записей. Подробное свидетельство о нем опубликовано в мемуарах югославского посла в Москве В. Мичуновича, который присутствовал на встрече [32. S. 160–164]⁸. Но имеется также составленная Мичуновичем для своего руководства 6 ноября служебная записка (опублик. в [34.

⁸ На этот источник чаще всего и ссылаются в литературе [33. S. 344–345].

С. 269–277]). Другие участники встречи, кроме Хрущева, не оставили о ней воспоминаний, по записям же Мичуновича, также выполненным по памяти, нельзя с полной уверенностью сказать, говорилось ли что-то еще о кризисе на Ближнем Востоке.

Принятие резолюции Генеральной Ассамблеи о прекращении огня и ограниченные возможности ее реализации, связанные с позицией как Египта, так и Англии и Франции, тянувших с ее исполнением, вызвали новый кризис в ООН. Было необходимо решение, приемлемое для всех. Утром 3 ноября заместителя госсекретаря по иностранным делам Видича посетил египетский посол Ружди и сообщил ему о решении Каира разорвать дипломатические отношения с Великобританией, Францией и Израилем. Ружди выразил предположение, что англо-французские войска продолжают агрессию, а потому необходимо немедленно найти способ остановить войну. Особую благодарность за поддержку он высказал в адрес югославских правительства и печати. Египетский дипломат также поинтересовался возможностью отправки в Египет югославских добровольцев, которые выразили желание бороться против агрессоров. Видич обещал, что проверит на этот счет законодательство и оповестит о принятом решении [17. 1956. Ф. 70 418385]. Действительно, в Кабинет президента республики обратилось 38 добровольцев, которым в ответ предложили оставаться в состоянии готовности и ждать дальнейших указаний. В основном это были офицеры и унтер-офицеры ЮНА, состоявшие на службе в армии, находившиеся в резерве или вышедшие на пенсию. Некоторые обращались также в Секретариат иностранных дел [17. 1956. Ф. 72. 424195]. Поскольку боевые действия быстро прекратились, этот вопрос перестал быть актуальным, однако 14 ноября Секретариат иностранных дел по распоряжению Кабинета президента республики переслал списки добровольцев в посольство Египта в Белграде [17. 1956. Ф. 71. 419559]. 21 ноября из Каира через югославского военного атташе было сообщено, что Египет примет добровольцев только в случае возобновления боевых действий [20. К. 376. Ф. 1. 2873].

Непосредственно перед тем как заседание Генассамблеи продолжилось, в отношениях между Югославией и западными странами снова возникли трения. Ее послу во Франции Беблеру был официально выражен протест в связи с югославской позицией в ООН. В нем было указано, что необходимости выносить на Генассамблею проблему, сложившуюся в связи с ситуацией в Египте, не было, и что теперь очень тяжело объяснить причины этого шага французской общественности, расценивающей его как враждебный [17. Ф. 69. 418463]. По сообщению Беблера, это повлияло на дальнейшее ухудшение югославо-французских отношений [17. 1957. Ф. 28. 412260]. В ожидании напряженных дебатов на заседании Генассамблеи и учитывая возможность новых потрясений, Й. Брилей запросил у Секретариата иностранных дел установить для него прямую телефонную связь с высшим руководством страны для регулярных консультаций. Хотя он и имел разрешение действовать самостоятельно, взять на себя такую ответственность не был готов [17. 1956. Ф. 96. 418181]. Перед тем как заседание Генассамблеи возобновилось, особенное беспокойство в Белграде вызывало донесение военного атташе в Анкаре об активности американских военных представителей в Турции [20. К. 376. Ф. 1. 178].

4 ноября в работе Генассамблеи неожиданно наметился перелом: был принят проект новой резолюции, предложенный Канадой. Согласно этому документу предполагалось, что генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд совместно с заинтересованными странами, желающими принять участие в этой акции, создадут корпус международных сил быстрого реагирования [9. S. 351] (см. также [10. S. 32–33]). Он должен был (при согласии сторон) обеспечить мониторинг обстановки и соблюдение перемирия [13. S. 265]. Генсеку ООН были предоставлены особые полномочия. Ему, а также Комиссии по надзору за выполнением условий

перемирия, было поручено добиться согласия враждующих сторон на отвод вооруженных сил [9. S. 351–352] (см. также [10. S. 32]). Пока продолжались обсуждения в ООН, британский поверенный в делах Хаиман по своей инициативе посетил заместителя секретаря по иностранным делам Прицу. Он передал заявление своего премьера Идена [8. S. 116], в котором содержались британские условия принятия рекомендаций Генассамблеи. Прица, видимо воодушевленный растущей международной поддержкой позиции Югославии, принял его весьма холодно, заметив, что, выставляя свои условия, Англия отклоняет рекомендации Генассамблеи и продолжает агрессию. Хаиман ответил, что понимает такую югославскую реакцию и, в отличие от их предыдущих встреч, вел себя более хладнокровно. Он попытался убедить Прицу, что предложение Идена соответствует резолюции, предложенной Канадой [18. I–5–с/1235]. Индийский посол Даял посетил другого зама секретаря по иностранным делам – Видича и выразил свою пессимистическую позицию по вопросу Суэцкого кризиса, полагая, что Великобритания не уступит давлению со стороны ООН. Кроме того, он сообщил, что Индия раздумывает над уходом из Британского содружества. Однако главной причиной его визита была ситуация в Венгрии. Даял попытался убедить своих югославских коллег повлиять на нормализацию ситуации и поинтересовался, может ли Неру со своей стороны оказать им какую-либо помощь. В ответ Видич заметил, что лучше всего ждать дальнейшего развития событий [18. I–5–b/1216].

Перед продолжением заседания Генассамблеи к Тито обратился Хрущев. Он хотел, чтобы Югославия поддержала советское предложение о формировании международных миротворческих сил, основу которых составили бы советские и американские военные [13. S. 264]⁹. Хрущев назвал призыв руководства ФНРЮ к Неру более определенно выступить с осуждением агрессии против Египта очень важным шагом в направлении разрешения Суэцкого кризиса. В то же время вторая часть письма Хрущева четко обозначила настоящую цель его обращения к Тито. В ней говорилось, что советские источники в Индии докладывают о том, что Англия через своих людей в индийском правительстве пытается повлиять на Неру, чтобы тот выступил с осуждением советской интервенции в Венгрии. Хрущев попросил Тито, используя свой авторитет, убедить Неру этого не делать. С помощью Тито он хотел ослабить негативную реакцию Индии на политику СССР в Венгрии. Доступные источники не дают сведений об итогах этой инициативы, однако бросается в глаза настойчивость индийского посла Даяла, желавшего получить информацию о позиции Югославии в отношении Венгерского кризиса [18. I–1/984] (см. также [22. 507 / IX – КМОВ ЦКСКJ. 119 / I–75]).

У ФНРЮ возникали спорные моменты и в отношениях с египетской стороной. Так, пытаясь реализовать запрет на навигацию по Суэцкому каналу, египетские силы попытались потопить югославский корабль, находившийся на 105 км канала [17. 1956. Ф. 69. 418561]. Усилиями югославских дипломатов инцидента удалось избежать. Кроме того, экипаж другого корабля, оказавшийся в Суэцком канале в начале боевых действий, был эвакуирован на берег в целях личной безопасности. Эвакуация в благодарность за югославскую поддержку была проведена силами египетской армии [17. 1956. Ф. 69. 418441]. На переговорах между послом Джерджей и министром иностранных дел Фавзи была достигнута договоренность о том, что египетские власти позаботятся, насколько позволят их возможности, о безопасности югославских граждан и их имуществе на территории Египта [17. 1956. Ф. 69. 418590]. Небольшой инцидент произошел также после того как радио «Белград» передало непроверенные сведения о том, что египетские самолеты сбросили бомбы на Яффу и Хайфу. Из-за этого посланник Джурич имел не-

⁹ Это предложение не получило поддержки большинства членов ООН, поэтому СССР от него отказался.

приятный разговор с египетской стороной, а информация о бомбардировках была сразу же опровергнута [17. 1956. Ф. 69. 418587].

В ночь с 6 на 7 ноября представитель в ООН Брилей имел телефонный разговор с заместителем государственного секретаря Прицей. Он хотел до начала заседания Генассамблеи получить инструкцию, должен ли он голосовать за резолюцию, предложенную группой стран-участниц Бандунгской конференции, которая требовала немедленного отвода из Египта сил стран-агрессоров. Прица рекомендовал ему поддержать эту инициативу. Затем Брилей попросил совета, как голосовать по шведскому предложению о создании совещательного комитета, в который вошли бы Колумбия, Канада, Норвегия, Бразилия, Индия, Пакистан и Иран. По его мнению, и это предложение следовало поддержать. Прица выразил на то свое согласие. Далее Брилей предложил, чтобы в Нью-Йорк приехал госсекретарь по иностранным делам К. Попович для придания усилиям Югославии большего веса. Особенно он настаивал на предоставлении ему информации о событиях в Венгрии, чтобы иметь возможность подготовить выступление на Генассамблее, когда будет обсуждаться этот вопрос [18. I-5-c/1192].

Уже 7 ноября генеральный секретарь ООН выступил с докладом на Генассамблее. В исчерпывающем выступлении он представил основные принципы и структуру международных миротворческих сил, а также их функции, численность, способ финансирования и управления. В этом документе Хаммаршельд ясно обозначил некоторые политические принципы: миротворческие силы не должны использоваться как средство вооруженного давления на Египет, они могут находиться на египетской территории только с согласия правительства этой страны, не будут иметь никаких военных целей или функций, их единственной задачей будет обеспечение прекращения огня и отвода сил стран-агрессоров [35. С. 90–94]. Финансирование миротворческих сил должны были обеспечить страны-участницы операции и все остальные члены ООН. Предложение было принято единогласно [13. S. 265]. В обсуждениях по этому вопросу участвовал и Брилей. Непосредственно перед началом заседания он получил из Белграда инструкцию не проявлять особой активности, но и не уступать инициативу Бандунгской группе стран, при этом поддерживая их усилия, присоединяться к полезным акциям и в случае необходимости настаивать на внесении определенных корректив [17. 1956. Ф. 69. 418768]. Он снова кратко напомнил о ходе развития событий в Совбезе и на Генассамблее, осудив отказ Англии, Франции и Израиля отвести войска. Брилей поддержал в соответствии с полученными инструкциями резолюцию, предложенную рядом азиатских и африканских стран, связанную с немедленным прекращением огня и отводом сил агрессоров [9. S. 354–355] (см. также [10. S. 33]). Поддержал он и проект резолюции, касавшейся создания специальных миротворческих сил [9. S. 354–355] (см. также [10. S. 33]) и определения механизмов их функционирования [9. S. 354–355] (см. также [10. S. 32–33]). Было поддержано и создание Совещательного комитета, в который вошли бы Бразилия, Колумбия, Индия, Цейлон, Пакистан, Канада и Норвегия. Двадцать четыре страны выразили готовность принять участие в работе миротворческих сил. Югославия, безусловно, поддержала их создание, указав, что они должны строго соблюдать свои полномочия, вытекающие из принятой резолюции, в частности, положения об обусловленности их деятельности обязательным согласием стран, на территории которых они выполняют свои задачи, а также обязательство не действовать в качестве оккупационной силы. Таким образом были созданы условия для установления мира на Ближнем Востоке [13. S. 265–266].

В ходе Суэцкого кризиса югославское правительство на конкретном примере продемонстрировало новую внешнеполитическую доктрину, которая основывалась на принципах политического дистанцирования от западного и восточного военного блоков и создания широкого движения неприсоединившихся стран.

Действуя в направлении разрешения крупного международного конфликта, каким был Суэцкий кризис, Югославия предприняла попытку обеспечить собственную национальную безопасность. В то же время, послав в состав международных миротворческих сил под эгидой ООН военный контингент, ФНРЮ добилась присутствия в этом регионе. Кроме того, в ходе Суэцкого кризиса Югославия очертила контуры своей ближневосточной политики, которая наиболее полно проявилась в следующие десятилетия и была одним из краеугольных камней ее курса в международных отношениях вплоть до распада государства в 1991 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Dayan M.* Israel's border and security problems // *Foreign Affairs* (january 1955).
2. *Ovendale R.* The Origins of the Arab-Israeli Wars. London, 2003.
3. *Meir G.* Moj Izrael. Zagreb, 1987.
4. *Kyle K.* Suez. London Britain's End of Empire. London, 2011.
5. *Bregman A.* Israel's Wars. A History Since 1947. London, 2002.
6. The National Archives. Foreign and Commonwealth correspondence and records.
7. *Schulze K.* The Arab – Israeli Conflict. London, 1999.
8. The Suez Crisis. London, 1996.
9. Documents of American Foreign Relations. 1956. New York, 1957.
10. *Yaqub S.* Containing Arab nationalism. The Eisenhower Doctrine and Middle East. North Carolina, 2004.
11. *Lucas W. Scott.* Divided We Stand: Britain, the United States and the Suez Crisis. London, 1991.
12. *Duroselle J.P.* Histoire diplomatique de 1919 a nos jours. Paris, 1990.
13. *Jovanović J.* Jugoslavija u savetu bezbednosti. Beograd, 1990.
14. *Adams S.* First – Hand Report. The Story of the Eisenhower Administration. New York, 1961.
15. История внешней политики СССР. М., 1986. Т. II.
16. *Laqueur W.Z.* The Soviet Union and the Middle East. New York, 1959.
17. Diplomatski arhiv saveznog ministarstva spoljnih poslova. Politička arhiva.
18. Arhiv Josipa Broza Tito. Kabinet Predsednika Republike.
19. *Dimić Lj.* Josip Broz, Nikita Sergejevič Hruščov i mađarsko pitanje // *Tokovi istorije*. 1998. № 1–4.
20. Arhiv Vojnoistorijskog instituta Srpske vojske. Arhiv Jugoslovenske narodne armije. F. GŠ-10 (Druga uprava Generalštaba JNA).
21. *Avramov S.* Napad na Egipat i neka pitanja međunarodnog prava // *Jugoslovenska revija za međunarodno pravo*. 1956. № 3.
22. Arhiv Srbije i Crne Gore.
23. *Tito J.B.* Govori i članci. Zagreb, 1959. Т. XI.
24. *Миљковић М.* Бурне дипломатске године. Из Софијског дневника 1953–1956. Београд, 1995.
25. *Марковић П.Ј.* Београд између запада и истока 1948–1965. Београд, 1996.
26. Политика. 1956.
27. Борба. 1956.
28. *Bogetić D.* Nova strategija spoljne politike Jugoslavije 1956–1961. Beograd, 2006.
29. *Rajak S.* Jugoslovensko-sovjetski odnosi u 1956. godini i Mađarska kriza u izveštajima britanskih diplomata u Beogradu // *Istorija XX veka*. 2000. № 2.
30. *Granville J.* Imre Nagy. Hesitant Revolutionary. Cold War History Project Bulletin. Issue 5. 1995.
31. Архив Србије. Лични фонд Велка Мићуновића.
32. *Mičunović V.* Moskovske godine. (1956–1958). Zagreb, 1977.
33. *Taubman W.* Khrushchev. The Man and his Era. London; New York. 2003.
34. Встречи и переговори на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Документы. М., 2014. Т. 1. 1946–1964.
35. *Семенов В.С.* Вооруженные силы ООН. М., 1976.

Пер. с серб. языка Б.С. Новосельцева

© 2016 г. *Ар.А. УЛУНЯН*

ПОСЛЕПРАЖСКИЙ 1969-й: УГРОЗА «РУМЫНСКОГО ВОПРОСА» ПО ВЕРСИИ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

На протяжении 1969 г. внимание советской военной разведки (ГРУ) было обращено на Румынию как страну – члена Организации Варшавского договора, жестко выступившую против действий СССР и его союзников в Чехословакии в августе 1968 г. Это было обусловлено тем, что Москва опасалась усиливавшейся независимости внешней политики Бухареста и рассматривала действия главы румынского коммунистического режима Н. Чаушеску как одну из угроз своей монополии в регионе Центрально-Восточной Европы.

In 1969, the Soviet military intelligence (GRU) focused its attention on Romania, which was a member of the Warsaw Treaty Organization and had been sharply opposing to the USSR and its allies as they acted against Czechoslovakia in August 1968. It was caused by fact that Moscow was scared with accelerated Romanian foreign policy independence and viewed efforts taken by the leader of the Romanian Communist regime Nicolae Ceaușescu as a threat to the Soviet monopoly over the East-Central European region.

Ключевые слова: Холодная война, советская военная разведка, Румыния, Организация Варшавского договора, НАТО, СССР, 1969

Keywords: Cold War, Soviet military intelligence, Romania, Warsaw Treaty Organization, NATO, USSR, year 1969

Подавление «Пражской весны» в августе 1968 г. вооруженными силами СССР и его союзниками из числа Организации Варшавского договора (ОВД) – НРБ, ВНР, ГДР и ПНР – серьезно повлияло на систему международных отношений, а также на ситуацию как собственно в ОВД, так и в коммунистическом мире в целом. Среди стран, резко выступивших против интервенции, были не входившие в ОВД КНР и СФРЮ. Жесткую позицию, базирующуюся на обвинениях советских действий, заняли и два члена Варшавского пакта – Албания, которая продолжала, после разрыва отношений с СССР в 1961 г. формально оставаться его членом, но вышедшая уже 13 сентября 1968 г., и Румыния, несмотря на осуждения действий Кремля и его союзников, сохранившая членство ОВД. Одновременно глава Румынии Н. Чаушеску предпринял ряд действий, направленных на укрепление обороноспособности страны, так как не исключал возможности повторения «чехословацкого варианта» и в отношении своей страны. Предположения о подобном развитии событий основывались на том, что в Кремле уже давно с подозрением и явным раздражением наблюдали за тем, как с начала 1960-х годов Бухарест все активнее подчеркивал в официальной внешнеполитической деятельности необходимость соблюдения принципов суверенитета и независимости в отношениях

Улунян Артем Акович – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02677), полученного ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН».

между членами коммунистического блока и отказ от осуждения руководства КНР в связи с началом его конфликта с Москвой [1]. Поэтому ситуация на «румынском направлении» после августа 1968 г., когда глава румынской компартии Чаушеску открыто выступил против советской интервенции, приобретала для Кремля важное значение как с точки зрения межгосударственных, так и межпартийных отношений. Важное, хотя и не решающее, место в получении политической информации партийно-государственными институтами по «румынскому вопросу» начала занимать и военная разведка – Главное разведывательное управление (ГРУ) Генерального штаба Вооруженных сил СССР. Вопреки широко распространенному в историографии мнению и просто бытовым представлениям о доминировании исключительно военных и военно-политических интересов военной разведки, информация, добываемая ею, включала достаточно большой массив данных именно политического содержания. Уже в начале января 1969 г. ГРУ сообщало о том, что «по поступившим из Бухареста данным, в рождественские праздники в столице Румынии имели место студенческие демонстрации, носившие антиправительственный характер [...] Выступление ораторов носили националистический и антиправительственный характер. В некоторых выступлениях содержалась критика румынского руководства и лично Н. Чаушеску за то, что в чехословацком вопросе они не придерживаются твердого политического курса и не следуют политике, проводимой Тито. Ряд студентов выкрикивали лозунги “Долой Чаушеску!”» [2. Д. 315. Л. 6]. В самой Румынии на заседании Бюро Союза коммунистической молодежи (румынский акроним УТС), состоявшемся 26 декабря 1968 г., события характеризовались первым секретарем этой организации и министром по делам молодежи И. Илиеску, ставшим спустя 21 год одним из руководителей античаушесковской революции 1989 г. и занимавшим дважды после нее пост президента Румынии, как «демонстрацию хулиганов» и клерикалов (см. [3]). Произошедшая в Румынии демонстрация, участники которой требовали более жесткой реакции на действия СССР и его союзников, была тесно связана в целом с «чехословацкой темой», которая в контексте «румынской проблемы» содержала также один чувствительный для Кремля аспект – укрепление связей между Бухарестом и Белградом, на поддержку которого рассчитывал Чаушеску еще осенью 1968 г. Румыно-югославское сближение, помимо политического, имело еще и военное измерение, и в Москве исключительно подозрительно относились к действиям румынской стороны в этом направлении. В свою очередь ГРУ, как бы подтверждая обоснованность подобных опасений, информировало, что «чехословацкий военный атташе, ссылаясь на слова своего посла, сообщил, что румыны продолжают поддерживать частные контакты с югославами. Проводятся встречи, консультации и обмен мнениями по интересующим обе стороны вопросам. В частности, недавно в Бухаресте состоялось совещание представителей югославской и румынской военной прессы. Чехословацкий военный атташе сообщил также, что на одном из приемов перед Новым годом он имел беседу с румынским генералом Буркэ, во время которой на вопрос «Планируется ли проведение в 1969 г. на территории Румынии учений и маневров армий стран-участниц Варшавского Договора?» генерал Буркэ ответил: «Мы этого никогда не допустим. Пусть приезжают их представители и, если хотят, посмотрят подготовку нашей армии. Это мы еще можем им разрешить» [2. Д. 315. Л. 66, 67].

Имея в виду нежелание румынской стороны допустить на свою территорию войска Варшавского пакта из-за опасений повторения «чехословацкого сценария», когда после военных учений последовала интервенция, а также румыно-югославское сближение, советская военная разведка активно интересовалась характером взаимоотношений Бухареста и Белграда. Состоявшийся 1–2 февраля 1969 г. визит Й.Б. Тито в Румынию, когда он встретился с Чаушеску и премьер-министром страны И. Маурером в Тимишоаре, судя по всему, был воспринят в ГРУ с опре-

деленным беспокойством, о чем свидетельствует обращение к этому событию дважды в течение последовавших двух недель после окончания самого визита. В этой связи ГРУ сообщало о том, что «в дипломатических кругах Бухареста полагают, что во время переговоров была сделана оценка политической обстановки, сложившейся после ввода советских войск в Чехословакию, обсуждались вопросы расширения экономического сотрудничества между Румынией и Югославией. В этих же кругах не исключают, что поднимался также вопрос о мероприятиях командования Варшавского договора, связанных с проведением учений войск социалистических стран на территории Румынии» [2. Д. 316. Л. 18]. Последнее имело принципиальное значение, так как касалось упорного нежелания Бухареста допустить иностранные войска в Румынию, и позиция Югославии в данном случае могла играть не последнюю роль. Именно это и интересовало советскую военную разведку. Опасения оказались не напрасными, и поступившие в ГРУ данные свидетельствовали о том, что «Тито поставил Чаушеску в известность, что если Румыния допустит проведение на своей территории каких-либо учений с участием войск стран-участниц Варшавского Договора, то югославская армия в этом случае будет немедленно подтянута к югославо-румынской государственной границе. По заявлению Тито, эти действия югославского правительства будут предприняты не против Румынии, а как крайне необходимая мера, направленная якобы для защиты Югославии» [2. Д. 316. Л. 74]. Таким образом, Тито фактически был способен, исходя из этой информации, повлиять на ситуацию в Варшавском пакте, чего явно не желала Москва, которая и так находилась в достаточно натянутых отношениях с Белградом после подавления Пражской весны. Контакты между СРР и СФРЮ в военной области вообще представляли для Кремля, судя по тому вниманию, которое придавалось ГРУ ГШ ВС СССР этой теме, особое беспокойство, так как являлись неподконтрольными советской стороне и не санкционированы ею. Именно поэтому столь пристальное внимание было уделено советской военной разведкой визиту в Югославию 2–7 июня 1969 г. начальника Генерального штаба вооруженных сил СРР и заместителя министра обороны генерал-полковника И. Георге. Первые данные об этой поездке содержали достаточно точную информацию о содержании основного интереса румынской стороны, и ГРУ удалось узнать о том, что «в ходе визита делегация посетила некоторые воинские части и заводы по производству вооружения и боевой техники. Решался также вопрос о закупке в Югославии партии учебно-тренировочных самолетов для ВВС Румынии» [2. Д. 320. Л. 62]. Вскоре военной разведке стали известны и некоторые более конкретные детали о том, что делегация «интересовалась организацией подготовки в ЮНА офицерских кадров старшего и среднего звена, а также сержантского состава; постановкой оперативной подготовки офицеров и генералов Генерального штаба ЮНА; вопросами организации территориальной обороны» [2. Д. 320. Л. 97]. Для румынского политического и военного руководства югославский опыт имел большое значение, так как вслед за СФРЮ и СРР провела после действий Варшавского договора в Чехословакии серьезные изменения в оборонной политике и военной доктрине, частью которой становилась концепция «всенародной борьбы» в случае иностранной агрессии (подробнее см. [4]). Ответный визит югославской военной делегации также представлял для советской военной разведки определенный интерес, тем более, что делегация, находившаяся в Румынии 23–25 июня 1969 г., «выезжала в район западной государственной границы» [2. Д. 320. Л. 97], т.е. румыно-венгерской границы, имевшей и для СФРЮ и для СРР стратегическое значение в случае совместных действий СССР, Болгарии и Венгрии против Румынии.

Попытки Румынии наладить отношения в военно-технической области с соседней Венгрией на двусторонней основе также рассматривались советской стороной с определенной долей подозрительности. Советская военная разведка отмечала в

этой связи, что «во время визита в Румынию в период с 27 июня по 2 июля с. г. военной делегации Венгрии румынское командование поставило вопрос о взаимном кооперировании по созданию базы для производства боевых самолетов. При этом министр вооруженных сил Румынии генерал-полковник Ионицэ выразил недовольство по поводу “неполного удовлетворения заявки по поставкам боевой техники из Советского Союза, и в частности по вопросу задержек в поставке самолетов МИГ-21”. Он отметил, что «при таком положении Румыния вынуждена создавать свою базу по производству необходимого вооружения и боевой техники». Глава военной делегации Венгрии генерал-полковник Цинеге при докладе итогов визита в Румынию политбюро ЦК ВСРП отметил, что “сторонам следует изучить вопрос о воинском кооперировании производства отдельных видов вооружения и боевой техники”» [2. Д. 321. Л. 53].

Одновременно ГРУ обращало внимание и на внутривнутриполитическую ситуацию в Румынии, к важным событиям которой относился проведенный 23 мая 1969 г. Пленум ЦК Румынской коммунистической партии (РКП), утвердивший проведение X съезда РКП 4 августа 1969 г. [2. Д. 319. Л. 80], а также политическое отношение к советской стороне. В последнем случае в жесткой форме и без каких-либо комментариев, но в явно негативной форме советская военная разведка отмечала, что «50-я годовщина со дня создания Главного политического управления и политических органов Советской Армии и Военно-морского флота, их особая роль в строительстве вооруженных сил и обеспечении защиты социалистических завоеваний в Румынии отмечены не были. Органы массовой информации СРР никаких материалов, посвященных этой дате, не помещали» [2. Д. 319. Л. 147]. Отказ от празднования полувекового юбилея в данном случае носил симптоматичное значение, что прекрасно понимали и в Москве.

На фоне обострения в марте 1969 г. взаимоотношений с КНР и локальных боев на советско-китайской границе [5] «румынский фактор», с учетом тесных взаимоотношений между Бухарестом и Пекином, приобретал важное значение не только с точки зрения советской внешней политики, но и ситуации в Варшавском пакте. Именно поэтому исключительно выглядел вывод ГРУ о том, что «руководство НАТО в своих планах по отрыву Румынии от стран Варшавского договора намерено максимально использовать норвежские политические, экономические и другие связи с СРР. При этом эксперты политического управления МИД Норвегии исходят из того, что Румыния в осторожной форме продолжает придерживаться так называемого самостоятельного, независимого от стран Варшавского договора, внешнеполитического и экономического курса. Политические круги Румынии, по мнению норвежских дипломатов, не согласны с утверждением о том, что непомерное расширение экономических и других связей с Западом может повлиять на взаимоотношения со странами социализма. В частности, румынские экономисты едва ли не открыто поднимают вопрос о нежелании Румынии быть “сырьевым придатком” советской промышленности. Норвежские эксперты полагают, что между Румынией и странами Варшавского договора назревает серьезная полемика. Они считают, что этими разногласиями можно и нужно воспользоваться для экономического проникновения стран НАТО в Румынию [...] Учитывая, что на председателя государственного совета СРР Чаушеску известное влияние оказывает президент Югославии Тито, политические деятели Норвегии настойчиво добиваются, чтобы Югославия всячески содействовала расширению их контактов с Румынией» [2. Д. 317. Л. 85].

Судя по всему, в советском военном ведомстве, частью которого была и военная разведка, для того, чтобы подчеркнуть опасность происходящего, решили акцентировать угрозу, исходящую Варшавскому блоку как военно-политической организации от позиции Румынии. Поэтому ГРУ прибегло к ссылке на мнение датской социал-демократии, известной своей независимостью, а нередко и критичностью

в оценках СССР, чтобы придать объективный характер утверждениям. В этой связи, в одной из ежедневных сводок, направляемых советской военной разведкой высшему партийному и государственному руководству СССР, отмечалось, что «по оценке некоторых руководителей социал-демократической партии Дании, наиболее слабым звеном в Варшавском договоре является его южный фланг и особенно Румыния. По их мнению, румынские руководители в настоящее время используют обострение советско-китайских отношений с целью получить еще большую экономическую и политическую самостоятельность и расширить связи с западными странами. Этот вывод, в частности, датские социал-демократические лидеры подтверждают тем, что национальное собрание Румынии приняло закон о создании совета обороны¹, а также тем, что Румыния стремится к дальнейшему упрочению и расширению экономических связей с западными странами, в первую очередь, с США, ФРГ и Англией; кроме этого, в одном из последних номеров журнала ЦК РКП «Лупта де класэ» помещена статья, в которой выражаются опасения по поводу дальнейшей интеграции экономики стран СЭВа» [2. Д. 318. Л. 6].

Стремление Бухареста продолжать избранный курс, подчеркивавший независимую позицию Румынии в военно-политических вопросах как члена ОВД все больше начинало раздражать советское руководство, стремящееся всеми силами консолидировать возглавляемый СССР блок. Одновременно Москва, после подавления Пражской весны, была весьма заинтересована в «нормализации» на европейском субконтиненте. В этой связи, принятая на Будапештском совещании Политического консультативного комитета 17 марта 1969 г. по инициативе советской стороны «Декларация об укреплении мира и безопасности в Европе», находившаяся в полном соответствии с так называемой советской доктриной ограниченного суверенитета или Доктриной Брежнева², обеспечивающей контроль СССР над коммунистическим блоком, была призвана начать процесс общеевропейской «структуризации» этой нормализации. С румынской стороны, однако, происходящее воспринималось как еще один шанс усилить позиции Бухареста на международной арене, что явно не входило в планы руководства СССР. Именно поэтому за действиями СРР в контексте военно-политических интересов велось столь пристальное наблюдение со стороны ГРУ, которое отмечало в начале апреля 1969 г., что «румынский представитель в комитете 18 государств по разоружению 3 апреля с. г. в своем выступлении заявил, что основа безопасности европейского континента может быть создана лишь при условии, когда каждое европейское государство будет уверено в том, что “никто и ничем не будет угрожать его независимости и препятствовать избранию собственного пути развития”. Он высказался также за вывод войск с чужих территорий и за отказ от проведения учений вблизи границ или на территории других государств» [2. Д. 318. Л. 39]. Такой подход к реализации Будапештской декларации явно не входил в планы Кремля, более того, ГРУ получило информацию о том, что «по заявлению некоторых представителей социалистических стран в Берне, румынский посол в Швейцарии после встреч и бесед с представителями социалистических стран регулярно информирует о содержании бесед представителя Китая в Берне. В связи с этим они считают нецелесообразным проводить в присутствии румын консультации в рамках представителей социалистических стран по военным и политическим вопросам» [2. Д. 318. Л. 60].

Проведение Бухарестом политического курса, подчеркивающего румынский суверенитет и национальную независимость, насколько это было возможно в

¹ Закон «О создании, организации и деятельности Совета обороны Социалистической Республики Румынии» был принят Великим национальным собранием 14 марта 1969 г. Подробнее об этой структуре см [6].

² См. подробнее [4. С. 284; 7]. На этом же заседании обсуждались и были приняты документы, касающиеся структуры и организации Варшавского пакта.

условиях пребывания страны в коммунистическом блоке, возглавляемом СССР и ее зависимости в экономическом и военном отношении от Москвы, достаточно внимательно отслеживалось советской стороной. Действия главы СРР Чаушеску во взаимоотношениях с СССР, использовавшего, с одной стороны, членство Румынии в ОВД и СЭВ как политический аргумент при контактах с Западом, а, с другой, налаживавшиеся связи с Западом, вызывали обеспокоенность у советского руководства. Более того, румынская сторона демонстративно прибегала и к другим шагам, которые, в частности были отмечены ГРУ, сообщавшим в конце августа 1969 г. о том, что «посол СРР в Швеции Манеску на пресс-конференции, устроенной в Стокгольме 21 августа с. г., заявил, что заслуги в освобождении Румынии от фашизма принадлежат исключительно румынскому народу. О решающей роли Советского Союза и его вооруженных сил в освобождении Румынии Манеску умолчал. Все заявления Манеску были проникнуты духом национализма и восхваления заслуг Чаушеску. На приеме в посольстве он подчеркнуто демонстрировал дружественные отношения, существующие между румынскими и китайскими дипломатами» [2. Д. 322. Л. 153].

Сам факт тесных румыно-китайских дипломатических контактов в момент обострения советско-китайских отношений расценивался практически как удар и по советской стороне, и как серьезный подрыв декларировавшегося коммунистическим блоком единства. В этих условиях в советских представлениях Румыния постепенно превращалась из союзника в недоброжелателя, продолжавшего являться членом ОВД и СЭВа. Взаимоотношения Бухареста с государствами Запада лишь укрепляли подобные опасения советской стороны, боявшейся все большей независимости Румынии. Предыдущая информация советской разведки, делавшей выводы о заинтересованности Запада в отколе Румынии от ОВД, вновь была актуализирована в день приезда в Румынию премьер-министра Швеции и лидера Социал-демократической партии страны Т.Ф. Эрландера, находившегося в Бухаресте 11–14 апреля 1969 г. и проводившего переговоры с Чаушеску. ГРУ сделало вывод о том, что «правительство Швеции высоко оценивает стремление Румынии к независимости и самостоятельности, что, по мнению шведов, нашло выражение в таких шагах румынского правительства, как попытки развития всесторонних связей с государствами, имеющими различные социальные системы, а также поддержание дружественных отношений как с Советским Союзом, так и с КНР. Подтверждением самостоятельности и независимости в действиях Румынии расцениваются решение румынского правительства занять нейтральную позицию в ближневосточном конфликте и отказ подписать декларацию, принятую на Московской конференции по нацистским военным преступникам. Учитывая все это, шведские правящие круги придают большое значение предстоящим переговорам премьер-министра Швеции Эрландера с румынскими руководителями в Бухаресте, в ходе которых будут обсуждаться в основном вопросы расширения торговых связей между обеими сторонами» [2. Д. 318. Л. 73]. Ответный визит заместителя премьер-министра М. Дрэгэнеску (в документе его фамилия ошибочно транскрибирована как Драгонеску) в Швецию во главе промышленно-торговой делегации, состоявшийся 4–12 мая 1969 г., также не остался без внимания ГРУ [2. Д. 319. Л. 19]. Дополнением к алармистским заключениям советской военной разведки о слишком активных связях СРР с «капиталистическим миром» стала информация, полученная ГРУ уже о позиции НАТО и его отдельных членов в отношении ряда коммунистических стран, три из которых – Венгрия, Румыния и Чехословакия – входили в ОВД. По данным ГРУ на юбилейной сессии НАТО, проходившей 10 апреля 1969 г., а также во время ряда других встреч было принято решение «предоставить право странам-участницам НАТО вести самостоятельно переговоры с социалистическими странами в целях разрядки международной напряженности, Италия стремится установить такие контакты в первую очередь

с Румынией и Югославией и при возможности с Чехословакией и Венгрией» [2. Д. 318. Л. 104]. В данной связи взаимоотношения Румынии со странами-членами НАТО превращались в предмет постоянного разведывательного интереса для ГРУ, и летом оно получило информацию о том, что «датский министр по вопросам разоружения Х. Петерсон, находившийся с 17 по 27 июля с. г. в Румынии, имел несколько встреч с министром иностранных дел Мэнеску и обсуждал с ним главным образом вопросы европейской безопасности. Кроме того, состоялся обмен мнениями о предложениях датского правительства на последней сессии ООН об установлении международного контроля над поставками вооружения, которые были одобрены румынской стороной. В отчете Петерсона своему правительству об итогах визита отмечается, что руководство Румынии проявляет большой интерес к проблемам европейской безопасности. Считается, что во время переговоров с Никсоном³ Чаушеску продемонстрирует готовность румынского правительства к посредничеству при подготовке общеевропейского совещания по вопросам безопасности с участием США» [2. Д. 321. Л. 191.31]. Идея выступать посредником между Востоком и Западом, а точнее США и СССР, а также между СССР и КНР была одной из важных составляющих в формировавшемся внешнеполитическом курсе Румынии. Достаточно отчетливо это проявилось осенью 1969 г. в одном эпизоде, связанном именно с советско-китайскими отношениями. Как отмечало ГРУ, «в беседе с румынским военным атташе на Кубе 7 октября с. г. на приеме по случаю 20-й годовщины Германской Демократической Республики помощник военного атташе КНР Ченг Чун-ченг заявил, что китайское руководство заинтересовано в восстановлении торговых отношений с Советским Союзом и предпримет необходимые меры к недопущению инцидентов на советско-китайской границе. По сообщению военного атташе Румынии, до этой беседы высказывания Ченг Чун-ченга носили антисоветский характер» [2. Д. 324. Л. 60].

Фактически на протяжении всего периода весны – лета 1969 г. наибольшее беспокойство советской стороны вызывали взаимоотношения Румынии с ведущими государствами Запада – США, Великобританией, ФРГ и Францией, в связи с чем ГРУ обращало внимание на то, что «румынское руководство продолжает расширять экономические связи с капиталистическими странами. Внешнеторговые операции с ФРГ, Великобританией, США и другими западными странами составляют 46% от общего уровня внешней торговли» [2. Д. 322. Л. 80].

Визит американского президента Р. Никсона в Бухарест буквально за два дня до начала работы X съезда РКП был символическим шагом как со стороны США, так и СРР. В этой связи ГРУ, со ссылкой на «мнение зарубежных политических кругов» – США и Великобритании – делало вывод о том «что этот визит будет способствовать укреплению ее [Румынии] независимости в условиях якобы постоянного давления со стороны Советского Союза. Подчеркивается, что визит наносится накануне открытия 10 съезда РКП, на котором Чаушеску попытается закрепить националистическую политику Румынии, и ее стремление быть посредником между Востоком и Западом. Указывается, что посещение Никсоном Румынии является косвенным предупреждением Советскому Союзу, чтобы он не рассчитывал в дальнейшем на беспрепятственность акций в отношении восточноевропейских стран. Своим визитом в Румынию Никсон намерен также показать Китаю, что США готовы пойти на улучшение отношений с ним и не будет открыто поддерживать Советский Союз в его конфликте с Пекином» [2. Д. 320. Л. 182]. Более того, по данным ГРУ, «в тех же кругах [дипломатических кругах Вашингтона] расценивают визит Никсона в Румынию как стремление США воспользоваться в целом благоприятной для них обстановкой в РСР (правильно: СРР – Социалистическая республика Румыния. – *Ар. У.*) для расширения контактов и возможного

³ Во время посещения Никсоном Бухареста в августе 1969 г.

ослабления в последующем ее связей с социалистическими странами» [2. Д. 322. Л. 21].

Действия США, как и ряда других государств Запада, оценивались советской военной разведкой в контексте общего подхода к их политике как нацеленной на ослабление коммунистического блока и подрыв боевых возможностей Варшавского пакта с помощью отрыва от «социалистического лагеря» отдельных государств. Добытая по каналам ГРУ информация о позиции Североатлантического альянса и его ведущих членов в отношении американо-румынских контактов показывала существование нюансов в оценке происходящего со стороны Западного блока, свидетельством чего был факт того, что «по мнению руководства НАТО, визит Никсона в Румынию был предпринят с целью установления более тесных контактов с социалистическими странами, “независимо от мнения Советского Союза по этому вопросу”. Он также свидетельствует о стремлении США укрепить националистические тенденции в Румынии и поощрить подобные тенденции в других социалистических странах. Румынское правительство, пригласив Никсона и организовав ему торжественную встречу, в свою очередь, пыталось продемонстрировать независимость в вопросах внешней политики и добиться признания этой независимости со стороны США. Руководство НАТО считает, что визит Никсона и последующее развитие американо-румынских отношений могут привести к определенной напряженности в социалистическом лагере, что отвечает интересам США и НАТО» [2. Д. 322. Л. 37]. Вероятные противоречия союзников Вашингтона по Североатлантическому альянсу превращались в предмет специального разведывательного интереса ГРУ, что отражало общую внешнеполитическую линию СССР, стремившуюся к расколу в рядах НАТО и в целом возможную общеевропейскую единства. Однако полученные советской военной разведкой данные не позволяли сделать однозначного вывода, о чем свидетельствовал факт того, что «после окончания визита Никсона в Румынию советник президента по внешнеполитическим вопросам Киссинджер (правильно: Киссинджер. – *Ар. У.*) посетил Брюссель и информировал руководство НАТО о содержании политических переговоров Никсона с главами правительств стран Азии и Румынии, а также изменениях в азиатской политике США и их отношений с социалистическими странами. На основе этой информации в постоянном совете НАТО производился тщательный анализ положительных и отрицательных моментов поездки Никсона» [2. Д. 322. Л. 69].

Стратегическое значение для советской стороны имела оценка визита Никсона со стороны Великобритании – ближайшего союзника США. Советская военная разведка в выражениях и определениях, характерных для советского официально-бюрократического языка, сообщала о том, что «по оценке правительственных кругов Великобритании, переговоры руководителей Румынии с Никсоном являются явной демонстрацией “независимости” СРР от внешней политики Советского Союза и других стран-участниц Варшавского договора. В этом шаге румын усматриваются далеко идущие потенциальные возможности в осуществлении Западом политики “наведения мостов”. Ставка делается на национализм Румынии, ее центристские позиции в области отношений между Востоком и Западом, Советским Союзом и Китаем, арабами и Израилем и ее попытки возвыситься в международных делах. В решении Никсона воспользоваться приглашением румын отмечается наличие стремления дать понять Пекину о заинтересованности США сосредоточить свои главные внешнеполитические усилия в Европе и прозондировать почву о возможной сговорчивости Советского Союза на готовящихся двусторонних переговорах» [2. Д. 322. Л. 48].

Судя по тому, что советская военная разведка стремилась определить позиции стран Запада в отношении визита Никсона, можно предположить, что, как и прежде, Кремль был заинтересован в том, чтобы найти признаки раскола между США

и европейскими государствами, а также выявить наиболее последовательных противников попыток американцев устанавливать отношения с подконтрольными СССР странами Центрально-Восточной Европы. Эти усилия имели определенные результаты и, как стало известно в ГРУ, «в официальных кругах Австрии предстоящий визит Никсона в Румынию расценивается как начало нового этапа в политике проникновения США в страны Юго-Восточной Европы, направленного на подрыв единства социалистического лагеря изнутри. По мнению этих кругов, визит может способствовать развитию национализма в Румынии и Югославии, а также осложнению отношений СРР с СССР и помешать подписанию нового советско-румынского договора о дружбе и взаимной помощи. В Вене считают, что румынские руководители, приглашая Никсона без предварительных консультаций с Советским Союзом, стремятся подчеркнуть независимую внешнюю политику Румынии, особенно в связи с предстоящим съездом РКП» [2. Д. 321. Л. 16]. Примечательно, что для подтверждения факта существующего раскола среди европейцев по поводу действий США на «румынском направлении» ГРУ обратилось к примеру Австрии – нейтрального государства, не входившего в НАТО, и сослалось на мнение главы австрийского МИДа К. Вальдхайма, который, как «и ряд других видных австрийских политических деятелей, расценивает визит Никсона в Румынию как неудачный дипломатический шаг, неодобрительно встреченный в кругах западных дипломатов» [2. Д. 322. Л. 61]. В то же время, информация ГРУ о мнении политических кругов другой нейтральной страны – Швеции относительно визита Никсона свидетельствовала о том, что шведы, во-первых, достаточно прагматично рассматривали происходящее, и, во-вторых, были лучше, чем их австрийские «коллеги по нейтралитету», информированы о последствиях встречи Никсона и Чаушеску. Полученные советской военной разведкой данные свидетельствовали: «В дипломатических кругах Швеции считают, что визит президента США Никсона в Румынию является практическим шагом новой американской администрации на пути к более активной европейской политике, особенно в отношении социалистических стран. В этих же кругах выражают мнение, что приглашение Никсона румынами было продуманным шагом, основанным на существующих китайско-советских разногласиях и на стремлении СССР к улучшению своих отношений с США. Ссылаясь на бухарестские источники, утверждает, что Чаушеску получил приглашение посетить США, но об этом решено пока не делать официальных заявлений» [2. Д. 322. Л. 61].

Для Кремля было важно, чтобы развитие американо-румынских отношений, с одной стороны, не имело серьезных негативных последствий для ОВД и в целом коммунистического блока, а, с другой, чтобы Румыния не усилила свои позиции на международной арене вопреки политическим интересам СССР, претендующего на роль выразителя интересов коммунистического блока. В первом случае, однако, уже вскоре ГРУ получило информацию о том, что «Никсон подчеркнул, что экономические трудности социалистических стран и их разногласия необходимо использовать очень осторожно, чтобы не нанести вред отношениям США и Советского Союза, особенно в период подготовки переговоров между ними» [2. Д. 322. Л. 91]. Во втором случае, касавшемся опасности «румынского фактора» для СССР, ситуация развивалась достаточно выгодно для Москвы. Так, в частности, вслед за отмеченным ГРУ резким ухудшением взаимоотношений между Румынией и Северной Кореей, причиной чего стал визит Никсона в Бухарест [2. Д. 322. Л. 88], обострились, а в ряде случаев были прекращены дипломатические отношения Румынии с отдельными арабскими и мусульманскими странами после того как Румыния и Израиль повысили уровень своих дипломатических представительств до посольств [2. Д. 321. Л. 67–68].

В складывавшейся ситуации особый интерес представляли мнения о визите Р. Никсона, существовавшие в дипломатических и политических кругах не только

столиц ведущих и влиятельных на международной арене государств, но и непосредственно в самом Бухаресте. Советская военная разведка обращала внимание в этой связи на два связанных между собой аспекта: внутри и внешнеполитический. С одной стороны, как она отмечала, «в Румынии развернулась широкая подготовка к 10 съезду РКП. Делаются попытки обеспечить наиболее высокий уровень представительства делегаций на съезде. Направлены приглашения всем партиям, участвовавшим в работе Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве. Одновременно приглашены представители компартий Китая, Албании, параллельных партий Израиля, Индии и др.» С другой, ГРУ констатировало, что «в дипломатических кругах Бухареста высказывается мнение, что в связи с визитом Никсона в Румынию ряд компартий вряд ли направит свои делегации на съезд. Румынские руководители, опасаясь, чтобы визит Никсона не отразился на взаимоотношениях Румынии с Советским Союзом и другими социалистическими странами и не привел бы к сокращению экономического сотрудничества с ними, всячески пытаются преуменьшить значение этого визита, подчеркивая, что он направлен главным образом на достижение взаимопонимания между Востоком и Западом» [2. Д. 321. Л. 67–68].

Для Кремля была важна информация о том, как сама румынская сторона интерпретирует происходящее, и советская военная разведка, судя по тому, что активно собирала сведения именно по политическим вопросам, на которые, вероятно, ее ориентировало руководство, сообщала: «В связи с визитом Никсона в Румынию главный редактор газеты “Скынтейя” заявил, что предстоящие переговоры президента США с Чаушеску являются “шагом вперед на пути к подготовке европейской конференции по вопросам безопасности. Румыния проводит самостоятельную, независимую от блоков политику и пытается противодействовать всяким великодержавным устремлениям”» [2. Д. 322. Л. 10]. Особое внимание в этой связи придавалось со стороны ГРУ заявлениям военно-дипломатических представителей СРР за рубежом, так как фактически их публичные и рассчитанные на большую аудиторию официальные выступления давали основания для формирования мнения о планах румынского политического руководства по вопросам обороны и взаимоотношениям с союзниками по Варшавскому блоку, что было особенно важно, учитывая фактический отказ Бухареста с 1969 г. от проведения совместных учений ОВД на румынской территории. Именно поэтому ГРУ обратило внимание на ряд тезисов, озвученных военно-воздушным и военно-морским атташе во Франции М. Дрангой на пресс-конференции в конце октября 1969 г. в Париже, когда он заявил о том, что «СРР выступает как за ликвидацию НАТО, так и Варшавского договора. Однако пока существуют военные блоки, Румыния будет выполнять свои союзнические обязательства и одновременно укреплять военное сотрудничество с теми социалистическими странами, которые не входят в организацию Варшавского договора. Отвечая на вопрос об отношении румынского военного руководства к пребыванию советских войск на территории ЧССР, М. Дранга подчеркнул, что “Румыния требует, и всегда будет требовать вывода войск с иностранных территорий”. Он подтвердил верность своей страны принципу уважения независимости и национального суверенитета. В связи с этим особый упор был сделан на то, что Румыния самостоятельно производит почти все оружие для своих сухопутных войск, закладывает “основы национальных ВВС” и готова строить корабли, необходимые для обороны страны» [2. Д. 324. Л. 124].

Активное продвижение Бухарестом собственной позиции на международной арене, подчеркивавшаяся румынским руководством приверженность идее укрепления национального суверенитета и независимости и расширение в этой связи контактов с западными странами, включая государства-члены НАТО, приобрели в 1969 г. отчетливо выраженный характер «особого курса». В этой связи «румын-

ское направление» в разведывательном интересе ГРУ ГШ ВС СССР становилось одним из важных с точки зрения советских внешнеполитических и военно-стратегических интересов, реализация которых во многом зависела от единства подконтрольного Москве коммунистического блока. Примечательными фактами в этой связи были, во-первых, информационная насыщенность получаемых советской военной разведкой данных, преобладающая часть которых имела прямое отношение, прежде всего, именно к внешнеполитическим аспектам «румынского вопроса», и, во-вторых, присущие советским партийным и государственным документам идеологизированные характеристики, использовавшиеся при изложении материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Dragomir E.* Cold War Perceptions: Romania's Policy Change towards the Soviet Union, 1960–1964. Cambridge, 2015.
2. Российский Государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 61.
3. Arhivele Naționale Istorice Centrale (ANIC). F. 3 – CC al UTC, 15/1968. Informarea primului-secretar CC al UTC Ion Iliescu in fata Biroului UTC privind revoltele studentesti din 24–25 decembrie 1968.
4. *Улунян Ар. А.* Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. – 1980 г.). М., 2013.
5. *Рябушкин Д.С.* Мифы Даманского. М., 2004; *Рябушкин Д.С.* Чем завершились события на острове Даманском // Вопросы истории. 2005. № 12; *Степанов Е.Д.* Политика начинается с границы. Некоторые вопросы пограничной политики КНР второй половины XX в. М., 2007.
6. *Rijnoveanu C.* Consiliul Apărării al Republicii Socialiste România// Verteidigungsrate im Warschauer Pakt – http://www.nationaler-verteidigungsrat.de/downloads/1_rijnoveanu_consiliul_apararii.pdf
7. *Ouimet M.* The Rise and Fall of the Brezhnev Doctrine in Soviet Foreign Policy. London, 2003.

У ИСТОКОВ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ БОЛГАРИСТИКИ.

К 100-летию Любомира Борисовича Валева (1915–1981)

Статья посвящена жизненному и творческому пути профессора Л.Б. Валева, внесшего значительный вклад в становление и развитие отечественного славяноведения и исторической болгаристики. Публикуется к 100-летию со дня рождения ученого.

The article is dedicated to the life and work of Professor Ljubomir Valev, who made substantial contribution to the establishment and development of the Slavic and Bulgarian history studies in the USSR and is timed to the centennial anniversary of his birthday.

Ключевые слова: Л.Б. Валева, история Болгарии, славяноведение, болгаристика.

Keywords: Ljubomir Valev, history of Bulgaria, Slavic studies, Bulgarian history studies.

Для характеристики научного творчества одного из крупнейших историков-болгаристов доктора исторических наук, профессора Любомира Борисовича Валева, чье имя и научные труды хорошо известны специалистам как в нашей стране, так и за рубежом, самым точным следует признать слово «впервые». С его именем прочно связаны не только становление и успешное развитие советского (российского) славяноведения в целом, но и исторической болгаристики в нашей стране. И на этом пути Любомир Борисович чаще всего выступал первопроходцем в освоении многих научных проблем, открывал новые исследовательские направления, безошибочно определяя их перспективность и актуальность.

Обращение к научному творчеству Любомира Борисовича убедительно подтверждает, что труды историка неотделимы от его личности, неизбежно несут на себе ее отпечаток. Научное наследие ученого может быть всесторонне и объективно оценено лишь в тесной связи с его жизненным путем и тем временем, в котором он жил и творил.

Человек необычной судьбы, Л.Б. Валева родился 21 декабря 1915 г. в Болгарии в г. Дупница в семье учителей. Его отец Борис Валева (Вылев) был активным участником Сентябрьского вооруженного восстания 1923 г., осуществленного по инициативе Коминтерна, членом революционного комитета в г. Берковица. После подавления восстания коммунисту Б. Валева, заочно приговоренному к длительному тюремному заключению, пришлось эмигрировать в Югославию. Вскоре за

Волокитина Татьяна Викторовна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Валева Елена Любомировна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

ним последовала его жена с сыновьями Любомиром и Эмилем. Любомир Борисович сохранил яркие воспоминания о жизни болгарской политической эмиграции в Югославии в 1925–1926 гг. В их доме печатались нелегальные материалы, и нередко десятилетнему мальчику поручали ответственное дело – наблюдать, не появился ли поблизости полицейский патруль. Большое влияние на формирование характера и жизненных установок Любомира Борисовича оказало и четырехлетнее пребывание семьи во Франции, куда в 1926 г. по решению ЦК Болгарской коммунистической партии переехала семья. Б. Валева был поручен выпуск газеты Балканской коммунистической федерации «La fédération balkanique», и сын нередко помогал отцу в распространении издания. Такова была среда, в которой провел свои детские годы Л.Б. Валев.

Определяющее влияние на формирование личности будущего ученого оказал приезд семьи в 1930 г. в Советский Союз, ставший для него второй родиной, несмотря на пережитые вместе с советскими людьми трудности, а порой и драматические события. В марте 1938 г. Б. Валев был арестован по фальсифицированному обвинению в шпионаже и вместе со многими другими болгарскими политэмигрантами отправлен на Колыму. Освобожденный под поручительство Г. Димитрова в мае 1941 г., он вернулся в Москву тяжело больным и умер в 1945 г. Для исключительно дружной семьи, в которой всегда царили взаимная любовь и уважение, это стало огромной трагедией.

Судьба уберегла Любомира от возможной участи сына «врага народа». В Москве в 1935 г. он окончил среднюю школу-десятилетку и поступил на исторический факультет Московского государственного университета. Молодой человек избрал профессию историка по велению ума и сердца. Впоследствии Валев любил вспоминать о студенческих годах на истфаке МГУ, о Новгородской археологической экспедиции под руководством чл.-корр. А.В. Арциховского. В студенческие годы он прошел блестящую историческую школу: участник семинаров академиков В.М. Хвостова и Л.Н. Иванова, он унаследовал от них любовь к широкой теоретической постановке вопросов, уважение к факту.

Еще студентом Л.Б. Валев много внимания уделял изучению истории дипломатии и международных отношений и одновременно начал серьезно заниматься историей Болгарии. Такое сочетание оказалось весьма результативным: студенческие исследования легли в основу дипломной работы «Болгария в Балканских войнах 1912–1913 годов». По окончании университета в 1940 г. Л.Б. Валев работал сначала в школе, затем в качестве старшего научного референта в Институте мирового хозяйства и мировой политики АН СССР, где написал первые статьи по проблемам международных отношений и мировой экономики.

Когда началась Великая Отечественная война, Л.Б. Валев в составе сформированного комсомольского батальона участвовал в строительстве оборонительных укреплений под Смоленском. В сентябре 1941 г., после ранения, он был эвакуирован сначала в Москву, а затем, вместе с сотрудниками Института мирового хозяйства и мировой политики – в Ташкент. Продолжая работать в институте, он являлся одновременно лектором ЦК комсомола Узбекистана, по поручению Ташкентского городского комитета компартии Узбекистана выступал на предприятиях и в госпиталях, был секретарем комсомольской организации института.

В историческую науку Л.Б. Валев пришел «со своей» темой: Болгария в годы Второй мировой войны. В 1942 г. под псевдонимом Л. Борисов он опубликовал статью «Болгария под пятой германского фашизма», в которой всесторонне проанализировал экономические и политические факторы, способствовавшие вовлечению Болгарии в фашистский блок, укрепление в стране позиций германских монополий. Несмотря на скудость источников и полное отсутствие какой-либо историографической традиции исследования темы, автор представил убедительную картину развертывания в стране движения Сопротивления. Уже тогда проявились

готовность молодого историка братья за новые, не исследованные проблемы, его стремление к комплексному рассмотрению разных сторон явления.

В декабре 1942 г. Л.Б. Валева по распоряжению Георгия Димитрова вызвали в Москву в аппарат Исполкома Коминтерна. Вскоре Любомир Борисович стал сотрудником действовавшей с июля 1941 г. на территории СССР радиостанции болгарского движения Сопротивления «Христо Ботев», где он проработал до последней ее передачи в сентябре 1944 г. – сначала как диктор, а затем и как редактор. Годы работы на радиостанции под непосредственным руководством лидеров болгарской компартии Г. Димитрова, В. Коларова, Ст. Димитрова, общение с яркими, незаурядными личностями оставили неизгладимый след в жизни молодого историка. Не случайно эти годы напряженного и вдохновенного труда во имя разгрома фашизма Л.Б. Валева впоследствии считал самыми яркими страницами своей жизни. Радиостанция действовала на протяжении 1147 дней, выходя в эфир по несколько раз в сутки. Часть переданных материалов была позже опубликована в семитомном сборнике «Говори радиостанция “Христо Ботев”» [1]. В их числе – четыре статьи самого молодого сотрудника редакции: «Ботев и наша молодежь», «Христо Смирненский», «Внешнеполитические итоги Великой Отечественной войны Советского Союза в день ее трехлетней годовщины», «Почему доктор Бюллер посетил Болгарию?» [1. Т. 4. С. 377–379, 402–403; Т. 7. С. 62–64, 113]. В письме от 23 мая 1944 г. Ст. Димитров, находившийся на Украине в ожидании вылета в Болгарию, сообщал в «центр»: «Слушал передачу “Христо Ботева”, хорошо слышно, читает Валева, хорошо читает» [2. С. 226]. За работу на радиостанции «Христо Ботев» Любомир Борисович был награжден орденом Красной Звезды.

По окончании войны, летом 1946 г., Валева направили в Германию в качестве переводчика с болгарского языка на Нюрнбергском процессе над главными нацистскими военными преступниками. Необходимость включения в советскую делегацию человека, свободно владеющего болгарским языком, была вызвана рассмотрением в Нюрнберге «катынского дела», в расследовании которого, организованном в годы войны по инициативе гитлеровского руководства, принимали участие представители Болгарии. Любомир Борисович не любил вспоминать о пребывании в Нюрнберге, и, думается, связано это было с пришедшим к нему позднее осознанием всей сложности и неоднозначности оценок этой трагической страницы в истории войны.

Мирное время открыло возможность снова целиком отдаться любимому делу – изучению истории. В первые послевоенные годы определилось основное научное направление, которому Любомир Борисович следовал на протяжении всей своей творческой жизни, – новейшая история Болгарии. Накопленный за годы войны опыт, сформировавшееся умение за частными фактами разглядеть грани масштабных явлений определили этот выбор. Биография молодого ученого, историческая эпоха, современником которой он был, оказались тесно переплетенными с избранной им научной стезей. Именно поэтому в центре его внимания – самые животрепещущие вопросы того времени: германская агрессия на Балканах, втягивание Болгарии в фашистский блок, положение ее как страны-сателлита гитлеровской Германии, общественные настроения в стране и развертывание движения Сопротивления, освободительная миссия Советской армии на Балканах, народно-демократические революции в странах ЦЮВЕ, становление и укрепление нового болгарского государства в послевоенные годы, советско-болгарские отношения в контексте социалистического варианта модернизации в Болгарии и другие. Во многом благодаря Любомиру Борисовичу возникла и получила заметный импульс к дальнейшему развитию историческая болгаристика, обретя статус самостоятельной отрасли славистики. Л.Б. Валева был одним из тех исследователей, кто стоял у ее истоков.

В 1948 г. Л.Б. Валева поступил в только что созданный Институт славяноведения Академии наук СССР, в котором прошла вся его дальнейшая творческая жизнь – от младшего научного сотрудника до заведующего сектором.

В институте под руководством одного из крупнейших советских историков-славистов профессора С.А. Никитина Любомир Борисович подготовил и успешно защитил в 1950 г. кандидатскую диссертацию «Из истории Отечественного фронта Болгарии (июль 1942 г. – май 1945 г.)». В том же году ее часть была опубликована отдельной книгой [3]. В советской историографии появилась работа, в которой в рамках господствовавшей тогда исследовательской парадигмы анализировалась актуальная проблема перехода от капитализма к социализму в новых исторических условиях. Одним из первых историков-исследователей Л.Б. Валева понял исключительную важность и актуальность изучения проблематики национальных фронтов. Он сумел разглядеть широкие перспективы освоения существовавшей в этой области исторической науки «целины». Поэтому не случайно выход книги привлек внимание научной общественности других стран. На протяжении 1951–1953 гг. книга «Из истории Отечественного фронта Болгарии (июль 1942 г. – сентябрь 1944 г.)» переиздавалась в Венгрии, ГДР и Чехословакии.

Явившись «первой ласточкой» в историографии, работа Л.Б. Валева положила начало всестороннему изучению проблем формирования и развития ОФ, развернувшемуся параллельно процессу выявления и систематизации источников, главным образом, документов Национального комитета ОФ и Болгарской коммунистической партии. В 1950-е годы активно разрабатывались вопросы о предпосылках формирования ОФ, об иницилирующей и руководящей роли коммунистов в его создании, о роли комитетов ОФ в антифашистской борьбе и сентябрьских событиях 1944 г., в установлении народно-демократической власти. Не только сам Любомир Борисович, но и его коллеги и первые ученики в Советском Союзе и в Болгарии во многом способствовали превращению в середине 1960-х годов истории ОФ в самостоятельную научную проблему.

Вместе с тем в те годы наметился и ряд дискуссионных вопросов, которые длительное время не могли получить адекватного разрешения. Господствовавший в марксистской историографии подход к ОФ как к коммуноцентристской по своей сути системе проистекал из центральной политико-методологической посылки о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Он существенно препятствовал объективному анализу, рождал строго детерминированные трактовки истории политических партий и общественных организаций, социальной природы ОФ, характера установленного в стране режима и пр. Лишь на рубеже 80–90-х годов XX в., когда в ходе «архивной революции» в нашей стране историки получили возможность работать на новой источниковой базе, начал осуществляться критический пересмотр прежних итогов исследований, приведший к отказу от старых мифологем и воссозданию более объективной картины исторического прошлого. Сегодня, отбрасывая крайности в позициях, российские и болгарские ученые, обращающиеся к истории Отечественного фронта, рассматривают его в русле функционирования коалиционной системы власти. Однако это не ставит под сомнение прежние выводы о генезисе ОФ, влиянии внутренних и внешних факторов на процесс его создания, получившие аргументированное обоснование и в работах Любомира Борисовича, хотя и снимает былой партийно-идеологический «флер».

С тематикой Отечественного фронта была тесно связана проблема, которая на долгие годы определила научные интересы Л.Б. Валева – борьба болгарского, а также других балканских и славянских народов против фашизма в годы Второй мировой войны. Этой проблеме Любомир Борисович посвятил многочисленные исследования в коллективных трудах. А в 1964 г. вышла в свет его монография «Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период

Второй мировой войны)», годом позже защищенная в качестве докторской диссертации. Как писала газета «Работническое дело», впервые в исторической литературе появился целостный труд, являющийся всесторонней разработкой истории Болгарии конца 30-х – начала 40-х годов XX в. и заполняющий «существенный пробел в исследовании новейшей истории нашей страны» [4]. Высокие оценки получила монография и у советских исследователей [5]. И сегодня, спустя полвека, они видятся объективными и точными.

Любомир Борисович приступил к работе над монографией в то время, когда в советской исторической науке еще сравнительно слабо были исследованы проблемы первого периода войны, охватывавшего 1939–1941 гг., не было единства в оценке тактики коммунистических партий в этот сложный период. Л.Б. Валева одним из первых обратился на конкретном материале Болгарии к этим вопросам и сумел внести значительный вклад в изучение проблематики антифашистской борьбы народов ЦЮВЕ. Советская литература по истории Второй мировой войны пополнилась обстоятельным исследованием, посвященным ее наименее изученному начальному периоду, а историческая болгаристика – работой, заполнявшей существенные лакуны в изучении новейшей истории Болгарии.

Стремление Л.Б. Валева к объективному анализу конкретной обстановки в стране обусловило внимательное изучение им состояния болгарской экономики накануне и в первые годы войны. Опираясь на серьезные исследования экономических сюжетов в болгарской историографии, скрупулезно изучив доступный в то время источниковый материал, Любомир Борисович сумел вскрыть глубинные связи процессов, происходивших в экономике Болгарии, с внутривосточным и международным положением страны, настроениями в болгарском обществе, расстановкой политических сил. Монография существенно обогатила представления исследователей о развитии болгаро-германских отношений накануне войны, в частности, о клиринговых отношениях между двумя странами.

Л.Б. Валева внес также весомый вклад в разработку слабо изученных в то время в исторической литературе вопросов, освещавших международное положение и внешнюю политику Болгарии. Им впервые были рассмотрены попытки вовлечения страны в войну в 1939 г. англо-французским блоком, раскрыты содержание и значение советских предложений болгарскому правительству в конце 1940 г. о заключении пакта о дружбе и взаимной помощи, а также ответа болгарской стороны. Изучение широкого круга источников, многие из которых вводились в научный оборот впервые, позволило автору выявить сущность «выжидательной политики» болгарских правящих кругов, тонко проанализировать нюансы внешнеполитического курса страны. Любомир Борисович очень любил работать в архивах, выявляя новые документы, скрупулезно изучать, осмысливать и вводить их в научный оборот. С особым чувством ученый писал о борьбе болгарского народа против фашизма и войны, за дружбу с Советским Союзом. Здесь наиболее ярко проявлялись присущие ему черты патриотизма и интернационализма – тот чудесный сплав, который придавал Любомиру Борисовичу неповторимое обаяние.

На фоне современного уровня знаний некоторые формулировки и положения этой монографии и других работ Л.Б. Валева нуждаются в уточнении и некоторой корректировке. Несомненно, историк не был свободен от официальных догм и партийных требований, предъявлявшихся в то время к науке. Но, отдав дань этому «велению эпохи», он основательно излагал добротный материал, избегая идеологизации и тенденциозности. Исследования и концепции ученых необходимо оценивать с позиций историзма, в контексте развития исторической науки в целом, принимая во внимание время, в которое они жили и творили. Новый взгляд на отдельные вопросы болгарской истории, базирующийся на расширившейся источниковой базе – рассекреченных документах и материалах из архивов России и Болгарии – вносит существенные поправки в делавшиеся ранее оценки

и выводы. Острые и длительные дискуссии историков прошли, в частности, по проблеме «болгарского фашизма». Процесс постепенного отказа от стереотипов оказался сложным. К концу 1980-х годов уже большинство связанных с понятием «фашизм» марксистских формулировок было поставлено под сомнение.

Тем не менее, следует подчеркнуть, что в значительной части работы Л.Б. Валева по истории Болгарии периода Второй мировой войны выдержали испытание временем, сохраняют свою актуальность, а такие проблемы, как, например, упоминавшаяся выше проблема клиринга, по-прежнему остается уникальным по глубине анализа исследованием.

Интересы Любомира Борисовича были разнообразны. Его внимание как исследователя привлекала также история народно-демократической революции и строительства социализма в Болгарии, чему посвящены написанные им главы во втором томе «Истории Болгарии» и ряд статей. Работать по этой проблеме Л.Б. Валева и его коллегам пришлось в весьма сложных условиях политической конъюнктуры. На VII съезде БКП (июнь 1958 г.) народно-демократическая революция в Болгарии объявлялась социалистической по своему характеру «с самого начала». Такая трактовка, отвечавшая резолюции партийного форума, сохранялась на протяжении 1960–1980-х годов. Советских ученых наличие партийной оценки ставило в исключительно трудное положение. Противостоять официальной в «братской» стране точке зрения было непросто. «Инстанция» в лице Отдела науки ЦК КПСС внимательно следила за тем, чтобы ничто не омрачало отношений между двумя странами.

Тем не менее, в советской историографии большинство работ закрепляло тезис о двух этапах развития народной демократии. На первом, демократическом, этапе решались общенациональные задачи, но ставились и отдельные задачи антикапиталистического характера. Второй этап определялся как социалистический. Л.Б. Валева разделял эту точку зрения, характеризовал народно-демократическое государство как своеобразную форму диктатуры пролетариата. Эту же позицию он развил и в двухтомной «Истории Болгарии» [6. Т. 2. С. 363]. Крах мира социализма на рубеже 80–90-х годов XX в. положил конец многолетним дискуссиям о народной демократии как «особой форме диктатуры пролетариата». Сегодня наука ушла далеко вперед в освещении, а точнее – новом осмыслении этого периода, в научный оборот введены многообразные документальные материалы. Они дают простор научной интерпретации, призванной показать, какие реальности имели место во второй половине 1940-х годов в освобожденной Восточной Европе, какие внутренние и внешние факторы, находившиеся в тесном взаимодействии и взаимозависимости, породили этот особый этап в истории региона.

На фоне возможностей сегодняшнего дня особенно четко осознается драматизм положения, в котором оказались многие ученые прошлых поколений. Исследовательская работа, которую они были вынуждены вести с учетом официального «мнения», не давала возможности полностью выявить собственный творческий потенциал, мешала научному и теоретическому осмыслению исторического процесса.

По всей вероятности, Л.Б. Валева понимал это. Коллеги и ученики помнят его критическое отношение к собственным работам. Показательно, что в год своего 60-летия в интервью болгарскому журналу на вопрос: «Какие свои труды Вы вновь напечатали бы сегодня, не внося в них существенных поправок?» – ученый ответил: «Ни один. Во всяком случае, полностью меня не удовлетворяет ни один труд. При известном компромиссе с самим собой – монография “Болгарский народ в борьбе против фашизма”, но и то с доработкой» [7. С. 83]. Действительно, поля одного из экземпляров уже опубликованной книги буквально испещрены заметками, поправками, уточнениями, вставками – поистине вникаешь в творческую «лабораторию» ученого. Такой строгий подход к себе, к своим работам показывает,

что Л.Б. Валева, будучи сформированным своим временем ученым-гражданином, отнюдь не был догматиком.

В начале 1950-х годов академик В.И. Пичета, один из создателей школы советского славяноведения, выдвинул задачу создания обобщающих работ, которые давали бы целостную картину исторического развития славянских народов, и в этом направлении ориентировал коллектив Института славяноведения. На решение этой важной задачи и были направлены научные изыскания Л.Б. Валева. Он активно включился в написание двухтомной «Истории Болгарии», выступив здесь как автор важнейших разделов, а совместно с такими крупными специалистами, как П.Н. Третьяков и С.А. Никитин, – как член редколлегии всего издания. Работа над «Историей Болгарии» была завершена в 1955 г. И хотя впоследствии Л.Б. Валева самокритично писал в одной из своих историографических статей, что в этом труде не удалось равномерно осветить все вопросы и все периоды истории Болгарии, избежать схематичности и ошибок, нельзя, однако, преуменьшать значение сделанного. «История Болгарии» явилась первой в советском славяноведении работой, где была дана научная периодизация исторического развития страны, начиная с древнейших времен до начала 50-х годов XX в. В ней был определен тот круг проблем, на изучении которых исследователям в будущем предстояло сосредоточить творческие усилия.

В 1955 г. Л.Б. Валева возглавил сектор новейшей истории славянских стран. Перед коллективом была поставлена ответственная задача – подготовить завершающие тома коллективных трудов по истории Польши, Чехословакии, Югославии, продолжить разработку проблем истории рабочего и коммунистического движения в межвоенный период в славянских странах и перейти к исследованию антифашистской национально-освободительной борьбы и народно-демократических революций.

Интеллигентность, доброжелательность, внимательное отношение к мнению своих коллег, умение создать творческую рабочую атмосферу – эти черты, свойственные Любомиру Борисовичу как руководителю научного коллектива, в немалой степени объясняют успехи возглавляемого им сектора в 1960-е годы. Написаны и вышли в свет в 1960 г. третий том «Истории Чехословакии», в 1963 г. – второй том «Истории Югославии», где Л.Б. Валева был членом редколлегии, в 1965 г. – «Очерки истории Народной Польши». Опубликованы сборники «Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии» (1957), «Из истории русско-болгарских отношений» (1958) и подготовленные сотрудниками сектора монографические исследования. И хотя не всегда на титульных листах этих книг можно увидеть фамилию Л.Б. Валева, каждая из этих работ готовилась при деятельном участии Любомира Борисовича. И это, так же, как многолетняя работа в редколлегиях «Ученых записок Института славяноведения» и журнала «Советское славяноведение», определило существенный его вклад в развитие советской исторической славистики.

В начале 1970-х годов географический диапазон руководимого Валевым сектором расширился – отныне он охватывал весь регион Центральной и Юго-Восточной Европы, а проблемно-хронологические усилия коллектива концентрировались на периоде народно-демократических революций и социалистического строительства. И хотя состав сектора несколько изменился, пришли новые люди, однако атмосфера творческого поиска, свойственная сектору благодаря руководству Любомира Борисовича, сохранилась. Без нее, пожалуй, трудно было бы перейти к решению новых задач, к разработке новой и в значительной степени более сложной проблематики, так как теперь центральными для сектора становились проблемы сравнительного анализа национально-освободительной борьбы народов стран ЦЮВЕ в годы Второй мировой войны и революционных преобразований в этих странах после нее.

Особо надо сказать о том, как много сил и внимания Л.Б. Валева отдал фундаментальной многотомной публикации документов «Советско-болгарские отношения и связи», к подготовке которой в начале 1970-х годов приступил коллектив историков-болгаристов в рамках двустороннего международного сотрудничества с историками НРБ. Любомир Борисович с большим энтузиазмом отнесся к этому совместному труду, призванному стать первой попыткой комплексного освещения истории взаимоотношений двух народов с 1917 г. до наших дней. Любомир Борисович являлся ответственным редактором советской части Главной редакции издания, одновременно он возглавил работу над первым томом. Понятно, что такой фундаментальный труд мог быть осуществлен только коллективными усилиями, в его создании принимали участие высококвалифицированные специалисты обеих стран. Но нет сомнения, что успех этого издания в значительной степени связан с руководством Л.Б. Валева, с его личным участием в организации огромного дела. Он был душой коллектива, щедро делился с коллегами огромным практическим опытом, знаниями, неизменно вселял бодрость и уверенность в минуты крайнего напряжения и усталости. Зато как радовался Любомир Борисович, держа в руках первый том издания, вышедший в 1976 г., как гордился высокими оценками, данными ему в советской и болгарской печати! При непосредственном участии Л.Б. Валева была проведена подготовка второго тома, в котором он редактировал раздел 1944–1948 гг., написал научный комментарий. Этому тому было отдано много сил. А до выхода его в свет Любомир Борисович не дожил всего нескольких дней... Сложившийся вокруг него коллектив болгаристов продолжил работу над третьим, завершающим, томом публикации. И в его подготовку Любомир Борисович успел внести свой вклад: под его непосредственным руководством осуществлялись поиск материалов и определение основной тематики тома; большинство документов, вошедших в макет, было отобрано при его участии и сохранило его пометки.

Сквозной в творческой деятельности Любомира Борисовича была «димитровская» тема. К ней он обращался многократно, опубликовав ряд статей и воспоминаний. Ему принадлежит один из первых в советской исторической литературе научно-биографических очерков жизни и деятельности Георгия Димитрова. Благодаря прежде всего работам Любомира Борисовича, всестороннее освещение получила практическая реализация димитровской идеи о создании национального фронта. В концентрированном виде эта проблема рассмотрена в статье «Георгий Димитров и создание Отечественного фронта в Болгарии». Отмечавшееся в июне 2002 г. 120-летие со дня рождения Г. Димитрова выявило наличие неоднозначных оценок этой личности в современной Болгарии, необходимость переосмыслить его теоретическое наследие и практическую деятельность [8]. Новое прочтение «димитровской» темы потребует серьезной проработки имеющейся литературы, обращения к работам предшественников, в том числе и Л.Б. Валева.

Ученый чрезвычайно активно реагировал на развитие современной ему исторической науки. Он откликнулся многочисленными рецензиями на сборники документов, исследования болгарских, советских, французских, немецких авторов по новейшей истории Болгарии. Вдумчивый подход, объективность и принципиальность советского ученого, глубина его суждений явились, по оценке болгарских коллег, существенным фактором в становлении и развитии национальной болгарской историографии.

Для университетского учебного пособия по историографии Новой и новейшей истории стран Европы и Америки, вышедшего в 1968 г., Л.Б. Валева подготовил главу о болгарской исторической науке в 1944–1964 гг. Вслед за этим он опубликовал несколько содержательных историографических статей, где рассматривались различные аспекты изучения Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии,

анализировалось состояние и оценивались перспективы исследования новейшей истории Болгарии и зарубежных славянских стран в целом. Изучению вопросов истории Болгарии в Советском Союзе были посвящены два последних выступления Л.Б. Валева: на Всесоюзной конференции «Советская болгаристика. Итоги и перспективы» [9] (Львов, январь 1981 г.) и на I Международном конгрессе по болгаристике (София, май 1981 г.). В них отмечались значительные успехи и достижения в этой области. К тому времени сформировался ряд центров советской болгаристики, причем с широким географическим диапазоном – от Москвы, Киева, Харькова, Минска и Львова на западе до Свердловска, Краснодара, Орджоникидзе и Одессы на юге и востоке. Кадры историков-болгаристов высшей квалификации – докторов и кандидатов наук – имелись в Ленинграде, Кишиневе, Донецке, Воронеже, Куйбышеве, Ереване, Ташкенте, в Прибалтике и в ряде других городов и районов. Болгаристы неизменно широко были представлены на всех периодически созываемых конференциях историков-славистов СССР. Все меньше неосвоенных проблем оставалось на карте советской исторической болгаристики. Все более активизировалось сотрудничество советских и болгарских ученых, отмечалось автором.

С сожалением приходится констатировать, что сегодня картина кардинальным образом изменилась. Это понятно: изменилась география страны, новые границы и новый политический режим не могли не отразиться на положении исторической науки в целом и болгаристики, в частности. После распада СССР, разрыва связей между учеными бывших советских республик и, прежде всего, с болгарскими коллегами, масштабы исследований значительно снизились, в силу слабого финансирования науки наблюдается отток кадров, с сожалением приходится констатировать, что традиционные центры болгаристики (в частности, в Краснодаре, Екатеринбурге, Воронеже) угасают.

В то же время надо отметить неоднозначность и даже противоречивость состояния современной российской болгаристики. Наряду с перечисленными негативными явлениями с конца 1980-х годов наблюдается несомненное повышение научного уровня работ, что прежде всего обусловлено существенными изменениями в подходах и методологии исследований, а также значительным расширением круга источников в связи с рассекречиванием документов из архивов России и Болгарии. Сегодня болгаристы России не просто развивают основные тенденции и направления более ранних исследований на основе расширенной источниковедческой базы, но вместе с тем создают труды, освещающие новые подходы и проблемы, которые не изучались их предшественниками.

Как всякий широко образованный и самостоятельно мыслящий человек, Л.Б. Валева не удерживал свой исследовательский интерес за «железным занавесом» идеологических ограничений, с интересом знакомился с западной литературой по болгаристике. При этом был далек от огульной критики «буржуазной историографии», с уважением относился к западным коллегам. Это отчетливо проявилось в его рецензиях на работы французских историков: «История Болгарии глазами прогрессивных французских исследователей» (1967) и «Труд по истории Болгарии для французского читателя» (1978).

Значительный вклад внес Любомир Борисович в становление отечественной македонистики – сравнительно молодой ветви славяноведения, изучающей возникновение и развитие македонской нации.

К началу XX в. македонский вопрос превратился в самую острую региональную проблему, имевшую не только национальное, но и геополитическое содержание. Оставляя в стороне сложные перипетии изучения македонского вопроса, отравлявшего на протяжении многих десятилетий отношения между балканскими соседями и международную обстановку в целом, напомним лишь, что в 1968 г. болгаро-югославская полемика по македонскому вопросу вылилась в настоящую

кризисную ситуацию. Этому способствовало не только пышное празднование 90-летия освобождения Болгарии от османского владычества, всколыхнувшее в болгарском обществе память о включении в границы Сан-Стефанской Болгарии почти всей Македонии. Свою роль сыграло и участие Болгарии в подавлении Пражской весны 1968 г. В Белграде не исключали возможности проведения против Республики Македония подобной военной акции, идеологическое обеспечение которой выполнила брошюра по македонскому вопросу, изданная в Софии огромным тиражом в ноябре 1968 г. В ней Македония в географическом понятии была отнесена к исконно болгарской территории как одна из ее составных частей. Авторы утверждали, что македонского народа не существует, что две трети населения Республики Македония составляют этнические болгары, в отношении которых проводится политика денационализации, включая и создание искусственного македонского языка. С обеих сторон начались взаимные обвинения в территориальных притязаниях, во вмешательстве во внутренние дела, в попрании международного права. Подобные отношения, с небольшими изменениями, сохранялись фактически до конца 1980-х годов.

Крайняя политизация македонского вопроса затрудняла его изучение в нашей стране. Опасение вызвать болезненную реакцию со стороны балканских стран, стремление последних решать научные проблемы на государственном или партийном уровне приводили к административному сдерживанию публикаций отечественных специалистов по македонской проблематике. Как писал директор Института славяноведения РАН В.К. Волков, возникла парадоксальная ситуация: советские ученые, много сделавшие для изучения македонского вопроса и создавшие научно обоснованную концепцию его развития, были обречены на молчание [10. С. 7].

Л.Б. Валева принял в разработке указанной концепции самое непосредственное участие. Поводом для изложения позиции ряда видных советских славистов по македонскому вопросу явился выход в свет в 1969 г. учебника «История южных и западных славян», подготовленного на Историческом факультете МГУ. Учебник вызвал восторженные оценки в Югославии, поскольку некоторые македонские сюжеты в изложении его авторов давали основания считать, что македонцы как отдельный народ существовали много веков назад, что уже в первой половине XIX в. шел процесс формирования македонской нации. Соответственно, учебник вызвал болезненную реакцию болгарских ученых и политиков.

Л.Б. Валева и его коллеги подготовили обширную рецензию, в которой изложили свою точку зрения на проблему становления македонского этноса. Согласно ей, начало формирования македонской нации произошло во второй половине XIX в. Национально-освободительное и культурно-просветительское движение в Македонии на протяжении большей части XIX в. шло в общем русле болгарского национального Возрождения. Македонское национальное самосознание, язык и литература находились в процессе формирования вплоть до Второй мировой войны. Лишь после образования Народной Республики Македония в 1945 г. начался новый этап формирования македонской нации. Высказанные в рецензии взгляды заложили основы отечественной концепции генезиса и развития македонского народа. С известными модификациями российские ученые придерживаются этой концепции и сегодня. Из-за крайней политизации советской науки рецензия, которая должна была появиться летом 1970 г. в журнале «Вопросы истории», была снята по указанию «сверху» по соображениям политической конъюнктуры. Но ее текст в виде верстки получил распространение среди специалистов и использовался ими при дальнейшей разработке концепции формирования македонской нации.

Картина многообразной и разносторонней научной деятельности Л.Б. Валева будет, безусловно, неполной, если не сказать о его вкладе в развитие творче-

ских контактов советских исследователей с историками Народной Республики Болгарии.

Впервые после почти 30-летней разлуки Любомир Борисович приехал в Болгарию в 1954 г. в составе делегации сотрудников Института славяноведения. Советские ученые привезли на «суд» своих болгарских коллег только что вышедший первый и подготовленный к изданию второй том «Истории Болгарии». Их обсуждение в Софии и вслед за этим обсуждение болгарского двухтомника «История на България» в Москве стало важной вехой в сотрудничестве исследователей двух стран. С тех пор Любомир Борисович почти ежегодно бывал на родине. В то же время не было болгарского историка, неважно – маститого или начинающего, который, приехав в Москву, не обратился бы к нему за советом или за помощью. По словам болгарского ученого Страшимира Димитрова, он стал «живым олицетворением сотрудничества историков Советского Союза и Болгарии» [7. С. 82].

Новый импульс развитие научных контактов получило в 1968 г.: на основе решений Академий наук обеих стран была создана двусторонняя Комиссия историков СССР и НРБ. Новому органу предстояло стать центром, содействовавшим научной интеграции ученых: координировать деятельность исследователей, проводить совместные научные мероприятия, способствовать разработке актуальной проблематики, обмену учеными, изданию трудов и архивных документов, систематически анализировать состояние историографии [11. С. 356–371]. Став в 1971 г. заместителем председателя советской части Комиссии, Л.Б. Валева организовывал ежегодные совместные заседания и непосредственно участвовал в их проведении, выступая с докладами и в дискуссии.

Подчас в работе Комиссии возникали весьма драматичные ситуации, связанные с обсуждением пресловутого «македонского вопроса», о чем свидетельствуют материалы личного архива Л.Б. Валева. Так, к заседанию Комиссии в октябре 1971 г. в Москве болгарские ученые предварительно направили для обсуждения обширный доклад «Общественно-экономическое, культурно-просветительское и политическое развитие Македонии от Берлинского конгресса 1878 г. до Второй мировой войны». К докладу прилагалась также подборка из 40 документов по «македонскому вопросу». В этих материалах детальным образом излагалась точка зрения болгарских историков по вопросам социально-экономического и этнического развития Македонии в указанный период, культурно-просветительного движения, освободительной борьбы против султанской Турции. Постановка этих вопросов на повестку дня работы советско-болгарской комиссии по инициативе болгарской ее части объяснялась последней тем, что «извращение исторической правды в трудах югославских и греческих историков оказывает влияние на международную историческую мысль». Доклад завершался патетической просьбой о поддержке: «Мы верим, что советские историки-болгаристы поймут наше положение и помогут нам в борьбе в защиту исторической правды». Оказавшись в крайне затруднительном положении, тем не менее, советские историки постарались обосновать свою позицию. Они отметили отрицательное отношение авторов доклада к самой проблеме зарождения и развития македонской нации, недооценку ими значения различных условий, которые сложились после Берлинского конгресса для существования болгарского народа в независимой Болгарии и на македонских землях. Были высказаны замечания и по другим поднятым в докладе проблемам.

Эмоциональное обсуждение доклада и несбывшиеся надежды болгарской части Комиссии на полную поддержку ее позиции советскими коллегами привели даже к некоторому охлаждению взаимоотношений. Управление внешних сношений АН СССР в марте 1973 г. потребовало представить отчет о деятельности Комиссии за 1972 г. и планы ее работы на пятилетний период. Это было связано с некоторым снижением интереса болгарской стороны к работе Комиссии после выявления взаимоисключающих позиций сторон по вопросу о формировании македонской

нации. Таким образом, доклад фактически перерос научные рамки. Однако сразу же стоит отметить, что, несмотря на означенные напряженные моменты, работа Комиссии все же продолжалась и личные отношения между советскими и болгарскими историками не пострадали. Немалая заслуга в этом принадлежала Валева.

Научное наследие Л.Б. Валева, включающее более 150 работ¹, ставит его в ряд виднейших советских славистов. Но он был и талантливым педагогом, терпеливо пестовавшим кадры болгаристов, за что был удостоен профессорского звания. Несколько поколений сотрудников Института славяноведения, посвятивших себя изучению истории Болгарии, прошли школу Валева и получали от него профессиональные советы и консультации по самым разным вопросам, нередко выходящим за рамки собственно болгарской истории. Не жалея времени и сил, Любомир Борисович помогал выбрать или уточнить направления научного поиска, сориентироваться в «море» литературы, нацеливал на изучение новых источников. Он давал советы по улучшению структуры рукописей, тщательно редактировал тексты, знакомился с отдельными фрагментами и уже завершёнными работами, оппонировал диссертации, рецензировал вышедшие в свет монографии.

А скольким коллегам-историкам из самых разных уголков Советского Союза помог Л.Б. Валева в выборе темы исследования, никогда не отказывая в научной консультации! И не случайно, прощая взглядом очередного посетителя, сотрудники сектора шутили, что в кабинет Валева никогда «не зарастет народная тропа». Среди послевоенной генерации историков-болгаристов Любомир Борисович, безусловно, был одним из наиболее авторитетных и уважаемых ученых. На рубеже 1940–1950-х годов многие слависты и болгаристы России, Украины и Белоруссии вступали в историческую науку, ощутив на себе его дружеское расположение, искреннюю заинтересованность, стремление раскрыть научный потенциал исследователя. Способность «замечать в людях творческую искру» «учить важному, главному, причем тактично, доходчиво», слушать и слышать собеседника отмечали многие коллеги ученого [12. С. 204]. Внимание к тем, у чьей «научной колыбели» находился Л.Б. Валева, сохранялось у него на многие годы.

Л.Б. Валева выступил в качестве официального оппонента по 18 кандидатским и десяти докторским диссертациям. Взыскательность и принципиальность, сочетавшиеся с благожелательностью и тактичностью, уважением к позиции другого ученого ярко проявлялись и в этой сфере его деятельности. На страницах многих десятков рукописей остались его исправления, уточнения, пожелания, вопросы, касавшиеся как принципиальных положений, так и отдельных фактов. Деятельность Л.Б. Валева – педагога способствовала обеспечению преемственности в развитии отечественной болгаристики как ветви исторической науки.

Ученый принимал активное участие в работе многих международных и всесоюзных научных конгрессов, конференций и симпозиумов. Особо следует сказать о его вкладе в подготовку и проведение всесоюзных конференций историков-славистов. Начиная с первой конференции (Москва, 1962 г.) он неизменно входил в составы организационных комитетов и деятельно участвовал в формировании программ пленарных и секционных заседаний, уточнении тематики докладов, редактировании тезисов и текстов статей, руководстве работой секций, в решении десятков вопросов, всегда возникающих при организации больших научных мероприятий с сотнями участников. Во многом благодаря неутомимой и плодотворной деятельности Л.Б. Валева, как и других видных историков-славистов, эти конференции превратились в весьма авторитетные форумы советской исторической науки, содействовали установлению творческих контактов между учеными, складыванию атмосферы дружеского и неформального общения, той особой «славянской» семьи, о которых их участники помнят и сегодня.

¹ Список научных трудов Л.Б. Валева опубликован в [2. С. 19–29].

Большая общественная деятельность Л.Б. Валева была всецело направлена на укрепление советско-болгарской дружбы. С начала создания Общества советско-болгарской дружбы и до последних дней жизни он был активным членом его Центрального правления, принимал непосредственное участие в организации и проведении совместных научно-теоретических конференций и встреч болгарских и советских ученых и общественных деятелей, много выступал сам. Заслуги Л.Б. Валева в деле развития и укрепления советско-болгарской дружбы неоднократно отмечались правительством Народной Республики Болгарии. В числе его высоких болгарских наград – орден Кирилла и Мефодия I степени.

У всех, кто хотя бы недолгое время общался с Л.Б. Валевым, сохранились в памяти во многом схожие впечатления: исключительная доброжелательность и деликатность, открытость для общения, совета, моральной поддержки. Обладая все реже встречающимся талантом слушать и слышать, он не оставался в пассивной позиции, тактично, но твердо высказывал свое мнение. Внимательное и уважительное отношение к сотрудникам, коллегам и ученикам в сочетании с высокой требовательностью к себе и другим, демократичная обстановка научных дискуссий, культура человеческих отношений – вот те условия, которые создавали творческую научную атмосферу в руководимом им на протяжении четверти века секторе. В шутку он так объяснял две главные обязанности научного руководителя: быстро читать написанное аспирантом и помогать опубликовать готовый материал. Читал Любомир Борисович не только быстро, но и очень внимательно и, будучи безупречным стилистом, приучал своих учеников ответственно относиться к слову, к формулировке. Он обладал прекрасным и тонким чувством юмора. Анекдоты, по-настоящему остроумные и веселые, записывал в «конduit» и нередко во время секторских праздников и застолий открывал тетрадку...

Л.Б. Валев ушел из жизни в сентябре 1981 г., безвременно, в расцвете творческих сил, преисполненный широких замыслов и надежд. Для тех, кому посчастливилось с ним работать, он навсегда остался примером бескорыстного и целеустремленного служения науке, честного гражданина, человека широкой эрудиции и большого личного обаяния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Говори радиостанция «Христо Ботев»: В 7 т. София, 1950–1952.
2. *Валев Л.Б.* Исследования по новой и новейшей истории Болгарии. М., 1986.
3. *Валев Л.Б.* Из истории Отечественного фронта Болгарии (июль 1942 г. – сентябрь 1944 г.). М.–Л., 1950.
4. Работническо дело. 1965. 26 I.
5. *В.Д. Вознесенский, В.К. Волков* (рецензия) // Советское славяноведение. 1965. № 2.
6. История Болгарии. В 2-х т. М., 1955.
7. *Димитров С.* Любомир Валев – равностетка и планево // Векове. 1976. № 5.
8. Георги Димитров – между възхвалата и отрицанието. Студии и статии. София, 2003.
9. Советская болгаристика. Итоги и перспективы. Материалы конференции, посвященной 1300-летию Болгарского государства. М., 1983.
10. *Волков В.К.* Македонский вопрос в политике и науке // Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999.
11. Из истории Комиссии историков России и Болгарии. Документы Архива РАН // О чем поведают архивы... М., 2011.
12. Любомир Борисович Валев (1915–1981) // Портреты историков. Время и судьбы. М., 2004.

© 2016 г. П. ЖЕНЮХ

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ СЛАВИСТИКИ В СЛОВАЦКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Славистические исследования в Словакии формируются с 1995 г. в рамках Словацкой академии наук на базе Института славистики им. Яна Станислава САН. В сотрудничестве со Словацким комитетом славистов реализуется интердисциплинарная модель базовых исследований и презентация полученных результатов в Словакии и за рубежом. В статье освещаются важнейшие этапы двадцатилетнего периода институционализации и развития славистических исследований в Словацкой академии наук.

From the institutional point of view, Slavic studies in Slovakia have been conducted since 1995 in the framework of the Slovak Academy of Sciences on the basis of the Jan Stanislav Institute of Slavistics. In cooperation with the Slovak Committee of Slavists, it suggests an interdisciplinary model of fundamental research and presentation of their results in Slovakia and abroad. The article highlights most important achievements of the recent twenty years in the field of institutionalisation and promotion of Slavic Studies at the Slovak Academy of Sciences.

Ключевые слова: история славистики, институционализация словацкой славистики, интердисциплинарные исследования.

Keywords: history of Slavistics, institutionalisation of the Slovak Slavic studies, interdisciplinary research.

Изменения в обществе в начале 90-х годов XX в. открыли возможности для дискуссии, посвященной координации и институционализации словацкой науки, в том числе и славистических научных исследований в Словакии. Долгое время нерешенной оставалась проблема отсутствия систематических координированных интердисциплинарных славистических исследований. Дискуссия по этому важному вопросу началась в Словакии на страницах научного журнала «*Slavica Slovaca*» уже в конце 1980-х годов. Она была посвящена прежде всего недостаточному дискурсу интердисциплинарно ориентированной славистики в Словакии (см. [1]). Славистические исследования, несмотря на то что они представляют собой комплексную, сравнительную научную дисциплину, к сожалению, не принадлежат к кругу приоритетных научных областей, хотя ни в лингвистических, ни в литературоведческих, ни в исторических или этнографических исследованиях словацкой культуры нельзя обойтись без изучения общеславянского аспекта [2].

В 70–90-х годах XX в. славистические исследования в Словакии представляли собой отдельные, не связанные друг с другом попытки. Не было обдуманых концепций и систематической организации исследований, не были сформированы

Женюх Петер – профессор, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, директор Института славистики им. Яна Станислава САН.

институции, академические кабинеты и университетские кафедры, которые уже в то время должны были быть на уровне мировой славистики; словацкая славистика не была конкурентоспособной. Не существовало также условий для представления результатов словацких славистических исследований на международном уровне. В большой мере в этой ситуации виновата известная словацкая «прилежная бездеятельность» и применение метода «потемкинских деревень». Правда, это положение дел время от времени нарушалось отдельными учеными, которые вносили в сравнительную славистическую науку, как в то время называли славистику, немало дискуссий. При этом они чувствовали не только личную ответственность за научную дисциплину, но и ясно определяли свои исследования как славистические; их труды в области словацко-славянских и словацко-неславянских языковых и культурных отношений в Словакии были уникальными и новаторскими. Одной из таких значительных фигур был и до сих пор остается Ян Станислав, университетский профессор, ученый мирового уровня, который много сделал для развития словацкой славистики. В сравнительно-исторических работах он новаторски поставил словацкий язык в ряд других славянских языков и культур. В лице Яна Станислава соединились научно-исследовательские и научно-педагогические профессиональные знания современной словацкой славистики.

В 2004 г. Я. Доруля на конференции в г. Липтовски Микулаш, посвященной 100-летию со дня рождения Я. Станислава, сказал о нем: «В научной работе Ян Станислав с большим интересом наблюдал, соблюдал и использовал результаты исследований словацких историков, особенно археологов и этнологов, а также историков литературы. Настаивая на комплексном исследовании в междисциплинарном сотрудничестве сегодня, мы продолжаем дело Яна Станислава, развиваем его наследие. Конечно, новейшие исследования принесли новые знания, дополнения и уточнения. Я хотел бы упомянуть две исключительно важные организационно-исследовательские инициативы, а именно сбор (чаще всего, собственно, *открытие*) до тех пор неизвестных письменных источников, хранящихся в архивах Словакии и за рубежом, и их обработку [...] Несмотря на все сложности, которые при научно-исследовательской работе нам приходится преодолевать сегодня, во многих областях исследования мы видим прогресс, который бы порадовал сердце Яна Станислава» [3. S. 161–162] (см. также [4]).

Концепция комплексных славистических исследований в Словакии появилась в результате обсуждения ряда вопросов, связанных с актуальными нуждами формирующейся славистики. С развитием славистики как науки тесно связаны вопросы культурной идентичности словаков в славянском и европейском контексте. Условия, в которых функционирует словацкая славистика, были и остаются сложными, несмотря на обещания компетентных органов поддерживать и расширять комплексные славистические исследования на базе Словацкой академии наук (САН). Институт славистики им. Яна Станислава САН, несмотря на стесненные условия, делает все возможное, чтобы обеспечить стабильность этой научной дисциплины и развивать связи словацкой славистики с международным славистическим сообществом, в первую очередь с Международным комитетом славистов, который является гарантом высокого качества и стабильности славистических исследований разных направлений. Институт славистики им. Яна Станислава с конкретной исследовательской программой и признанной координационной функцией принимает участие в исполнении приоритетных научно-исследовательских проектов в национальном и международном масштабе. Этот факт не могла не принять во внимание и оценочная комиссия по аккредитации САН в 2012 г., когда в отчете констатировала актуальность и необходимость исследований национального языка и культуры в сопоставлении с другими славянскими, а также неславянскими языками и культурами, исследований, реализуемых Институтом славистики им. Яна Станислава. Славистические исследования, проводимые в

Словацкой академии наук, являются конкурентоспособными, актуальными и непрерывными. Стратегически важной является возможность подготовки молодого поколения славистов в рамках аспирантуры Института. Однако проблемным остается «эффект памяти» недостаточной поддержки гуманитарных научно-исследовательских субъектов, с чем словацкая славистика на академической почве борется с самого начала своей институционализации в 1995 г., и что усложняет создание новых рабочих мест, несмотря на рекомендации вышеупомянутого «оценочного протокола при аккредитационной оценке Института славистики им. Яна Станислава САН». В протоколе отмечено, что «среди сотрудников Института есть известные ученые международного уровня, которые проводят качественные исследования, и благодаря хорошим международным контактам их исследования актуальны и высокоэффективны». В протоколе записаны рекомендации «в рамках персональных и иных возможностей расширить научные интересы Института на до сих пор не покрытые исследуемые области». В 2012 г. при определении ключевых сотрудников и научных коллективов Академии институты, относящиеся к Третьему отделению наук САН, оценивало независимое Академическое рейтинговое агентство (ARRA). В Институте славистики им. Яна Станислава САН оно выявило пять ведущих и самостоятельных научных сотрудников из общего числа восьми научных сотрудников (т.е. из тех, которые имеют титул Ph.D.). Ведущими сотрудниками названы Ян Доруля и Петер Женюх, к самостоятельным причислены Мария Кошкова, Андрей Шковьера и Катарина Женюхова. Следует обратить внимание, что все научные сотрудники Института славистики им. Яна Станислава САН руководят научными коллективами и решают научно-исследовательские задачи, значимые для славистики в Словакии и за рубежом; разрабатываются те славистические темы, которые долгое время были вне поля зрения ученых; в решении отдельных задач подобных проектов принимают участие сотрудники из других научных организаций САН, из университетов и из-за рубежа, число их превышает количество штатных сотрудников Института.

В 1993 г. Братислава как столица новосозданной Словацкой Республики стала хозяйкой XI Международного съезда славистов, в котором приняли участие более 1100 ученых из 33 стран мира. Для словацкой славистической науки это был исторический момент: она начала писать свою собственную историю. Братиславский съезд явился также важной общественной вехой, в полной мере указавшей на отставание словацкой славистики, отчетливо проиллюстрированное именно отсутствием компетентной институции, которая бы могла ответственно выполнять научно-исследовательскую, научно-координационную и коммуникационную функции в своей стране и на международном уровне.

Несмотря на первоначальные сложности и пассивную позицию руководства САН по вопросу организации съезда славистов, а также недостаточное понимание важности вопроса большинством членов тогдашнего Президиума САН, Словацкий комитет славистов, вызвавшийся организовать данное мероприятие, начал, в качестве общественного объединения, искать поддержку везде, где для организации съезда находилось больше понимания. Представители Словацкого комитета славистов, председателем которого был в то время Я. Доруля, вели переговоры в Министерстве образования, молодежи и спорта, Министерстве культуры, Министерстве международных отношений, а также с председателем и вице-председателем правительства и с Канцелярией правительства Словацкой Республики. Таким образом, съезд не обошелся без их поддержки, как и без поддержки Матицы Словацкой, философского факультета Университета Коменского, Технического университета, Университетской библиотеки и ЮНЕСКО (см. об этом подробнее [1. S. 24, 27]). Ведь речь шла о презентации Словакии как отдельного государства и ее научно-исследовательского сообщества! Невозможно рационально объяснить упомянутую неопределенную позицию САН еще и потому, что о неутешитель-

ном состоянии славистической науки уже говорилось на заседаниях Президиума САН в ноябре 1987 г. и в апреле 1988 г., а также и на заседаниях Научной коллегии САН по языкознанию, науках об искусстве и этнографии в октябре 1988 г. и июне 1989 г. Все эти дискуссии в конечном счете вынудили компетентные органы согласиться на организацию XI Международного съезда славистов в Братиславе. Словакия и словацкая славистика (хотя речь шла о решении, принятом еще в дореволюционной Чехословакии) имели возможность продемонстрировать свой собственный научный и организационный потенциал. В январе 1989 г. Президиум САН на основе «Отчета об актуальном состоянии славистических исследований в Словацкой Социалистической Республике и о мерах по ее дальнейшему развитию» («*Správa o súčasnom stave výskumu slavistiky v SSR a opatreniach na jej ďalší rozvoj*», IV заседание Президиума САН 28 апреля 1988 г.), наконец, инициировало создание вспомогательного органа Президиума САН под названием Комиссия заместителя председателя САН по координации славистических исследований в Словакии (*Komisie podpredsedu SAV pre koordináciu výskumu slavistiky na Slovensku*). Задачей Комиссии должна была стать разработка основных направлений славистических исследований в соответствующих институтах САН, на филологических и педагогических кафедрах университетов Словакии и других учреждениях, в первую очередь в Матице Словацкой. Безолагательной обязанностью высшего научно-исследовательского органа в Словакии была названа *организация славистического центра* на базе Словацкой академии наук, задачей которого стало бы координирование словацких славистических исследований. В 1988 г. Президиум САН обратился к Министерству образования, молодежи и спорта с просьбой рассмотреть вопрос о возможности организовать изучение славистики в двух тогдашних словацких университетах (в Братиславе и Прешове) [1. S. 18–19]. Это значит, что славистики как систематической дисциплины, ориентированной на базовое исследование отношений словацкого языка и культуры с другими славянскими и неславянскими языками и культурами, в Словакии не существовало, хотя в 1964 г. на философском факультете Университета Коменского в Братиславе была создана кафедра славистики и индоевропеистики, на которой должны были изучаться все филологии, кроме русской. Славянские филологии (болгарскую, сербскую, хорватскую, польскую, словенскую) преподавали в основном иностранные лекторы (см. [5. S. 210–211]).

В настоящее время на кафедре славянской филологии философского факультета университета изучается пять славянских языков: болгарский, сербский, польский; в практической форме проводятся занятия по словенскому и хорватскому языкам. Эти славянские языки кафедра предлагает изучать и в комбинации со словацким, что можно считать хорошей предпосылкой для формирования будущего слависта (см. [6. S. 165–167]).

В 2014 г. на базе философского факультета Университета Коменского прошла научная конференция по случаю пятидесятилетия кафедры славянской филологии под названием «Славянская языковая и литературная (само)рефлексия» («*Slovanské jazykové a literárne (seba)reflexie*») (о деятельности кафедры славянской филологии философского факультета Университета Коменского в Братиславе см. [7]).

Кафедра славистики на философском факультете Прешовского университета возникла в 1993 г., в 1993/94 уч. г. на ней обучалось уже два курса студентов, специализирующихся по славистике (о дальнейшем развитии славистики в Прешове см. [8]).

14 октября 1988 г. была представлена концепция комплексных исследований взаимоотношения словацкого языка и культуры с другими славянскими и неславянскими языками и культурами. Заключение оппонентов и запись дискуссии по программе славистических исследований хранятся в архиве Словацкого комитета славистов. Текст концепции был позднее опубликован в журнале «*Slavica*

Slovaca» [9]. В тексте программы говорится, что исследования будут осуществляться в соответствии с реальными возможностями соответствующих учреждений, включенных в эту программу. Было определено девять долгосрочных приоритетных направлений исследования, которые с большим или меньшим интересом осуществляются в научных учреждениях и университетах Словакии во взаимном сотрудничестве: 1) этногенез словаков и древнейшая история словацкого языка (языкознание, история, археология, этнография); 2) великоморавский период и его отражение в словацком языке и словесности и в других славянских языках (языкознание, история, археология, этнография); 3) развитие языка словацкого этноса в эпоху феодализма в межъязыковых и межэтнических контактах (языкознание, история, этнография); 4) словацкая народная словесность в славянском контексте с исторической и сопоставительной точек зрения (языкознание, фольклористика, этнография, литературоведение); 5) история словацкой славистики (языкознание, история, история литературы, фольклористика, этнография); 6) отношение словацкого языка к другим славянским языкам в историческом, сопоставительном и типологическом аспектах (с точки зрения литературных и нелитературных языков и их развития) (языкознание); 7) словацкое национальное возрождение в славянском контексте (языкознание, история литературы, история, этнография); 8) словацкие литературные языки в славянском контексте (языкознание, история литературы, история); 9) литературное творчество на штуровском письменном языке в славянском контексте (языкознание, история литературы). Программа славистических исследований, созданная Я. Дорулей, не претендует на универсальность, однако является основой славистических исследований в Словакии. Пункты этой программы до сих пор не исчерпаны.

После ноябрьских событий 1989 г. все общество, а также и наука в Словакии оказались в новых условиях. Изменения вызвали повышенный интерес именно к исследованию славянской культуры и истории, внимание международной научной общественности привлекали и славистически ориентированные научные дисциплины, особенно славянское языкознание, литературоведение, национальная культура, история и археология, столь важные для познания древнейшего горизонта европейской культуры и цивилизации. Исследование словацкого языка и культуры в славянском контексте поэтому не могло и далее оставаться в загоне, хотя положение словацкой славистики значительно не изменилось, и она продолжала прозябать. Концепция словацкой славистики, опирающаяся на систематические и интердисциплинарные исследования была представлена на XI Международном съезде славистов в Братиславе 30 августа – 8 сентября 1993 г. Братиславский съезд был посвящен 200-летию со дня рождения Яна Коллара и 150-летию кодификации литературного словацкого языка Л. Штуром. Вопреки вышеупомянутой начальной пассивности и организационным проблемам съезд удался. Были созданы условия для свободного обмена мнениями в духе взаимного признания, толерантности и соблюдения принципа плюрализма (см. [10]). Множество интересных нестандартных моментов, возникших на Съезде, решались непредвзято, без политической и национальной окраски; можно упомянуть, например, о реакции организаторов съезда на непростую ситуацию в славянском мире (съезд славистов проходил в период действия эмбарго, введенного для бывшей Югославии). Позитивно воспринималось то, что новые славянские страны, т.е. их представители, в программе съезда значились с индивидуально поданными докладами. Как равноценные партнеры принимались и все возникшие национальные комитеты славистов. Из комментария В. Грегора к этому событию: «Возникновение новых государств нам несколько осложнило ситуацию – число желающих принять участие возросло. Это, прежде всего, новые государства в бывшей Югославии и бывшем Советском Союзе. Правительство пошло нам навстречу, все участники из бывшего восточного блока освобождены от конференционного взноса в размере 100 долларов,

также им предоставлено бесплатное размещение с полупансионом (завтраки и ужины). В противном случае их участие в съезде было бы невозможно. Также нам очень помогли и в Министерстве образования, и Министерстве культуры Словацкой Республики» [11. S. 39]. В съезде также приняли участие 17 почетных гостей. Это были ученые, имевшие заслуги в сфере обогащения культуры славянских народов, известные представители словацкой эмиграции, которые формировали и поддерживали свободную словацкую науку за границей. Впечатления от высказываний и заявлений участников главный организатор съезда Я. Доруля высказал так: «Я выражу впечатления большинства своих коллег, если скажу, что мы никак не ожидали такого количества спонтанно выраженных высоких оценок и признания нашей деятельности. Многие участники съезда были приятно удивлены, когда нашли у нас неожиданно высокий отраслевой, технический, культурный и общественный уровень. Вспомним, как недоверчиво, с долей удивления мы принимали эти признания. Мы не можем отрицать, что каждый из нас их по-своему проверял. В целом мы по праву испытываем чувство удовлетворения от ответственно проделанной работы, при выполнении которой каждый был самим собой; мы не изображали наш высоко оцененный такт и обращение, это были естественные, неподдельные чувства. Безусловно, эта ответственно, самоотверженно выполненная работа вкупе с упомянутой искренностью помогла создать атмосферу созидательного, толерантного сотрудничества, атмосферу, которая вопреки определенным ожиданиям и озвученным и неозвученным опасениям царила на братиславском съезде» [12. S. 322] (см. также [13. S. 6–7, 18]).

С точки зрения применения концепции интердисциплинарных славистических исследований важную роль сыграл журнал «Slavica Slovaca», который выходит в Словакии с 1965 г. (см. [14]). В 1992 г. он стал интердисциплинарным славистическим журналом. Изменение концепции в области тематики произошло благодаря убеждению, что «проблематику, которая является предметом исследования близких научных дисциплин, можно лучше, отчетливее понять и объяснить, используя разные подходы. Каждая из этих дисциплин нуждается в помощи других. Их взаимное дополнение помогает приблизиться к правдивому отражению жизни нашего общества, отдельных периодов истории, культуры, мышления, языка» [15. S. 1]. Таким образом, словацкая славистика была представлена в национальном и международном масштабе в качестве самостоятельной научной дисциплины, которая понимала предмет славистики в интердисциплинарном аспекте, в соединении филологических и нефилологических научных дисциплин: языкознания, литературоведения, истории, археологии, этнологии, фольклористики и наук о культуре всех славян.

В задачи словацкой славистики по изучению взаимоотношений словацкого языка и культуры с другими языками и культурами было включено исследование межъязыковых, межэтнических, межконфессиональных и межкультурных процессов, которые формировали и формируют словацкое культурное пространство с древнейших времен до наших дней. Древнейшие и более новые слои словацкой культуры, естественным образом сложившиеся в контакте с латинским и византийско-славянским культурно-историческим наследием, являются уникальным источником для комплексного синхронно-диахронного понимания процессов, которые отражаются в современном обществе. Словацкие славистические исследования не только уникальны по содержанию, но и являются естественной и неотъемлемой частью славянской и, шире, европейской научно-исследовательской среды, в которой предпочтение одной составляющей синергетического исследования за счет другой осознанно подвергает опасности целостность и синергию славистического научного исследования.

В рамках интенсивной общественно-культурной европейской интеграции приоритетным остается познание собственной национальной культуры как одной из

равноценных составляющих широкого базиса европейской культурной идентичности. Суть исследования этой идентичности заключается в выявлении фактов, необходимых для синергетического развития нации и ее культуры в европейском пространстве, в том числе с точки зрения обстоятельств и тенденций возникновения мультиполярного мира. Традиционная культура была и остается источником развития европейского самосознания и культуры, составной частью которых однозначно является самосознание и культура славян. Словацкая славистика со своей исследовательской программой, направленной на словацко-славянские и словацко-неславянские отношения языка и культуры, может, безусловно, формировать исходные положения и цели этого познания.

Исследование взаимных связей собственного народа с соседствующими и отдаленными национальными, языковыми и культурными сферами является приоритетом современной словацкой (как, впрочем, и международной) славистики. Эта исследовательская программа была повторно рассмотрена и подтверждена на Первом конгрессе словацких славистов в 2011 г. при участии ученых, ориентированных на исследование славистической проблематики, работающих в области языкознания, литературоведения, историографии, этнологии и фольклористики и своими индивидуальными исследованиями участвующих в реализации славистической концепции. Важнейшую роль в этом процессе играет непрерывность и преемственность познания.

На каждом этапе развития науки интерпретация культурного развития в большей или меньшей степени складывается из совокупности знаний и фактов, которые формируют актуальное, т.е. современное представление об исследуемой действительности. Стратегии изложения конкретных фактов, создаваемых в рамках *sensus communis* (понимания языка, истории, культуры и общества в их единстве – термин заимствован у П. Копрды (см. [16]), основаны на имманентной включенности, неотделимости ученого от конкретной действительности, и в этих рамках – от определенного общественного, политического, культурного, этнического, конфессионального или иначе структурированного культурного контекста. Поэтому действия, игнорирующие результаты исследования других дисциплин, изначально ставят под сомнение собственные достижения ученого – в рамках упомянутого выше *sensus communis* – несмотря на заявленное априорное принятие уже известных фактов, на которые опирается дальнейшее исследование.

Главной задачей словацкой славистики является формирование взаимосвязанных, координированных, систематических и планируемых исследований, которые в европейском контексте позволяют охватить широкий спектр научных задач. Современные славистические исследования строятся на стратегических программах развития, на партнерстве и сходности исследовательских приоритетов славистических центров на национальном и международном поле. Славистика является самостоятельной научной дисциплиной и в Словакии, и за рубежом. В этой ситуации нужно осознавать риски либерализации научно-исследовательского дискурса, которые вытекают из стремления интегрировать как можно большее количество родственных научных дисциплин. Эта тенденция все более отчетливо проявляется и в САН, и здесь необходимо указать на то, что славистические научные исследования опираются на традиционные и четкие формы исследования национального языка и культуры и их отношения к славянским и неславянским языкам и культурам; эти формы не являются шаблонными, так как выявляют общие составляющие европейской идентичности, которая, правда, не жизнеспособна без систематического изучения этих форм и посильного поддержания языкового, национального и религиозного разнообразия, т.е. уникальности европейской культуры. На эту тему проходила дискуссия на Первом конгрессе словацких славистов в 2011 г. (см. также [17]). Именно поэтому исследования в области национальной и

международной славистики как интердисциплинарной научной дисциплины так важны. Словацкая славистика применяет широкую концепцию славистического исследования, опирающуюся на изучение языка, литературы, истории, культуры, этнических и конфессиональных процессов в их взаимосвязи. Эта синергия научного исследования подчеркивает объективные нужды и сохраняет самостоятельность отдельных представленных в нем научных дисциплин.

Интердисциплинарные исследования предоставляют новые возможности для сотрудничества. И в настоящее время подобное понимание научного исследования не является пережитком прошлого. Исследования взаимных связей и сравнительно-типологические исследования являются постоянным и актуальным девизом комплексных славистических штудий.

Научная ориентация словацкой славистики на словацко-славянские и словацко-неславянские языковые и культурные отношения является нашим вкладом в конкурентную среду европейской науки; такая ориентированность вытекает из тесного сотрудничества со Словацким комитетом славистов и с Международным комитетом славистов. Значение таким образом организованных славистических исследований заключается в координации отдельных славистически ориентированных дисциплин: языковедческих, литературоведческих, этнологических, исторических и археологических. Само собой разумеется, что подобную научно-координационную деятельность невозможно проводить без сотрудничества с соответствующими научными и научно-педагогическими учреждениями. Этот факт определяет не только актуальные решения, но и планируемые научно-исследовательские проекты. Основной предпосылкой успешного и стабильного развития и преобладания научной дисциплины является такая институционализированная форма, которая даст возможность реализовать не только уже существующие проекты, но и вести другую научно-исследовательскую деятельность, исходящую из нужд общества и постоянно совершенствующуюся по мере улучшения качества изучения общества, особенно в области формирования и расширения культурного, языкового, исторического, общественного сознания и самосознания.

Славистические исследования не являются коммерчески измеряемой величиной, потому что их экономическую ценность нельзя прямо измерить моментальными финансовыми выгодами; это возможно сделать лишь опосредованно, путем осознания ее общественной ценности и незаменимости. Словацкая славистика видит свой вклад, свою постоянную выгоду в доступности результатов своих исследований для блага всего общества с целью развивать и углублять его знания, укреплять и усиливать культурное, языковое и историческое сознание носителей этой культуры в интересах сохранения патриотизма и принадлежности к традиционным европейским культурным ценностям (см. [18]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Stav a perspektívy slovenskej slavistiky. Z dejín Slovenského komitétu slavistov a Slavistického ústavu Jána Stanislava Slovenskej akadémie vied // Slovenská slavistika včera a dnes / Ed. P. Žeňuch. Bratislava, 2012.
2. Doruľa J. Slavistická problematika v časopise Slovenská reč // Slovenská reč. 1988. Roč. 50. Č. 4.
3. Doruľa J. Dnešný stav bádania v oblasti slovensko-inoetnických vzťahov (z úvodných slov na konferencii v Liptovskom Jáne) // Slavica Slovaca. 2004. Roč. 39. Č. 2.
4. Doruľa J. Inštitucionalizácia slovenskej slavistiky // Slovenská slavistika včera a dnes / Ed. P. Žeňuch. Bratislava, 2012.
5. Švagrovský Š. Vznik a rozvoj slovanskej jazykovedy na Univerzite Komenského // Slavica Slovaca. 1992. Roč. 27. Č. 2.
6. 90 rokov Filozofickej fakulty Univerzity Komenského v Bratislave (1921–2011) / Zost. L. Sokolovský. Bratislava, 2011.
7. Dobriková M. Jazykovedná slavistika na Katedre slovanských filológií Filozofickej fakulty Univerzity Komenského v Bratislave // Slovenská slavistika včera a dnes / Ed. P. Žeňuch. Bratislava, 2012.

8. *Dudášová-Kriššáková J.* Dejiny slavistiky na Filozofickej fakulte Prešovskej univerzity v Prešove [(1959) 1993–2009] // Slovenská slavistika včera a dnes / Ed. P. Žeňuch. Bratislava, 2012.
9. *Doruľa J.* Program jazykovedného slavistického výskumu na Slovensku // Slavica Slovaca. 1989. Roč. 24. Č. 3.
10. *Doruľa J.* Plenárne zasadnutie Slovenského komitétu slavistov // Slavica Slovaca. 1994. Roč. 29. Č. 1.
11. *Muž v zákulisí* // Slovensko. Kultúrno-spoločenský časopis Matice slovenskej. 1993. Roč. XVII. Č. 4.
12. *Doruľa J.* Po XI. medzinárodnom zjazde slavistov v Bratislave // Slovenská reč. 1993. Roč. 58.
13. So záujmom i očakávaním. Naša anketa s niektorými zo zahraničných účastníkov XI. medzinárodného zjazdu slavistov v Bratislave // Slovensko. Kultúrno-spoločenský časopis Matice slovenskej. 1993. Roč. 17. Č. 4.
14. *Žeňuchová K.* Slovenská slavistika na stránkach časopisu Slavica Slovaca // Slovenská slavistika včera a dnes / Ed. P. Žeňuch. Bratislava, 2012.
15. *Vážený čitateľ...* // Slavica Slovaca. 1992. Roč. 27. Č. 1.
16. *Koprda P.* Medziliterárny proces V. Osemnásť storočie. Nitra, 2009.
17. *Žeňuch P., Žeňuchová K.* Slovak Slavistics: past and present. Interdisciplinary discourses of Slovak academic Slavistics // Human Affairs. Postdisciplinary Humanities & Social Sciences Quarterly. 2013. Roč. 23. Č. 2.
18. *Žeňuch P.* Zo správy SÚJS SAV za rok 2013 a aktuálne rámce slavistickej vednej politiky // Slavica Slovaca. 2014. Roč. 49. Č. 1.

ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС 1814–1815 ГОДОВ И ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛЬСКОЙ АРМИИ

В статье рассказывается об организации польской армии в 1814–1815 гг. На основе новых архивных источников – донесений великого князя Константина Павловича Александру I – показано отношение к этому вопросу в высших российских правительственных сферах.

The paper deals with the establishment of the Polish army in 1814–1815. Based on new archival sources, such as reports of Grand Duke Konstantin Pavlovich to Tsar Alexander I, it shows how Russian ruling elite was reacting to the situation.

Ключевые слова: Венский конгресс, русско-польские отношения, организация польской армии.

Keywords: Vienna Congress, Russian-Polish relations, organisation of the Polish army.

Польский вопрос играл важную роль в европейской политике в конце XVIII – начале XIX в. После разделов Речи Посполитой 1772, 1793 и 1795 гг. между Россией, Австрией и Пруссией поляки не оставляли надежд на возрождение своего государства. В 1807 г. по инициативе Наполеона было создано сателлитное государство – Великое герцогство Варшавское, в которое вошли территории, ранее отошедшие к Пруссии. Его престол занял саксонский король Фридрих Август I. В 1809 г. герцогство было расширено за счет польских земель, находившихся во владении Австрии. Польские войска под командованием князя Ю. Понятовского участвовали в войне 1812 г., считая ее войной за воссоздание независимой Польши (в границах 1772 г.), и отступили из России вместе с остатками наполеоновской армии. Преследуя неприятеля, российские войска в начале 1813 г. заняли территорию Герцогства Варшавского. Управлять страной стал Временный верховный совет, состоявший из поляков и русских, во главе с генерал-губернатором В.С. Ланским. После поражения французов в битве под Лейпцигом 4–7 (16–19) октября 1813 г., в ходе которой саксонский король был взят в плен, а Понятовский погиб, польские войска хотели оставить Наполеона, и лишь благодаря его энергии и личному вмешательству это удалось предотвратить [1. С. 33–35]. Александр I, деятельно сотрудничавший с князем А.Е. Чарторьским, еще до начала Отечественной войны 1812 г. разрабатывал планы воссоздания польского государства

Каштанова Ольга Сергеевна – канд. ист. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

под своей эгидой, но лишь после победы над Наполеоном и вступления союзных войск в Париж стало возможно приступить к обсуждению польского вопроса (о польских планах императора Александра см. [2. С. 14–75]).

В связи с предстоявшим отречением Наполеона от французского престола польские офицеры просили императора отдать их под покровительство Александра I [1. S. 36–37]. Это нашло отражение в договоре, подписанном 30 марта (11 апреля) 1814 г. в Фонтенбло, между Бонапартом, с одной стороны, и Россией, Австрией и Пруссией – с другой. В ст. 19 данного акта говорилось: «Польские части всех родов войск, которые находятся на французской службе, получают возможность вернуться домой, с сохранением оружия и багажа; в качестве свидетельства их почетных заслуг офицеры, унтер-офицеры и солдаты сохраняют знаки отличия, которые им были пожалованы, и пенсии, связанные с их знаками отличия» [1. S. 38; 3. S. 7].

1(13) апреля генерал М. Сокольниковский и полковник Ю. Шимановский были посланы к Александру I от имени польского корпуса под командованием генерала Я.Г. Домбровского, знаменитого создателя легионов и самого авторитетного польского военачальника, с целью узнать о его намерениях относительно польских войск. Император заявил, что разрешает им вернуться в герцогство, назначит главнокомандующим польской армией своего брата, цесаревича и великого князя Константина Павловича, предпочитает забыть прошлое, и выразил надежду на то, что поляки скоро смогут носить национальную кокарду. Затем состоялась аудиенция у Александра I генерала Домбровского, во время которой было достигнуто соглашение о соединении всех разрозненных польских полков воедино в армию Герцогства Варшавского и сохранении польскими частями своих названий и мундиров. Офицерам предоставлялась возможность продолжить службу в прежнем чине или выйти в отставку. Общее количество полков и жалование офицеров ставилось в зависимость от состояния финансов герцогства. Император обещал помочь в получении задержанного жалования от французского правительства, обеспечить польские войска обмундированием и снаряжением перед возвращением на родину и снабдить их соответствующей артиллерией [4. S. 1–2; 3. S. 8–9, 12–13].

12(24) апреля на равнинах под Сен-Дени Александр I провел смотр находившихся во Франции польских войск. Они были немногочисленны: пехота, кавалерия и артиллерия составляли в совокупности 4 750 человек. Великий князь Константин представил Александру воинские части, генералов и офицеров, и доложил о состоянии корпуса. Император похвалил польские войска за храбрость и верность Наполеону и повторил обещания, данные перед этим делегации. После парада, во время завтрака у генерала В. Красиньского, Константин поднял тост за здоровье храброго польского народа [5. S. 2; 4. S. 3; 3. S. 8–9].

Великий князь Константин Павлович, генерал-инспектор российской кавалерии, отличался неутомимой энергией и способностью поддерживать строгую дисциплину в войсках. Его назначение должно было подчеркнуть доверие императора к своим будущим подданным. Константин, как и многие другие российские государственные и военные деятели, не одобрял идею восстановления польского государства, считая, что территорию Герцогства Варшавского нужно поделить между Пруссией и Австрией [6. С. 159]. Однако он был вынужден подчиниться Александру и, учитывая сложную политическую обстановку, старался проявлять выдержанность и такт в обращении с польскими войсками [7. S. 181]. Первые распоряжения Константина Павловича касались приема генералов и офицеров во вновь формирующуюся польскую армию. 5(17) мая великий князь ходатайствовал перед императором о зачислении на службу в звании дивизионного генерала Ю. Хлопицкого, 10(22) мая сделал представление о назначении полковника М. Цихоцкого бригадным генералом (в свое время французское командование уже присвоило ему этот чин, но курьер, везший указ, был перехвачен) [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 4–5об.]. Некоторые польские офицеры изъявили желание

остаться во Франции, например капитан Кинцель и майор А. Гуппе, либо отправиться туда для решения имущественных вопросов, как подполковник Н.-Ж. Дэн и генерал А. Рожнецкий [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 6, 14, 37, 51]. Другие поляки обращались к Александру I с просьбой вернуть им конфискованные имения. 22 мая (3 июня) 1814 г. Константин сообщил Александру о просьбе дивизионного генерала графа В. Красиньского о возвращении ему имений: Бубновки в Волынской губернии, Опинагуры и Цеханова в Плоцком департаменте, а его супруге, урожденной княжне М.У. Радзивилл, – Книшина и Гонёндзского лесничества в Белостокской области [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 15–15об.].

Александр I поручил генералу Домбровскому собрать остатки польских войск, разбросанных почти во всей Европе, и поляков-военнопленных, находившихся в английских, немецких, итальянских, испанских, российских тюрьмах. В соответствии с инструкцией, данной ему Константином 3(15) мая 1814 г., по прибытии в Варшаву Домбровский должен был заняться организацией польской армии. Ему предстояло вести учет возвращавшихся в герцогство польских войск, назначать места их дислокации [4. S. 3–4; 3. S. 13–14]. 13(25) мая великий князь известил французского военного министра генерала П.-А. Дюпона, что согласно с распоряжениями Александра I 17-й литовский полк и другие польские части, входившие в Гамбургский корпус, получили приказ двигаться на Позен (Познань) по маршруту, определенному для 1-й русской армии под командованием фельдмаршала М.Б. Барклая-де-Толли, дислоцированной на территории Герцогства Варшавского [9. Ф. 1055. Оп. 1. Д. 26. Л. 2].

30 апреля (12 мая) 1814 г. Александр I назначил Константина председателем Военного комитета, оставляя на будущее назначение вице-председателя. В отсутствие председателя и вице-председателя их должен был замещать старейший (по выслуге лет) генерал. Цесаревич предложил ввести в состав комитета генералов Я.Г. Домбровского, Ю. Зайончека (который стал вице-председателем), Ю. Вельгорского, К. Князевича и К.Ю. Сераковского, а в качестве временных членов, замещающих отсутствующих, – генералов Ф. Пашковского, С. Войчиньского, князей А. Сулковского и Р.Т. Гедройца. Предложения великого князя были одобрены Александром I [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 3–3 об.].

В составленной Константином Павловичем инструкции для членов Военного комитета от 13(25) мая говорилось о необходимости сохранять в тайне все вопросы, обсуждаемые на его заседаниях, и назначения на должности до получения санкций императора. Полковникам разрешалось предлагать в момент образования корпуса офицеров на все вакансии в свои полки, затем их кандидатуры утверждались великим князем и императором. В отличие от Наполеона, который ввел в польской армии французские порядки, Александр хотел, чтобы способ комплектования войск и военный уголовный кодекс соответствовали традициям и обычаям страны. В то же время уставы для различных родов войск должны были быть такими же, как в России, для большего единообразия обеих армий на случай военных действий. Принимая во внимание нужды и ограниченные ресурсы герцогства, Александр планировал ввести наряду с действующими войсками милицию, в милицейские полки вошли бы сверхштатные офицеры. Комитет не мог принимать решений без одобрения Константина и должен был представлять ему еженедельные отчеты, великий князь являлся арбитром при решении спорных вопросов [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 8–13; 4. S. 13–14; 3. S. 14–15].

В конце мая Константин по поручению Александра выехал в Петербург, где оставался до начала сентября 1814 г. Присутствие великого князя в российской столице, с одной стороны, замедляло работу над организацией войск в герцогстве, но, с другой стороны, способствовало скорейшему решению некоторых вопросов, в частности возвращения польских пленных [4. S. 5; 3. S. 13], находившихся в основном на Кавказской и Сибирской линиях. С целью пополнения некомплекта

во внутренних войсках во время военных действий и экономии расходов на содержание поляков они зачислялись в полевые и гарнизонные полки, употреблялись на строительных работах [10]. Константин и Александр считали, что офицеры, которые служили в войсках Герцогства Варшавского к моменту начала кампании 1812 г., могут продолжить службу в новой армии. Для тех же, кто был позднее призван под наполеоновские знамена, требовалось специальное разрешение Александра I [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 17–17 об.].

Великий князь делал представления императору не только о польских пленных, оказавшихся в России, но и о вывезенных в другие государства. 27 марта (8 апреля) 1815 г. Константин уведомил Александра о том, что «много польских пленников находится в Турции, и что с ними там обращаются как с рабами». Это были поляки, которые попали в плен во время войны 1812 г. и использовались затем для защиты Кубанской оборонительной линии. «Достаточно значительное число между ними, – продолжал великий князь, – было пленено черкесами (периодически совершавшими набеги на линию. – *О.К.*), другие перешли к ним в надежде, что, пересекая страны, не причастные к войне на континенте, они смогут когда-нибудь убежать, дабы вернуться на родину. Но черкесы, далекие от того, чтобы взирать на поляков как на друзей или нейтральных, обращаются с ними с величайшей бесчеловечностью. Часть их была продана паше Анапы, откуда они прибыли в Константинополь, рассказывая обо всех бедах, которые испытали». По словам одного из польских коммерсантов, проживавших в Константинополе, в Турции «должно находиться более 3 000 (пленных. – *О.К.*) в руках персов, черкесов и турок», причем, судя по частным письмам поляков, большое количество пленников было в Трапезунде. Константин предлагал дать распоряжение российскому послу в Турции А. Я. Италинскому содействовать их освобождению [8. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9256. Л. 2–3; Ф. 333. Оп. 576. Д. 1680. Л. 48–49. Копия] (о пленении поляков черкесами см. [11. С. 78–80]).

В сложных политических обстоятельствах великий князь стремился избежать решений, которые могли вызвать недовольство среди польских военных и гражданского населения. 16(28) июля 1814 г. великий князь сообщил Александру Павловичу, что польская гвардия вступит в границы Герцогства Варшавского 5(17) августа. Он просил не расформировать ее и не распределять в различные полки, чтобы не прибавлять недовольных, а оставить как отдельную единицу, пока ее судьбу не решит Военный комитет. Впрочем, Константин опасался, что гвардия будет требовать сохранения преимуществ и льгот по отношению к прочим подразделениям [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 18–19].

В тот же день великий князь доносил Александру I о том, что польские войска, которые должны покинуть Францию, получили жалованье до 20 июля (1 августа). «Из-за прекращения выдачи жалованья в это время они окажутся ограничены лишь рационами, которые В[аше] и [мператорское] в[еличество] соизволило им определить». Константин ходатайствовал о выдаче Временным верховным советом денег польской армии за август и сентябрь в размере, эквивалентном прежним выплатам, до тех пор, пока Военный комитет не решит способ ее содержания [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 16–16 об.]. Эта просьба была повторена 21 июля (2 августа), поскольку совет, ссылаясь на то, что не получил распоряжений Александра, и отсутствие в казне денег, отказал Домбровскому в получении средств [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 23–23 об.].

В самом герцогстве представители российской администрации были очень недовольны планами Александра I возродить польское государство и воссоздать польскую армию и искали способ расстроить эти замыслы. В августе 1814 г. в Варшаве произошла ссора между канониром русской легкой артиллерии Михайловым и одним из польских солдат Гамбургского корпуса, которому Михайлов угрожал саблей. Поляк ударил обидчика в висок, тот упал и ударился насмерть

о колесо стоявшей рядом телеги, а солдат был отдан для суда в руки русских военных властей. Известный польский поэт и писатель Ю.У. Немцевич считал, что этот эпизод российские военные и чиновники пытались использовать в своих целях, но их надежды на польский бунт не оправдались [7. S. 170–171]. Константин же в донесении императору советовал не придавать большого значения данному инциденту, считая, что канонир сам виноват в случившемся, и рассматривать его только как частный акт [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 26–26об.].

Великий князь вернулся из Петербурга в Варшаву и назначил первое заседание Военного комитета на 15(27) сентября 1814 г. Чуть позже он известил императора о выполнении его распоряжений, данных генеральному директору корпуса инженеров полковнику Ж.-Б. Малле, об осмотре укреплений Модлина. По предварительным расчетам, на их восстановление должно было уйти 18 966 польских злотых, которые великий князь хотел получить незамедлительно [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 34, 36–36об.]. 29 сентября (11 октября) Константин передал Александру претензии бывших комендантов крепостей Замостье и Модлина генералов М. Гауке и Ф.К. Коссецкого к французскому правительству. Речь шла о выдаче жалованья за 1813 г. их гарнизонам, с этого времени оплачиваемых французами, и выплате содержания за 1812–1814 гг. состоявшему на французской службе 17-му литовскому уланскому полку. В этой связи Константин просил разрешения непосредственно обращаться к французскому Военному министерству [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 43–44об.]. В январе 1815 г. великий князь планировал отправить генерала Рожнецкого в Париж для решения вопроса о погашении различных задолженностей французского правительства польским войскам. В сентябре 1815 г. эти переговоры были поручены российскому послу во Франции К.О. Поццо-ди-Борго [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1680. Л. 21–21 об., 136–136об.].

5(17) октября 1814 г. Домбровский представил Константину общее состояние поступлений и расходов на армию с 24 июня по 1 октября того же года. За сентябрь войскам должны были заплатить 119 271 злотый 28 грошей жалованья. В военной кассе находилось 168 444 злотых 18 грошей, предназначенных для помощи офицерам, возвратившимся из плена, на выплаты офицерам, выполнявшим различные миссии, и на издержки военного бюро. Домбровский обращал внимание на бедственное положение большей части военных из-за продолжительной невыплаты жалованья и просил Временный верховный совет герцогства положить в военную кассу 1 063 710 злотых. Это представление было поддержано Александром I [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 45–48]. 7(19) октября Военный комитет решил вновь обратиться к главе совета В.С. Ланскому, ходатайствуя о передаче из казны герцогства в кассу генерала Домбровского суммы в 100 000 злотых для помощи польским офицерам, возвратившимся из военных тюрем. Комитет хлопотал также об увеличении фондов на содержание ветеранов и инвалидов [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 52–53об.]. Для того чтобы Военный комитет мог заседать во дворце примаса, Ланскому было предписано обустроить его интерьеры и доставить необходимую мебель [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 55]. 30 октября (11 ноября) Александр отдал распоряжение министру финансов Д.А. Гурьеву ежемесячно выделять Ланскому 2 127 420 злотых на выплату жалованья польским войскам [12. С. 128].

Организация польской армии продвигалась довольно медленно, что было вызвано как длительным отсутствием Константина, так и неопределенностью будущей судьбы Польши. Еще на первом заседании члены Военного комитета заявили, что, связанные присягой саксонскому королю, они рассматривают свою деятельность до момента окончательного решения польского вопроса лишь как подготовительный этап [5. S. 3–4; 4. S. 14; 3. S. 24]. Польские генералы говорили, сообщал великий князь, «что [...] они к сожалению вынуждены еще ограничивать рвение, которое их заставляет слепо опережать исполнение высокой воли В[аше-

го] и[мператорс]кого в[еличест]ва» [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 57–57 об.] (см. также [Л. 74–74об.]).

Между тем польский вопрос вызывал многочисленные споры союзников на открывшемся в сентябре 1814 г. Венском конгрессе. Александр I планировал включить в состав Российской империи всю территорию Герцогства Варшавского, за исключением Данцига (Гданьска) и коридора, связывавшего западную Пруссию с Силезией, которые были обещаны Пруссии в силу русско-прусского договора, заключенного в феврале 1813 г. Взамен Россия соглашалась на передачу Фридриху Вильгельму III всей территории Саксонии. Однако эти проекты не отвечали интересам Австрии, Англии и Франции. Председательствующий на конгрессе австрийский канцлер К.В. Меттерних не хотел смириться с утратой Кракова и Галиции, которые отошли к монархии Габсбургов в результате разделов Речи Посполитой и были присоединены к Герцогству Варшавскому в 1809 г. Усиление могущества России и округление территории прусского королевства не входили в планы Австрии. Английский кабинет был не против присоединения Саксонии к Пруссии, но также опасался возможных «приращений» России, считая, что в Центральной Европе ее должны уравнивать Австрия и Пруссия, которым нужно вернуть их прежние владения. Р. Каслри полагал, что вхождение в состав России Финляндии и Бессарабии вполне достаточно для удовлетворения ее политических амбиций. Он советовал Меттерниху и прусскому канцлеру К.А. Гарденбергу предложить России восстановить Польшу в границах 1772 г., на что Россия, как он справедливо полагал, вряд ли бы согласилась, а в случае отказа – настаивать на разделе территории Герцогства Варшавского. Победенной Францией было не выгодно усиление ни одной из великих держав. Представивший ее Ш.-М. Талейран подверг критике проекты Александра I и Фридриха Вильгельма III. Российский император был готов пойти на некоторые уступки: объявить Торн (Торунь) и Краков, на которые претендовали Пруссия и Австрия, вольными городами, и передать последней копи Велички. Александр I не смог договориться с Австрией во время встречи трех монархов в Пеште и решил отказаться от сделанных предложений. Противостояние на конгрессе двух блоков европейских держав, России и Пруссии, с одной стороны, и Австрии, Англии и Франции – с другой, очень затрудняло его работу и грозило перерасти в будущем в новую европейскую войну [12. С. 103–108, 644; 13. С. 405–407, 413, 415–418, 421–436; 14. С. 175, 177, 179, 182–186, 188–189; 15. С. 65–108; 2. С. 77–85]. В этих условиях было важно обеспечить поддержку планов Александра со стороны самих поляков. В октябре 1814 г. император вызвал в Вену Константина, которому поручил настаивать на скорейшей организации польской армии [5. S. 4; 3. S. 24].

Вернувшись в Варшаву 3(15) ноября, Константин на заседании комитета объявил, что герцогству придется пойти на некоторые территориальные уступки Пруссии. Постоянные члены комитета – Домбровский, Зайончек, Вельгорский и Сераковский подчинились решению Александра I, что вызвало горячее одобрение великого князя [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 69–70об.]. Он писал: «Осмелюсь Вам признаться, государь, что хотя ничто не должно было заставить меня сомневаться в преданности членов комитета, отречение, которое они допустили в этом случае, также как лояльность и беспристрастность, свидетельство коих они предоставили, во многом превзошли мое ожидание» [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 70]. Вероятно, видимое смирение членов комитета не было искренним, и они, особенно генерал Домбровский, надеялись на изменение политических обстоятельств [16. S. 454].

Еще перед началом Венского конгресса, 16(28) сентября 1814 г., уполномоченные России и Пруссии, предвидя трудности при решении саксонского вопроса, договорились о выводе из Саксонии российских войск, чтобы облегчить Прус-

сии присоединение этой территории. В ноябре, не дожидаясь постановлений конгресса, Пруссия заняла ее и объявила о включении саксонских войск в состав прусской армии [17. Т. VII. С. 158–159; 15. С. 91–92]. В разговоре с вице-председателем комитета Ю. Зайончеком 14(26) ноября 1814 г. Константин обратил внимание на благородство Александра I, который не поступил с польской армией так, как прусский король Фридрих Вильгельм III с саксонской, и спросил, что намерены делать поляки в случае войны, не имея войска. Зайончек заявил, что все члены комитета в глубине души преданы российскому монарху, обещал обсудить с ними средства скорейшей организации армии и сообщить Константиноу о результатах [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 75–76об.; 5. С. 4; 3. С. 24–25]. На следующий день цесаревич получил от членов комитета письменную декларацию [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 77–77 об., 92–94об.; 18. Р. 7–10; 5. С. 4–5; 3. С. 25]. В ней говорилось: «Есть лишь одно средство последовательно прийти к организации польской армии, оно соответствует духу народа: объединить его в конфедерацию, дабы отстоять и сохранить существование своей страны и конституционного правительства под протекцией Е[го] в[еличества] имп[ератора]» [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 93об.].

16(28) ноября Константин объявил на заседании комитета, что конфедерация не отвечает интересам императора Александра. Создать ее, по мнению великого князя, значило вызвать борьбу партий, которая бы раздирала страну, способствовать интригам и амбициям недобросовестных лиц и корыстолюбию иностранных держав. Он утверждал: конфедерация всегда есть «акт неповиновения и бунта» и опасался, что «шумное и нерегулярное собрание» может освободить поляков от обязательств по отношению к российскому императору [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 77об.–78об.]. Члены комитета отказались от проекта, который заведомо встретил бы неодобрение императора, и заверили, что дадут клятву верности только Александру. Великий князь попросил их засвидетельствовать это письменно. Начальник личной канцелярии Константина барон П.О. Моренгейм советовал ему требовать от членов комитета обещания верности одновременно Александру и его преемникам, «дабы устранить таким образом всякую мысль, которая могла бы у них промелькнуть, что Россия и Польша когда-нибудь перестанут быть соединены» [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 78об.–79об.]. Благодаря посредничеству Зайончека эти слова были включены в текст обязательства. 18(30) ноября Константин получил от членов комитета формальную декларацию с обещанием верности российскому монарху и его наследникам при условии воссоздания польского государства [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 79об.– 81, 95–97; 18. Р. 11–14; 5. С. 5–6; 3. С. 25–26].

Учитывая мнение члена Временного верховного совета сенатора Н.Н. Новосильцева, великий князь стал требовать от польских генералов такого обязательства без всяких условий, тогда они заявили, что не могут больше оставаться в составе комитета. Константин не принял их отставки [18. Р. 21–23; 5. С. 6; 3. С. 26]. Два дня царил напряженный обстановка. Члены комитета просили у цесаревича неоспоримых гарантий относительно будущего Польши и восстановления конституционного правления. В частной беседе с генералами Вельгорским и Зайончеком Константин признался, что не может дать такое обещание, не навредив престижу Александра I. Ручательства заключаются в милостях и благодеяниях, которые польская нация уже получила от него. Поляки должны заслужить доверие императора, а не требовать от него гарантий. Вельгорский и Зайончек отвечали, что верят российскому монарху, но для убеждения их коллег было необходимо письменное заявление великого князя. Декларация Константина от 21 ноября (3 декабря) [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 98–101об.; 18. Р. 14–21] была зачитана в Военном комитете Моренгеймом. Чтобы сделать обсуждение более свободным, великий князь уступил свое кресло председателю Зайончеку. Заявление Констан-

тина, составленное в сдержанных выражениях, не понравилось многим членам комитета, но ему удалось убедить их в своей правоте (ср. [5. S. 6; 4. S. 14–15; 3. S. 27]). 23 ноября (5 декабря) они представили цесаревичу записку, в которой все, кроме Князевича и Войчиньского, высказались за организацию армии [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 102–103об., 18. P. 23–25; 5. S. 6–7; 4. S. 14–17; 3. S. 27–28]. В донесении Александру от 27 ноября (9 декабря) Константин очень хвалил Зайончека и Вельгорского, считая их образцом чистой морали и преданности монарху [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 82об.–83].

Разногласия по вопросу организации армии привели к выходу из состава Военного комитета трех его членов: Войчиньского, Пашковского и Князевича. Великий князь полагал, что генерал Пашковский, бывший адъютант саксонского короля, почти всегда инициировал предложение мер, менее всего отвечающих сложившимся обстоятельствам, например, выступал за создание конфедерации. Цесаревич планировал временно заменить его генералом Ю. Раутенштраухом, «заслуженным» офицером, который знал детали службы и был долгое время заместителем начальника Главного штаба [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 104–107, 112об.].

29 ноября (11 декабря) 1814 г. Константин обратился к польским войскам со следующим приказом: «Е[го] в[еличество] император Александр, ваш могущественный защитник, призывает вас собраться под его знамена. Вооружайтесь для защиты вашей родины и сохранения вашего политического существования. В то время как этот великий монарх заботится о благополучии, которое он хочет доставить вашей родине, покажите, что вы готовы поддержать его великодушные усилия ценой своей крови. Те самые вожди, которые в течение двадцати лет вели вас дорогой чести, еще раз укажут вам путь. [...] Безграничная преданность императору, который видит в этом лишь благо вашей родины, привязанность к его особе, послушание, дисциплина, союз – таковы условия, благодаря которым вы будете способствовать счастью своей страны. [...] Вы достигнете таким образом благосостояния, которое другие могли вам обещать, но только он один может вам дать» [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 115]. В зарубежной, в частности польской, историографии считается, что инициатором данного приказа был великий князь Константин Павлович или император Александр [4. S. 17; 3. S. 29; 19. P. 20]. Однако донесение цесаревича от 2(14) декабря показывает, что с подобной инициативой выступили члены комитета, которые сами составили документ в его присутствии. Они убедили Константина в необходимости такого приказа, поскольку он ознакомил бы войско с намерениями Александра I и наложил бы на каждого обязательство верности монарху [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 111об.–112]. «Едва новость об этом дневном приказе распространилась, я заметил усиление рвения и усердия у всех тех, кои призваны содействовать организации армии», – сообщал Константин императору [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 112об.]. «Я приказал напечатать дневной приказ с предписанием давать только по одному экземпляру начальнику каждого корпуса, дабы публикация не слишком распространилась вне служебной компетенции и не придавала бы ему вид прокламации» [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 113]. Опасения великого князя оказались не напрасными. Именно под таким названием его приказ был впоследствии опубликован [20. P. 80–81]. Несмотря на предпринятые меры осторожности, приказ Константина польским войскам стал широко известен в герцогстве и за его пределами и наделал немало шума. Константину было предписано уничтожить оставшиеся его экземпляры. Александр I отрицал перед союзниками, что такой приказ когда-либо отдавался польской армии, но ему никто не верил [19. P. 20].

В декабре был окончательно определен состав польской армии: две дивизии пехоты (в каждой из которых имелись две бригады линейной пехоты и бригада егерей), две дивизии кавалерии (конных егерей и уланов), артиллерийский кор-

пус (батальон саперов, две батареи конной и четыре роты пешей артиллерии) [4. S. 24; 3. S. 20]. Командующим 1-й и 2-й пехотными дивизиями – генералам Ю. Хлопицкому и И. Красиньскому было поручено провести смотр пехоты, генералам Я.Н. Уминьскому и Я. Вейсенхофу – кавалерийских бригад, генералу А. Сулковскому – артиллерии, саперов и понтонеров, генералу В. Красиньскому – гвардейского корпуса, приведенного им из Франции [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 113–114].

В декабре 1814 г. Константин изменил свое мнение о целесообразности существования прежней польской гвардии. Он писал Александру, что ее содержание обходится слишком дорого и слишком непропорционально польским ресурсам. Кроме того, сохранение ее льгот могло разрушить дух дисциплины в войсках. Великий князь просил расформировать гвардейский корпус, предоставив офицерам возможность вступить в ряды армии при условии согласия на общие правила. Потерю преимущества в званиях должно было компенсировать сохранение повышенного жалования, как это уже решил император [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1679. Л. 120–121об.].

В январе следующего года Константин получил разрешение Александра на передачу польской армии предметов экипировки, хранившихся в императорском комиссариате в Варшаве [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1680. Л. 8–8об.]. 7(19) февраля 1815 г. великий князь предложил императору выплачивать пенсии офицерам, не состоявшим на действительной службе, за счет староств (королевских земель), поскольку в соответствии с решениями Военного комитета эти люди лишились права на содержание [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1680. Л. 26–28об.].

Бегство Наполеона с острова Эльба вновь оживило связанные с ним надежды поляков. 21 марта (2 апреля) 1815 г. Константин получил письмо от генерала Я.Г. Домбровского, который просил разрешения выехать в Позен по имущественным делам, а оттуда отправиться на воды в Силезию для лечения ран и подорванного здоровья. По совету М.Б. Барклая-де-Толли, подозревавшего генерала в приверженности к французскому императору, великий князь решил не отпускать Домбровского [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1680. Л. 42–45об.] (ср. [16. S. 456]). Константин Павлович считал необходимым присутствие Александра I в Варшаве, чтобы рассеять все сомнения в армии и обществе относительно будущей судьбы герцогства, но император оставался в Вене. 13(25) апреля Константин писал ему о своих подозрениях по поводу подпоручика Я. Петровского, находившегося в сношениях с поляками, которые остались верны Бонапарту. Великий князь ссылался при этом на письмо, адресованное генералу В. Красиньскому с острова Эльба командиром кавалерийского эскадрона полковником П. Ежмановским [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1680. Л. 61–61об.].

Возвращение Наполеона в Париж способствовало примирению великих держав. В соответствии с союзным трактатом от 13(25) марта 1815 г. Россия, Великобритания, Австрия и Пруссия обещали не прекращать военных действий до полной победы над ним. Общая опасность заставила Меттерниха проявить уступчивость в польском вопросе. 21 апреля (3 мая) Россия заключила договоры с Австрией и Пруссией, согласно которым большая часть Герцогства Варшавского была присоединена к Российской империи. К Австрии отошли земли в Восточной Галиции и соляные копи Велички, Краков был объявлен вольным городом. Бывшие Познанский и Бромбергский (Быдгощский) департаменты вошли в состав Пруссии под названием Великого герцогства Познанского. 6(18) мая был подписан отдельный договор с саксонским королем Фридрихом Августом I, в силу которого он отказывался от прав на Герцогство Варшавское. Через неделю, 13 мая, Александр I опубликовал в Вене манифест, обращенный к полякам, в нем объявлялось о создании Царства (Королевства) Польского и даровании ему конституции, в тот же день император утвердил проект конституционной хартии. Венский конгресс завершил

свою работу 28 мая (9 июня). В Генеральном акте конгресса нашли отражение решения великих держав по польскому вопросу на основе ранее подписанных соглашений между Россией, Австрией и Пруссией. Произошедшее 6(18) июня сражение при Ватерлоо, окончившееся поражением Бонапарта, положило конец связанным с ним надеждам поляков [17. Т. III. С. 317–357, 378–398; 12. С. 294, 322, 347; 15. С. 197–211; 2. С. 90–95].

Константин оспаривал мнение князя А.Е. Чарторьского о том, что гражданские и военные чины Царства Польского должны одновременно присягать Александру I. Цесаревич считал, что армия – инструмент власти монарха, она подчиняется только тому, кто ей командует. Если армия присягнет вместе с администрацией, военные перестанут быть подданными Российской империи, они не смогут присягнуть польскому королю, не предав российского императора, рассуждал Константин [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1680. Л. 92–95об.]. 8(20) июня он принял присягу у польских войск, собравшихся на Вольском поле под Варшавой. Великий князь объявил офицерам польских «образцовых» батальонов и эскадронов, что они станут гвардейскими частями и будут иметь такие же прерогативы, как у русской гвардии [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1680. Л. 101–103об.; 4. С. 26].

Одной из серьезных проблем, с которыми Военный комитет столкнулся еще до образования Царства Польского, была проблема дезертирства. В опубликованном 8(20) июня 1815 г. приказе по польской армии говорилось о прощении дезертиров, если они в течение шести недель заявят о себе компетентной гражданской или военной власти, чтобы снова вернуться в войска [8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1680. Л. 111–111об.; 4. С. 25]. Константин приписывал бегство солдат недостаточной бдительности со стороны офицеров. В соответствии с его приказом от 14(26) июля 1815 г. каждый полк должен был троекратно (в лице полкового, батальонного или эскадронного и ротного командиров) возместить казне сумму, потраченную на одежду и снаряжение солдат, сбежавших с 19 апреля по 20 июля того же года [5. С. 15; 4. С. 30]. 5(17) ноября 1815 г. цесаревич сообщил статс-секретарю К.В. Нессельроде о желании Александра I распространить действие конвенции о выдаче дезертиров, заключенной между Россией, Австрией и Пруссией, на Царство Польское. В связи с этим Константин писал, что австрийские дезертиры будут выданы лишь после того, как Австрия вернет польских перебежчиков. 18(30) ноября он уведомил Нессельроде, что получил разрешение царя войти в прямую переписку с российскими посланцами в Вене и Берлине для решения вопроса о выдаче дезертиров [8. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9257. Л. 1–4об.].

В декабре 1815 г. после оглашения конституции Царства Польского работа Военного комитета завершилась. В соответствии с ее 76-й ст., исполнительная власть предоставлялась пяти правительственным комиссиям, или министерствам, одной из которых была Военная комиссия. В ст. 10, 153–156 нашли отражение принципы организации и финансирования польской армии, ее использования в военных действиях: «Вооруженная сила состоит из действительной армии [...] и милиций, готовых в случае надобности подкрепить ее. Размер армии, содержимой на средства края, определяется Государем, сообразно потребности в соответствии с доходами, внесенными в бюджет. [...] Армия сохраняет цвета своего обмундирования, свои особые костюмы и все, что касается ее национальности. [...] Во всех случаях введения Российских войск в Польшу или Польских войск в Россию или в случаях прохода означенных войск через какую-нибудь область означенных двух государств, их содержание и расходы по их передвижению относятся в полном размере за счет того края, которому они принадлежат. Польская армия не будет никогда употреблять вне Европы» [21. С. 527, 532, 539].

Первоначально Константин планировал довести численность польской армии до 40 000 человек. Однако по финансовым соображениям количество войска решили ограничить 30 000. И хотя уже к концу октября 1814 г. в польских войсках

насчитывалось 33 725 человек, многие солдаты были отпущены по домам, а затем был объявлен новый рекрутский набор [4. S. 5, 9, 18; 3. S. 20, 35]. Это позволило частично избавиться от солдат, принимавших участие в наполеоновских войнах, и наполнить ряды свежим контингентом.

В ноябре 1815 г. Александр I назначил Константина Павловича постоянным главнокомандующим польской армией. Это вызвало разочарование поляков, считавших, что цесаревич исполняет свои обязанности временно, и желавших видеть во главе войска прославленных польских генералов Т. Костюшко или Я.Г. Домбровского. В приказе по армии от 4(16) ноября Александр писал, что назначает Константина «главнокомандующим нашей польской армии, отдав ему все, что относится к военной части Королевства» [5. S. 9; 3. S. 44]. Таким образом, в глазах великого князя его prerogative были поставлены выше полномочий Военной комиссии. Константин рассматривал последнюю как орган, подчиненный главнокомандующему, на том основании, что до ее создания военная власть была отделена от гражданской. Пост главы комиссии по его настоянию занял генерал Ю. Вельгорский. Но в отличие от Константина он считал комиссию полноправным министерством, призванным руководить армией. Приказом от 30 декабря 1815 г. (11 января 1816 г.) великий князь запретил военному министру без его предварительных указаний высказывать свое мнение на заседаниях польского правительства – Административного совета. Вельгорский настаивал на разграничении функций главнокомандующего и Военной комиссии, доказывая, что в противном случае ее существование бессмысленно. В апреле 1816 г. у него снова возникли разногласия с главнокомандующим, на этот раз по вопросу фуражирования войска, и Вельгорский подал в отставку [9. Ф. 1165. Оп. 3. Д. 17. Л. 1–5об.; 8. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1692. Л. 79–87, 133–134об., 142–143об., 160; 5. S. 9–11, 16, 18–38; 4. S. 175–176, 3. S. 46–49]. После его ухода пост военного министра оставался вакантным. Заместителем министра стал абсолютно лояльный по отношению к Константину генерал М. Гауке, который управлял комиссией до конца 1830 г.

Решения Константина по всем принципиальным и частным вопросам практически всегда утверждались Александром I. Он справился с задачей реорганизации польской армии в 1814–1815 гг., способствовал ее комплектованию и финансовому обеспечению, приданию большего единообразия с российской армией. Но при этом главная цель Александра I – создать полубуферное лояльное польское государство, которое стало бы крепким военным форпостом на западной границе империи, – выполнена не была. Именно армия, в первую очередь ее офицерский состав оказался ядром-инициатором антироссийского движения, антиправительственных заговоров и выступлений. В период 1816–1820 гг. многие из бывших наполеоновских офицеров вышли в отставку. Они были недовольны введением строгой дисциплины и установлением российских порядков в польской армии. Произошло несколько случаев самоубийств среди младших офицеров. Вплоть до восстания оставалась актуальной проблема дезертирства польских солдат, которые бежали в Австрию и Пруссию. Многие современники великого князя и в Польше, и в России полагали, что Константин вследствие своих строгостей, а иногда и несдержанного поведения, еще больше накалял непростую атмосферу русско-польских отношений. В действительности конфликт лежал гораздо глубже. Он крылся в различном понимании поляками и русскими самой идеи создания Царства Польского, границ его автономии, назначения польской армии и ее места в системе вооруженных сил Российской империи. Нежелание российских монархов присоединить к Царству Польскому бывшие восточные области Речи Посполитой – западные губернии Российской империи, консервативный политический курс назначенного наместником генерала Зайончека, нарушения конституционных свобод вызывали недовольство в польском обществе, которое

еще больше возросло на волне европейских революций. 17(29) ноября 1830 г. хорошо подготовленная благодаря усилиям великого князя Константина польская армия выступила против российского правительства и восстание превратилось в польско-русскую войну, в ходе которой поляки длительное время вели успешные действия против российской армии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Gembarzewski B.* Wojsko polskie. Księstwo Warszawskie 1807–1814. Warszawa; Kraków, 1905.
2. *Макарова Г.В.* Россия и создание конституционного Королевства Польского // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010.
3. *Tokarz W.* Armia Królestwa Polskiego (1815–1830). Piotrków, 1917.
4. *Gembarzewski B.* Wojsko polskie. Królestwo Polskie 1815–1830. Warszawa, 1903.
5. *Askenazy Sz.* Ministerium Wielhorskiego. 1815–1816. Warszawa, 1898.
6. Письма великого князя Константина Павловича к графу Владимиру Федоровичу Васильеву. 1812–1814 // Русский архив. 1882. Кн. 1.
7. *Niemcewicz J.Ū.* Pamiętniki 1809–1820. Poznań, 1871. Т. II. 1813–1820.
8. Архив внешней политики Российской империи.
9. Государственный архив Российской Федерации.
10. *Бессонов В.А., Миловидов Б.П.* Польские военнопленные Великой армии в России в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XIII Всероссийской научной конференции. Бородино, 5–7 сент. 2005 г. М., 2006; *Хомченко С.Н.* Военнопленные поляки в Астраханской губернии в 1812–1815 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XIII Всероссийской научной конференции. Бородино, 5–7 сент. 2005 г. М., 2006; *Миловидов Б.П.* Военнопленные поляки в Сибири в 1813–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XV Международной научной конференции, 9–11 сент. 2008 г. Можайск, 2009.
11. *Соловьев А.А.* Народы Северного Кавказа и война России с Наполеоном (1812–1815 гг.) // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2008. Вып. 13.
12. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. М., 1972. Серия I. 1801–1815 гг. Т. VIII.
13. *Соловьев С.М.* Венский конгресс // Русский вестник. 1865. № 2.
14. *Тарле Е.В.* Талейран. М., 1992.
15. *Зак Л.А.* Монархи против народов. Дипломатическая борьба на развалинах Наполеоновской империи. М., 1966.
16. *Zych G.* Jan Henryk Dąbrowski 1755–1818. Warszawa, 1964.
17. *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1876. Т. III. Трактаты с Австрией. 1808–1815; СПб., 1885. Т. VII. Трактаты с Германиею. 1811–1824.
18. Le grand-duc Constantin à Varsovie pendant le Congrès de Vienne: 5 pièces officielles jusqu'à présent inédites, contenant la correspondance de ce prince avec le Comité militaire polonaise en 1814. Paris, 1847.
19. *Pienkoś A.T.* The imperfect autocrat Grand Duke Constantine Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. Boulder, 1987.
20. Proclamation du grand-duc Constantin, adressée aux habitant[s] du duché de Varsovie, en date de Varsovie, du 11 décembre 1814 // [*Schoell M.S.F.*] Congrès de Vienne. Recueil de pièces officielles relatives à cette assemblée, des déclarations qu'elle a publiées, des protocoles de ses délibérations et des principaux mémoires qui lui ont été présentés. Paris, 1818. Vol. 6.
21. Конституционная Хартия Царства Польского // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010.

© 2016 г. М.В. МЕДОВАРОВ

А.А. КИРЕЕВ И РУССКО-БОЛГАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Статья посвящена роли позднего славянофила А.А. Киреева в процессе становления независимой Болгарии и его взглядам на развитие русско-болгарских отношений. Прослежен его путь от активного содействия национально-освободительному движению на Балканах в 1862–1878 гг. до острой критики как внешней и внутренней политики князей Александра Баттенбергского и Фердинанда Саксен-Кобургского, так и ошибок и просчетов российского Министерства иностранных дел на болгарском направлении в 1878–1910 гг.

The article is devoted to the role of the Slavophil Alexander Kireev in the process of formation of the independent Bulgaria and to his views on the development of Russian-Bulgarian relations. Furthermore, his path is traced, from the active assistance to the national liberation movement on the Balkans in 1862–1878 to the sharp criticism of the foreign and interior policy of Prince Alexander Battenberg and Prince Ferdinand of Saxe-Coburg. Finally, it considers mistakes and failures of the Russian Ministry of Foreign Affairs Bulgarian policy in 1878–1910.

Ключевые слова: А.А. Киреев, русско-турецкая война 1877–1878 гг., сербо-болгарская война 1885–1886 гг., русско-болгарские отношения, Александр Баттенберг, Фердинанд Саксен-Кобургский.

Keywords: Alexander Kireev, Russian-Turkish War of 1877–1878, Serbian-Bulgarian War of 1885–1886, Russian-Bulgarian relations, Prince Alexander Battenberg, Prince Ferdinand of Saxe-Coburg.

Идейный лидер позднего славянофильства, генерал А.А. Киреев (1833–1910) неизменно уделял внимание ситуации в славянских землях. Судьба его брата Николая, павшего в рядах сербской армии на болгарской территории, навсегда кровью связала семейство Киреевых с Балканами. Но если роль Н.А. Киреева в болгарской истории освещена в монографии митрополита Кирила (Ковачева) [1], отношения А.А. Киреева к событиям в Сербии и сербских землях, включая сербо-болгарскую войну 1885–1886 гг., также проанализированы [2], то в целом сведения из дневника и писем А.А. Киреева о Болгарии и русско-болгарских отношениях до сих пор не были введены в научный оборот. Более того, сам вопрос об активном участии А.А. Киреева в событиях, происходивших в Болгарии после 1878 г., практически не затрагивался в историографии.

Все Киреевы были воспитаны в 1840-х годах на идеях славянской и православной солидарности. В 1862 г. младший брат, 22-летний Николай, предло-

Медоваров Максим Викторович – канд. ист. наук, старший преподаватель Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

жил обучать славянских детей музыке¹, а И.С. Аксаков возразил ему: «Специальное музыкальное образование в настоящее время для болгар и сербов есть ненужная роскошь: им нужно учиться музыке пуль и бомб» [3. П. 83376. Л. 2].

Большое впечатление на братьев Киреевых произвел Славянский съезд в Москве в 1867 г., особенно вдохновили их слова Александра II: «До свидания, господа!», которые сербы-делегаты поняли как призыв к войне с турками и обещание военной помощи [4. Д. 4а. Л. 50об.; 5. С. 195].

После Славянского съезда социально-политическая активность братьев Киреевых переместилась в русло московского Славянского комитета – они вошли в число его основателей, а Н.А. Киреев стал первым секретарем комитета (1869–1871). В апреле 1876 г. по поручению Комитета он отправился на Балканы с полевым лазаретом и транспортом медикаментов. В июне в Сербии Н.А. Кирееву поручили быстро сформировать несколько добровольческих отрядов. Под именем Хаджи-Гирей он принял командование одним из них и 6 (18) июля 1876 г. героически погиб в бою у Раковиц. А.А. Киреев гордился подвигом своего брата. Летом 1876 г. он получил десятки писем и телеграмм с соболезнованиями со всей России, Европы и Америки – как от простых и совершенно незнакомых людей, так и от известных лиц. О подвиге Н.А. Киреева ярко писала как русская (М.Н. Катков, И.С. Аксаков, Ф.М. Достоевский), так и западная пресса [1. С. 11, 73, 83–92, 139–140; 6. С. 341; 7. С. 9; 8. С. 128–141].

Герой не был забыт и после русско-турецкой войны. В 1882 г. на месте его гибели болгарскими властями был поставлен донныне существующий памятник, сам он захоронен в Раковицком монастыре, а вновь основанное местное село получило название Киреево.

Цели своей панславистской программы А.А. Киреев определил уже с молодости и в дальнейшем оставался им верен. Уже в 1863 г. он писал: «Россия обнажает свой меч не для порабощения славян, а лишь для их освобождения [...] Мы хотим свободы славянам, а что из этого будет – все равно, федерация равных ли, гегемония [...] Мы не должны идти далее освобождения и защиты славян, их автономии – в этом заключается вся наша программа» [4. Д. 1. Л. 234об.; 9. 1891. 14 VII]. Киреев разъяснял: «Панславизм далеко не состоит в поглощении славян Россией, а в добровольном соединении славян с Россией, т.е. федерации, при которой каждому предоставлена бы была полнейшая возможность полного и свободного развития. Но при этом необходимое условие – политическая терпимость и нежелание властвовать над другими народами» [4. Д. 1. Л. 235–235об.]. Он считал, что не следует «увеличивать территорию России ни на пядь [...] Нам *не нужны* славяне и их земли, проживем и без них, но нам важно, чтобы их не заполняли другие!» [4. Д. 10. Л. 181об.–183, 188об.]. Россия, по мнению Киреева, должна позаботиться о том, «чтобы другие народы не съели славян и чтобы сами славяне себя не ели [...] Если эти славянские земли и будут вполне самостоятельны, то все же они не будут нам враждебны, как теперь Австрия и Турция». Если славяне станут полноправными гражданами Австро-Венгрии и Турции, то России не будет никакого резона вмешиваться в их дела, считал Киреев [10. С. 15]. Получив независимость, утверждал он, славяне смогут избрать для себя любую форму государственного строя. Хотя наилучшим вариантом для них было бы постепенное сближение с русской православной культурой вплоть до создания добровольной «славяно-православной конфедерации с Россией во главе». Он полагал, что и в случае отказа славян от союза с Россией они все равно смогут сотрудничать в «решении наших общих мировых задач» [4. Д. 10. Л. 92].

¹ Александр Киреев в это время был в числе учредителей Императорского музыкального общества.

А.А. Киреев изначально, с 1870-х годов, симпатизировал болгарам больше, чем сербам, и неизменно предпринимал шаги для конструктивного разрешения греко-болгарского церковного спора, был близок к болгарскому митрополиту Анфиму и позже (в 1882–1883 гг.) хлопотал о его награждении орденом Св. Анны [4. Д. 9. Л. 116об., 131об., 225, 226; Д. 10. Л. 40]. Он полагал, что церковная схизма является плодом мирских финансовых и политических разногласий фанариотов с болгарами и может быть ликвидирована путем переговоров [4. Д. 7. Л. 59об.; Д. 8. Л. 4, 84, 120]. Во время болгарского восстания и сербо-турецкой войны 1876 г. Киреев отмечал более высокую боеспособность болгар по сравнению с сербами, а также высокомерное отношение сербов к болгарам [4. Д. 7. Л. 10, 11, 64об., 174об.].

После Берлинского конгресса, который Киреев воспринял как катастрофическое поражение русской дипломатии, он находился в тесном контакте с болгарскими общественными деятелями и желал, чтобы князем независимой Болгарии стал кто-либо из русских славянофильских деятелей, к примеру И.С. Аксаков или Н.П. Игнатъев [4. Д. 8. Л. 60; Д. 11. Л. 208об.]. В итоге произошло то, что Киреев считал страшным поражением России и славянства: принятие либеральной Тырновской конституции. По словам сестры Киреева О.А. Новиковой, даже антироссийски настроенные британцы удивлялись «якобинскому» радикализму этой конституции и считали ее введение самоубийственным шагом для России: «Вы их наверно погубите и сделаете их своими врагами» [4. Д. 11. Л. 106об.; Д. 13. Л. 106об.]. Так же оценивал конституцию и сам Киреев в 80-е и в 90-е годы XIX в.: именно Тырновская конституция привела Болгарию «к полному разорению и полной анархии» [11. 1886. № 9. С. 383–387], и призывал к ее отмене: «Какое несчастье, что мы дали эту глупую конституцию несчастным болгарам [...] которая их уже развратила и которая им перепутала все понятия» [4. Д. 10. Л. 83, 115об., 119об.; Д. 11. Л. 69, 76–77]. Даже в 1890 г. он писал, что «конституцией своей болгарский народ тоже тяготится, говоря, что она мешает ему заниматься своими делами» [9. 1890. 9 IX; 12. 1890. № 8. С. 837–838].

Ответственными за составление конституции Киреев называл С.Н. Урусова, П.А. Шувалова, Д.А. Милютину, А.Д. Градовского и ряд либеральных юристов, которые якобы руководствовались «странной мыслью» – «перелиберальничать все то, что могла бы получить Болгария из других рук» [4. Д. 8. Л. 97, 109об.; Д. 10. Л. 135, 196об.; 11. 1884. № 11. С. 403–405]. «К стряпне был приглашен Градовский, которого к подобной же стряпне приглашал для России Лорис-Меликов», – ужасался Киреев [4. Д. 10. Л. 52–52об.].

В мае 1882 г., во время визита в Болгарию на могилу брата, он отметил захлествовавшее общественную жизнь страны политиканство [4. Д. 10. Л. 80–87]. Больше всего Киреева беспокоило то, что обучавшиеся в российских университетах болгары возвращались на родину убежденными нигилистами, атеистами, революционерами [4. Д. 8. Л. 97об.; Д. 10. Л. 146об.]. «Надежны только священники, у нас воспитанные. На это необходимо обратить внимание», – писал он [4. Д. 9. Л. 86об.]. Добавим, что на протяжении первой половины 1880-х годов генерал регулярно встречался с болгарскими министрами и общественными деятелями и имел возможность получать информацию о положении дел из первых рук [4. Д. 8. Л. 198об.; Д. 10. Л. 83].

Если Тырновскую конституцию Киреев считал ошибкой принципиальной, то избрание Александра Баттенберга болгарским князем поначалу воспринял спокойно [4. Д. 8. Л. 85, 110, 112об.; Д. 9. Л. 86]. Он был уверен, что Россия имела возможность «задобрить» князя, переманить на свою сторону, но из-за «глупости дипломатов» не воспользовалась ею, а только озлобила и настроила против себя и князя, и болгарскую оппозицию вроде «продажного» Каравелова [4. Д. 8. Л. 115об.; Д. 10. Л. 111об., 114об., 160, 209, 216].

Российское правительство не только не позволило Баттенбергу отменить конституцию, но и не оказало ему поддержки во время аннексии Восточной Румелии, которую Киреев считал закономерной и справедливой и которую, по его словам, русское консульство и Министерство иностранных дел «прозевали», поскольку действовали независимо друг от друга [4. Д. 10. Л. 114, 122, 129, 194об.–195; 10. С. 35–37] (впервые опубликовано в [13. № 19]). В итоге с конца 1885 г. Болгария вступила в период глубоких политических потрясений. «Ежели бы мы, *уведомив султана* и взяв на себя ответственность за спокойствие, высадили в Варне дивизию, было бы гораздо лучше», – сразу же записал Киреев [4. Д. 10. Л. 126–127]. Публикуя острые статьи в «Известиях Санкт-Петербургского благотворительного общества» и в аксаковской «Руси», Киреев призывал Россию защитить Болгарию от вторжения войск сербского короля Милана, за спиной которого явно стояла Австрия [4. Д. 10. Л. 128об., 132об.; Д. 11. Л. 249об.; 10. С. 43]. «Странное дело – Австрия сумела, *имея против себя* всю Сербию, сделать из нее свою губернию, мы же, имея за себя всю Болгарию, не можем сладить с князем Александром», – удивлялся Киреев [4. Д. 9. Л. 272об.; Д. 10. Л. 158об.].

Презирая Баттенберга за его двуличную политику в отношении России и «польскую предательскую кровь», публицист призывал все же сделать на него ставку при условии, что он выполнит русские требования [4. Д. 9. Л. 269об.; Д. 10. Л. 138об.–139, 221; 15. Л. 8]. Эти же оценки повторяла в английской и русской прессе О.А. Новикова [11. 1886. № 9. С. 380–383; 16]. Сила князя – в добровольной слабости российской дипломатии, полагал Киреев, к июню 1886 г. пришедший к убеждению в необходимости свержения князя [4. Д. 10. Л. 164об., 175, 176].

В августе 1886 г. Баттенберг действительно был свергнут пророссийскими офицерами («своими собственными войсками и народом», по словам Киреева) [4. Д. 10. Л. 188об.]. По этому поводу он написал статью, в которой оценил телеграмму императора Александра III князю Александру Баттенбергу, содержавшую обещание «блюсти интересы России и мир Востока», как «целую программу нашей деятельности на Востоке» [11. 1886. № 9. С. 383–387]. Но чуть позднее Киреев отметил в дневнике: «Вышло нечто довольно неуклюжее, честное и могучее, как сам царь» [4. Д. 10. Л. 191об.]. Его разочарование в российской «политике выжидания и ничегонеделания» [10. С. 45–47] (впервые опубликовано в [14. 1886. 18 I]) и возмущение бессилием России в переходный период болгарского «междоусобия» в 1886–1887 гг. [4. Д. 10. Л. 196–203об.], однако, сочеталось с сожалением о нереализованном потенциале Баттенберга как возможного собирателя болгарских и македонских земель под эгидой России [4. Д. 10. Л. 193об.].

1 января 1887 г. Киреев записал в дневнике: «Кончится тем, что мы будем вынуждены оккупировать Болгарию; ежели бы мы это сделали год тому назад, дело обошлось бы без особых затруднений. Правда, Австрия бы аннексировала Боснию и Герцеговину, но мы могли бы сговориться с Берлином и дела наши были бы все же лучше теперешних». Однако ожидания Киреева, что Александр III прикажет высадить десант и свергнуть болгарское регентство после жестокого подавления пророссийского восстания в 1887 г., не оправдались [4. Д. 10. Л. 208об.–209, 216об.–222]. Правда, на сей раз в оценках произошедших событий как провала русской политики были едины не только Киреев, Катков и другие публицисты, но и ненавистный Кирееву директор Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьев [4. Д. 10. Л. 221, 230об.]. Вслед за Сербией Россия потеряла всякое влияние и в Болгарии. «Ежели Россия ничего не будет делать, враждебные нам силы настолько вопьются в страну, что их нескоро уничтожишь!» – бил тревогу Киреев летом 1887 г., призывая посадить в Болгарии пророссийского князя [4. Д. 11. Л. 4, 137об.].

Болгарским князем стал немец Фердинанд Саксен-Кобург-Готский. Это произошло неожиданно для генерала: «Как это мы прозевали Кобургского!! Неужели

Лобанов² не сумел пригрозить этому щенку именем царя?». Поскольку некоторое время ни одна страна не признавала Фердинанда князем *de jure* (первой это сделала Австрия в 1889 г.), Киреев призывал русское правительство помочь болгарам поднять восстание против «незаконного правителя», хотя сам же признавал нереалистичность таких планов [4. Д. 11. Л. 9–9об., 26]. В дневнике Киреева потоки бранных слов в адрес Фердинанда чередуются с самым серьезным упреком в том, что он активно стал насаждать католицизм в Болгарии [4. Д. 11. Л. 9, 14об.–16об., 38; 3. П. 3604. Д. 15. Л. 6–7]. «Всякий день, проведенный Фердинандом в Софии – для нас обида!» – восклицал Киреев [4. Д. 11. Л. 23], но уже осенью 1887 г. признал, что новый князь обосновался в Болгарии всерьез и надолго. Несмотря на все уверения, которые лично Кирееву давал министр иностранных дел Н.К. Гирс, свержение Фердинанда изнутри не представлялось генералу возможным [4. Д. 11. Л. 16об., 22об., 30–32, 51об.–52, 62–62об., 68об., 77, 81, 302об.]. Правда, Киреев приветствовал российский циркуляр с осуждением стамболовского правительства в 1893 г., хотя «практических результатов циркуляр иметь не может», а лишь «доказывает, что мы еще не вполне заснули» [4. Д. 11. Л. 414–414об.].

Некоторое время Киреев еще вынашивал надежды на возвращение «продажного плута» Баттенберга в Болгарию на русских штыках. «И с негодьями можно вести дела», – убеждал он Александра III, правда, только на страницах своего дневника [4. Д. 11. Л. 49, 140]. Даже в 1897 г., во время визита в Лондон в составе русской делегации, Киреев пытался затеять политическую интригу с братом уже покойного князя Александра – будущим адмиралом Людвигом Александром Баттенбергом. «Он весь наш, – радовался Киреев. – Положим, он каналья, но он готов нам служить (это ему выгодно), ну так и нам и нужно поступать так, чтобы он и остался при нас» [4. Д. 11. Л. 136].

В 1889 г. Киреев вновь стал зондировать почву в Министерстве иностранных дел на предмет возможного переворота в Болгарии под руководством Цанкова, но опять разочаровался пассивностью Гирса и явным отказом Александра III от идеи русской интервенции в Болгарию [4. Д. 11. Л. 118об., 128–128об., 136об., 263об., 327]. Этим объясняются грустные мысли Киреева в период его полемики в 1890 г. на страницах «Русского обозрения» и «Славянских известий» с В.А. Грингмутом, который оптимистически полагал, что «если какие-нибудь болгары *сами* образумятся и придут к нам с повинною, то тем лучше для них. В противном случае пусть они еще пожарятся в собственном соку и наслаются до полного пресыщения и отвращения всеми прелестями “европейской” культуры; когда пробьет наш час, мы их образумим заодно со всеми прочими народами Балканского полуострова» [12. 1890. № 9. С. 412, 425].

Все это на протяжении нескольких лет оставалось мечтами, на практике же лишь усиливалось финансовое и политическое влияние Австрии в Софии, что с прискорбием отмечал Киреев [4. Д. 11. Л. 185об., 205об., 210, 211об., 214–214об., 218, 303, 318, 360, 395, 406об., 417, 425об.; 17. Л. 5–5об., 7–8, 10, 113–114об., 135–136об., 150об., 151об.; 9. 1890. 9 IX С. 645]. В конечном счете, он постепенно пришел к идее необходимости примирения с новым князем. Уже в конце 1892 г. Киреев говорил герцогу Саксен-Веймарскому: «Мы бы ничего не имели против Фердинанда, если бы Фердинанд Кобургский сделался православным, но мы видим в нем представителя католицизма, иезуитов» [4. Д. 11. Л. 407об.].

После свержения и убийства Стамболова князь Фердинанд, как будто услышав снова генерала, восстановил отношения с Россией и в январе 1896 г. крестил в православие своего сына Бориса. Правда, крещение произошло в неканонической Болгарской православной церкви, отлученной от церковного общения с Константинополем, и потому не могло быть признано мировым православием. Тем

² А.Б. Лобанов-Ростовский, в 1882–1895 гг. посол России в Австро-Венгрии.

не менее, Киреев расценил крещение Бориса как реальный шаг к нормализации русско-болгарских отношений [4. Д. 11. Л. 45об., 47–48, 87; 17. Л. 156об.]. Следует отметить, что уже летом 1895 г. он в беседах с болгарским митрополитом Климентом зондировал почву для возможного изменения политической ситуации [4. Д. 11. Л. 22об., 25об.].

Вопрос о примирении с князем Фердинандом вскоре перешел для Киреева в практическую плоскость. В марте 1896 г. в Санкт-Петербургском Славянском благотворительном обществе произошел спор о том, следует ли впервые прибывающего в российскую столицу Фердинанда встречать хлебом-солью. Киреев в числе других членов общества отказался это сделать, вопреки настояниям М.Г. Черняева, однако в итоге произошла путаница, и князя встретить все-таки пришлось с соответствующими почестями, при этом Киреев утешал себя мыслью, что дальнейшая ставка на болгарскую оппозицию стала бессмысленной [4. Д. 11. Л. 54–54об., 56об.–57].

В 1897 г. тон Киреева по отношению к Кобургу изменился еще больше: «Мы, несомненно, могли держать Александра Баттенбергского в руках; сами его не только выпустили, а так сказать, *выбросили!* То же самое происходит теперь с Фердинандом, сам он отдался нам в руки, стоит только держать!» [4. Д. 11. Л. 140]. А уже 11 июля 1898 г. во время очередного визита в Россию князь Фердинанд лично посетил Киреева, жившего в Павловске в качестве адъютанта великой княгини Александры Иосифовны. Любопытна заметка генерала о будущем царе Борисе: «Миловидный мальчик, внимательно слушает». О самом же Фердинанде Киреев записал: «Человек отдаёт себя и руками и ногами в нашу власть! Ну бери его!». Пусть Фердинанд, подобно своему предшественнику, – «плут и пройдохинец», распустил Киреев, но «он принес повинную» и его нужно теперь превратить в союзника России [4. Д. 11. Л. 199об.–200]. Но признание болгарского правителя *de jure* со стороны России, конечно, Киреев желал обставить определенными условиями, прежде всего, назначением пророссийского правительства и отказом от антиросийской риторики, но этого сделано не было [4. Д. 11. Л. 247об.].

Начало XX в. ознаменовалось резким обострением македонского вопроса, где напрямую сталкивались интересы Сербии и Болгарии. В условиях, когда в Белграде и Софии продолжала находиться не очень дружественная России власть, Киреев считал необходимым российское посредничество и арбитраж в запутанном вопросе о принадлежности Македонии, а также заключение русско-болгарско-сербской военной конвенции [4. Д. 13. Л. 149]. Признавая невозможность простого раздела Македонии, во второй половине 1890-х годов Киреев писал: «Вопрос македонский не может быть решен иначе, как с помощью этнографических исследований, и притом не кем иным, как Россией» [4. Д. 11. Л. 84, 249–249об.]. Однако уже с 1900 г. он стал склоняться к тому, что македонцы – это болгары, и, общаясь с русским посланником в Болгарии Г.П. Бахметевым, проявлял немалую осведомленность о подготовке восстания [4. Д. 13. Л. 13, 27–27об., 52об.].

Когда ситуация к январю 1903 г. накалилась, Киреев размышлял: «Терпеть нет мочи! Если мы не вступимся – восстание неминуемо, а вместе с тем и занятие Македонии австрийскими войсками. Единственное средство – это временная передача управления Македонии смешанной дипломатической комиссии, а затем выделение ее в особый вилайет, управляемый христианином», по образцу маронитского вилайета в Ливане. При этом он считал необходимым совместный дипломатический демарш России, Германии и Австро-Венгрии против султана [4. Д. 13. Л. 203об.–204об.]. С другой стороны, визит Николая II к султану в Константинополь Киреев также одобрил как шаг к мирному разрешению македонского вопроса [4. Д. 13. Л. 208].

Подавление Илинденского восстания и Мюрцштегское соглашение, способствовавшее восстановлению турецкого господства в Македонии, было с негодовани-

ем встречено либерально настроенным племянником Киреева, известным общественным деятелем А.И. Новиковым [18. Л. 1–10об.]. Однако сам Киреев одобрил международное посредничество и появление в Македонии военных наблюдателей из нейтральных Бельгии и Швейцарии, в то же время критикуя российский МИД за нерешительность [4. Д. 13. Л. 260, 263об.–264].

Затем на долгие пять лет внимание А.А. Киреева было целиком поглощено внутренними российскими неурядицами, и лишь с 1908 г. он вновь активно обращает взор на балканские события, прежде всего, в связи с боснийским кризисом, в ходе которого Фердинанд провозгласил себя царем, а Болгарию – полностью независимой. Еще дважды – в феврале 1909 г. и в феврале 1910 г. – Киреев в составе делегации Славянского благотворительного общества встречал Фердинанда во время визита в Петербург («умная шельма», – вновь отметил генерал) [4. Д. 15. Л. 11об.–12, 84об.–85].

А.А. Киреев скончался в июле 1910 г., до последних дней страстно желая полного освобождения южнославянских земель. И если могила его брата до сих пор сохраняется в болгарском селе Киреево, то память о роли самого генерала Киреева, почетного члена Болгарского центрального благотворительного общества, которого с таким восторгом встречали болгары в 1882 г., еще нуждается в восстановлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кирил, митрополит Варненски и Великопреславски. Подвигът на болярина полковник Николай Киреев и освобождението на България. София, 2008.
2. Медоваров М.В. Генерал А.А. Киреев и сербские земли // Славистика. Београд, 2014. Вып. XVIII.
3. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 126. Оп. 2. Письма И.С. Аксакова.
4. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 126. Оп. 1. Дневник А.А. Киреева.
5. Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 гг. М., 1960.
6. Деволлан Г. Недавняя старина: Поездка в Сербию в 1876 году // Русский архив. 1879. Кн. 2. С. 339–376.
7. Хвостов А.Н. Русские и сербы в войну 1876 года за независимость христиан. Общий критический обзор. СПб., 1877.
8. [Стэд У.Т.] Депутат от России (Воспоминания и переписка О.А. Новиковой) / пер. с англ. СПб., 1909. Т. 1.
9. Славянские известия.
10. Киреев А.А. Сочинения в 2 т. СПб., 1912. Т. 2.
11. Известия СПб. Славянского благотворительного общества.
12. Русское обозрение. 1890. № 8.
13. Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993.
14. Русь.
15. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 120. П. 23. Д. 5. Копии писем разных лиц М.Н. Каткову.
16. О.К. [Novikoff O.] Russia's Retort // Pall Mall. 1886 September 15th.
17. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 224. К. 1. Д. 64. Письма А.А. Киреева С.А. Петровскому 1889–1895 гг.
18. РГАЛИ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 82. О международных отношениях. Конституционная монархия на Западе. Рукописи А.И. Новикова.

© 2016 г. Ю. ПИХУРИК

ПРАВДА СОЛДАТСКИХ ДНЕВНИКОВ И ВОЕННАЯ ПРОПАГАНДА В ВЕНГРИИ В 1942–1943 ГОДАХ

В статье анализируются дневниковые записи венгерских солдат об их фронтовых впечатлениях в период участия Венгрии в войне против Советского Союза.

The article explores the diary notes of the Hungarian soldiers about their combat impressions during Hungary's participation in the war against the Soviet Union.

Ключевые слова: Венгрия, Вторая мировая война, Сталинградская битва, М. Хорти.

Keywords: Hungary, World War Two, battle of Stalingrad, Miklós Horthy.

Венгрия принимала участие в войне против Советского Союза с 27 июня 1941 г. Одной из идеологических основ периода правления М. Хорти (1920–1944) был антибольшевизм, что облегчало объяснение цели войны и формирование образа врага: присоединение к вооруженному немецкому нападению рассматривалось как участие в «крестовом походе» против коммунизма. До 1944 г. издавались пропагандистские материалы, тематика которых примерно одинакова: с одной стороны, описание боев и идеализация образа венгерского и немецкого солдата, а также критика противника, с другой стороны, тенденциозное изображение советской действительности, призванное вызывать ужас. Согласно этим материалам, падение сталинского режима было очень близко, так как народ ждал освобождения, армия плохо снабжалась и была плохо вооружена, а солдат принуждали воевать методами террора. Часты были ссылки на то, что немецкое нападение лишь предупредило готовящееся нападение Советского Союза на Европу. Ни одно из этих положений не оправдывает участие в войне, ведь известно, что 22 июня 1941 г. именно Германия без объявления войны напала на Советский Союз, а осуждение внутреннего устройства страны, в данном случае сталинского СССР, не может служить поводом для внешнего вмешательства. Однако большинство упомянутых источников приводят эти аргументы, как достаточный повод для войны.

26 июня 1941 г. три неопознанных самолета бомбили город Кошице, после этого на основании решения Хорти, ссылаясь на советское нападение¹, премьер министр Л. Бардоши объявил состояние войны. С 1 июля восьмидесятитысячную карпатскую группировку [1] перебросили на советский театр военных действий. Стремление сохранить присоединенные территории² и надежда на продолжение этого процесса послужили, вероятно, основными мотивами при принятии реше-

Пихурик Юдит – канд. ист. наук, доцент Сегедского университета (Венгрия).

¹ До сих пор не известно, чьи это были самолеты, доказательств их принадлежности той или иной стороне нет.

² В соответствии с Трианонским договором 1920 г., Венгрия потеряла 57% территории и две трети населения. Между 1938 г. и 1941 г. при поддержке Германии некоторые территории были вновь присоединены к Венгрии.

ния о вступлении в войну, в результате которого в январе 1942 г. Германия уже требовала участия в ней вооруженных сил Венгрии³ в полном составе. Венгерскому руководству удалось добиться того, что немцы удовлетворились отправкой Второй венгерской армии. В апреле 1942 г. уже начались комплектование и отправка войск, а к концу лета 207 тыс. человек прибыли на линию фронта южнее Воронежа, в район Дона. После большой перегруппировки советских войск в ноябре 1942 г. началось их контрнаступление, результатом которого стало освобождение Сталинграда, а Вторая венгерская армия понесла колоссальные потери и была разгромлена. Погибли примерно 50 тыс. военнослужащих и призванных на трудовую службу, столько же были ранены, а количество попавших плен составляло примерно 28 тыс. человек.

Несмотря на отсутствие у Венгрии территориальных претензий к Советскому Союзу, милитаристские настроения, которые раздувала пропаганда летом 1941 г., создали условия для поддержки политического решения о вступлении в войну. После начала немецкого наступления соотношение сил, на первый взгляд, изменилось. Быстрое продвижение немецких войск создавало уверенность, что победа близка и главные силы противника уничтожены. Венгерское руководство не имело ясного представления о советском военном потенциале⁴, однако в течение 1942 г. стало ясно, в каком трудном положении оказались наступающие, имеющие дело вовсе не с побежденным противником. Но внутри страны и дальше стремились поддержать односторонний взгляд на происходящее, было важно, чтобы возвращающиеся с фронта описывали положение соответственно официальным взглядам. Общественное мнение по-прежнему не получало информации о снаряжении и снабжении венгерских войск, публиковались лишь описания отдельных боевых действий, эпизодов войны. Истинное положение Второй венгерской армии, ее поражение, потери и отступление практически не освещались, и даже после января 1943 г. пропаганда продолжала пророчить скорую победу.

Сохранилось немало записей фронтовых впечатлений, многие из которых были изданы в 1942–1943 гг. В них закономерный во время войны под влиянием внутренней пропаганды негативный образ врага сочетался с искажениями реалий советской системы. Неопубликованные дневники дают возможность получить более объективную картину и не во всем совпадают с тенденциозно отобранными материалами, предназначенными для печати. Сохранившиеся рукописи подтверждают, что большинство солдат в 1942 г. шли на фронт с энтузиазмом в надежде на быструю летнюю победу, веря, что они предотвращают советское нападение и борются с большевизмом. Со временем становилось все более очевидным, что снабжение затруднено, а нападающей армии противостоит упорно сопротивляющийся противник. С наступлением зимы судьба венгерских солдат была окончательно предрешена: они должны были обеспечить оборону двухсоткилометрового участка фронта. Вооружения было недостаточно, большинство лошадей пали, автотранспорт вышел из строя, не хватало бензина, ощущались перебои в поставках продовольствия, войска не получили вовремя зимнего обмундирования. Первоначальное воодушевление сменилось сомнениями, чувством неуверенности: в записях встречается все больше горьких замечаний. Солдаты не чувствовали заботы и внимания со стороны оставшихся на родине, жаловались на недостаточную поддержку немецких союзников и бессмысленные приказы командования.

³ По Трианонскому договору, страна могла иметь армию до 35 тыс. человек, но с 1938 г. численность армии заметно увеличилась, особенно с началом Второй мировой войны. В 1942 г. еще три венгерские армии находились в процессе организации.

⁴ Эффективность советской армии большей частью недооценивалась. Бывший военный атташе в Москве Габор Фараго (Faragho Gábor) был лучше информирован. Он, хотя и знал об арестах командного состава, считал, что Сталин делал все для армии и обеспечил ее современным вооружением [2. 70. old.].

Типичным примером может служить отданное во время отступления распоряжение, строго требующее соблюдения предписанного внешнего вида [3]. В сорокаградусный мороз, без соответствующего обмундирования и зимних сапог, при нехватке продовольствия солдаты должны были строго соблюдать форму одежды и иметь часто отсутствующее снаряжение.

На фронте было запрещено вести дневники, но, несмотря на это, до нас дошло значительное количество рукописей [4]⁵. Это важные источники, так как они точно отражают изменение взглядов и мнений солдат и офицеров. По мере накопления опыта у авторов записей появлялось все больше сомнений, хотя советский режим большинство из них поразил. Сохранившиеся дневники и заметки дают возможность составить более полную картину о том, каким видели Советский Союз венгерские солдаты, как они относились к войне, своей роли в ней.

К другой группе источников относятся записки, опубликованные с пропагандистской целью, написанные по призыву начальника Генштаба Ференца Сомбатхеи (Szombathelyi Ferenc) [7]. Большая часть их представляла собой описание боевых действий. Были также подготовлены издания на основании репортажей военных корреспондентов [8–9], печатались отдельные записки, многие делились своими впечатлениями⁶. Большинство опубликованных работ являются тенденциозными подборками, призванными поддержать энтузиазм даже в то время, когда с ноября 1942 г. стало понятно: за поспешное решение придется заплатить огромную цену. Сохранилось относительно немного литературы подобного рода, так как в 1945 г. отдел печати при президиуме Совета министров Венгрии составил «Список фашистской и антисоветской печатной продукции» и указание об их уничтожении. Распоряжение было очень строгим, но в частных собраниях или случайно какое-то количество экземпляров сохранилось.

Чрезвычайно интересно сравнить картину, которую рисуют вышеупомянутые источники и живой опыт авторов дневников. Позиции современников тех событий очевидно противоречат друг другу: бросается в глаза разница между работами, концентрирующимися лишь на жестокости советского режима, иногда удивительно прозорливыми, но чаще построенными на предрассудках и написанными в пропагандистских целях, и дневниками, рассматривающими ситуацию с разных сторон. На основании последних можно понять: не все соглашались с тем, что задачей Венгрии является борьба со сталинским режимом, солдаты все меньше верили, что на Дону они защищают собственные границы. В то же время очевидно, что и тут невозможно было избежать влияния пропаганды, во многих рукописях всплывают знакомые штампы. Это закономерно, так как «образ врага» внушался солдатам перед отправкой на фронт и сохранялся до прибытия к театру военных действий. Но затем в большинстве случаев в дневниках появляются записи о сомнениях, разочаровании и чувстве безысходности. Оценка большевизма не меняется, но представления о целях войны и о «русских», как называет большинство авторов дневников все народы, живущие в Советском Союзе, становятся все более дифференцированными.

Из-за небольшого объема статьи я подробнее проанализирую два источника. Один из них – написанный в 1942 г. фронтовой дневник капрала Петера Пала Кечкеша [10], который в течение десятилетий хранился в его семье, второй – впечатления с поля боя Йозефа Богдана, опубликованные осенью 1942 г. [11]⁷.

⁵ В семьях может находиться еще много рукописей. В недавнем прошлом опубликовано несколько дневников, например [5–6].

⁶ Например, «Венгерский солдат на войне против советов». Чтение в марте 1942 г. в серии общеобразовательных лекций при поддержке предприятия «Magyar Optikai Művek Rt.». Автор неизвестен.

⁷ Записки Богдана опубликованы в [11. 1942. № 6, 8–11], а также в календаре «Скорбящей Богородицы» 1943 г., на основании которого было подготовлено отдельное издание. Нумерация страниц дается по отдельному изданию.

Содержание дневника капрала Петера Пала Кечкеша можно считать типичным, однако это особый источник, так как до сих пор обнаружено немного записок, написанных рядовым составом. 36-летний отец троих детей, капрал был по профессии корзинщиком. Дневник он вел с 26 июня до 19 октября 1942 г. Во время отпуска в октябре оставил дневник дома. В январе 1943 г. погиб при Острогожске, вероятно при прорыве из города.

Кечкеш был призван из запаса в апреле 1942 г., 26 июня его часть⁸ отправилась по железной дороге из г. Кишкунфеледьхаза и 1 июля прибыла в Решицу. Оттуда, после полуторамесячного 960-километрового пешего перехода, часть 14 августа прибыла в прифронтовую полосу в район Дона и без отдыха была брошена в бой.

В августе и сентябре Кечкеш принял участие в боях за мост у Урыва и Коротояка. В дневниках точно отражен «взгляд снизу» на исторические события, когда из повседневной жизни, от семьи человек попадает на войну, при этом он лишен возможности принимать решения и влиять даже на свою судьбу, не говоря уже о судьбе других. Его образ мыслей, взгляды, настроения, чувства и их перемены проявляются в уникальном документе новой истории. Большинство записей дневника касаются обстоятельств похода, снабжения и конкретных событий, мы можем получить точную картину настроений в армии, а также впечатлений от Советского Союза. Поначалу в дневнике проявляется воздействие пропаганды, смысл участия в войне не подвергается сомнениям. Чувствуется влияние распространенных идеологий той эпохи – антибольшевизма и антисемитизма. Впервые Кечкеш упоминает о следах войны 28 июня, но не вдается в подробности. 29 июня он уже пишет о партизанской опасности, когда часть перешла прежнеею границу Польши и СССР. 30 июня автор записей увидел первые солдатские могилы, по его словам: «Могилы пионеров-мучеников нового мира, погибших в борьбе за лучшее будущее» [10. 26 old.]. Тогда еще он искренне верил, что задачей венгерской армии является участие в разгроме большевизма и вдали от дома она защищает родину.

Со 2 июля часть продвигалась пешком, таким образом автор мог непосредственно наблюдать жизнь оккупированных территорий. Чрезвычайно интересны записи Кечкеша, содержащие описания населенных пунктов, домов и их жителей. 1 августа он писал: «“Хозяин” молодой русский, весьма приветливый, мы сказали ему, что хотим купить “картошка” за деньги или в обмен на мыло или спички. Он тут же накопал ее на огороде, мы дали ему 3 куска мыла, он дал лука, за это мы дали ему еще мыла, обе стороны были довольны сделкой. После короткого совещания, было решено приготовить картошку с паприкой. Картофель, жир и лук есть, начинаем охоту за солью, стручковым перцем и посудой. Посуда нашлась после короткого обмена мнениями в течение 15 минут, а именно столько потребовалось, чтобы объяснить молодке, что мы от нее хотим, затем нашлась соль и маленький перчик. На улице огонь разводить запрещено, ищу в доме плиту – не нахожу [...] В середине комнаты встроена четырехугольная печь, в ней разводят огонь, ставят кастрюлю на трехногую подставку и так готовят [...] Когда хотят помешать или посмотреть, что варится, или готова ли еда, есть железный полукруг, насаженный на длинную ручку, им поддевают кастрюлю, поднимают с подставки и вынимают, а если надо, также ставят обратно [...] Русская молодка с удивлением смотрела, когда я положил в кастрюлю жир, а затем лук, и когда лук поджарился, добавил тушиться промытую несколько раз картошку. Она смотрела, что из этого получится. Потому что они кладут картошку, наливают сверху воды, добавляют немного соли, и когда сварится, едят [...] Когда картошка хорошо потушилась в жире с луком, перцем и солью, я долил в нее воды и поставил обратно

⁸ III батальон 7-го кечкемитского пехотного полка.

в печь печься, то есть, пардон, вариться. Когда картошка была готовы мы дали им попробовать, им очень понравилось. Мы дали им немного жира, а они дали за это молока» [10. 45 old.].

В зависимости от дороги, часть проходила по 25–40 км в день. По дневнику хорошо видно, как первоначальное воодушевление сменилось безразличием, а затем и разочарованием. 6 августа, после 770 км перехода, в дневнике появилась первая запись, отражающая отчаяние: «Мы чувствуем себя так, что если прилетит самолет, никто не выйдет из палатки, пусть летят осколки. Народ отчаялся, почему, писать не буду» [10. 50 old.].

Местами в повседневные записи вкраплены потрясающие сообщения, как, например, 7 августа: «Сегодня нам выдали и минеральную воду. Сегодня девять человек из роты были в наказание привязаны к столбам. День немного скучный с духовной стороны, нет газет, радио, нечего читать, ничего нет» [10. 50–51 old.]. Автор не сообщает причину наказания, он говорит об этом событии, как о повседневном. Как и далее: «Мы на марше, курить запрещено. Один солдат в колонне, Антал Й., застрелился. В 4 часа утра светает, разрешают курить» [10. 53 old.]. Очевидно, что речь идет не о бесчувственности, кажущаяся безучастность может быть следствием усталости и разочарования. С течением времени в дневнике все больше сомнений, отчаянных записей. Кечкеш опасался, что о нем забыли, в то же время он боялся, что его близкие узнают, в каких условиях он живет и сражается. Потрясающий переворот в настроении происходит в течение чуть более двух недель, после августовских боев. 13 сентября Кечкеш записал: «То, что здесь происходит, самое дно человеческой грязи» [10. 84 old.]. Опыт боев, вызвал следующий вывод: «Это война разрушение, уничтожение жизни и добра» [10. 88 old.].

В отличие от дневника Кечкеша, воспоминания октября 1942 г. старшего лейтенанта запаса, зубного врача из г. Мако д-ра Йожефа Богдана (Bogdán József) «Наш путь и бои в восточном красном аду» представляют собой типичный пример пропагандистского издания. Их автор записал впечатления об опыте шестимесячной военной службы уже после возвращения домой. Как и в большинстве подобных изданий, здесь дается однозначно негативная картина советского режима, народа и армии, распространенные в то время стереотипы и представления перемешаны с фрагментами пережитого в действительности. Воспоминания написаны еще в состоянии веры в победу и показывают, что автор собрал множество наблюдений о повседневной жизни, жестокостях сталинизма, но его мнение формировалось под сильным влиянием пропагандистских предрассудков

Богдан был призван в апреле 1942 г. и служил врачом⁹. Он принимал участие в боевых действиях в августе и сентябре, но вернулся домой еще до наступления зимы и трагического поражения. В воспоминаниях он упоминает о методах партизанской войны и о столкновениях с партизанами. Он пишет о них, как «о самом подлом, но и самом решительном сбросе» [11. 15 old.]. Многие в наступающей венгерской армии думали также о не желающем сдаваться противнике, в то же время эта тема представляла наибольшую трудность при осмыслении солдатами происходящего. Многие поверили, что являются освободителями и их будут встречать соответствующим образом, поэтому им трудно было понять партизан и население, которое их поддерживало¹⁰.

⁹ 117-я саперная рота V сегедского корпуса.

¹⁰ С сочувствием писал о партизанах в дневнике Феринц Шоморай (Somorjai Ferenc): «В Крамах каждый день вешают по 3–4 партизана. Они на самом верхнем этаже большого здания, внизу больница, поэтому русские его не бомбят. Оттуда их иногда выводят на казнь; их близкие в отчаянии целыми днями стоят вокруг тюрьмы. Пленных кормят родственники и не знают, когда и кого поведут казнить. [...] Ужасно. Несчастные люди, они тоже жертвы обстоятельств» [6. P. 17].

Богдан подробно писал о наблюдениях во время полуторамесячного марша. В первую очередь его поразило отсутствие действующих храмов, они были перекрашены, переделаны и «несли печать запустения и варварства». Вообще многие писали о разрушенных или использующихся в целях пропаганды церквях. Богдан также отмечал отсутствие вкуса и комфорта в новых зданиях. Он писал об огромных общественных зданиях, служащих «большевистской идее централизации», например вокзалах. Автор считал это доказательством того, что большевики проектировали их для своей наступающей армии [11. 3 old.]¹¹. Трудно определить, где проходит граница между личным опытом и предрассудками, так как описания автора кажутся достоверными, но объяснения часто предвзяты: он сообщает, что в государственных квартирах можно жить до тех пор, пока это нравится «распределяющим квартиры большевистским жидокомиссарам». Ясно, что Богдан не мог иметь об этом непосредственной информации, и он привел объяснения, подсказанные венгерской пропагандой. Антисемитская риторика встречается в записках не один раз, и в этом автор не одинок, большевизм и еврейство смешивают и многие другие авторы. Антисемитская политика внутри страны переплеталась с военной пропагандой, все злоупотребления сталинского режима долго рассматривали как преступления евреев, встречалась и точка зрения, согласно которой сам большевизм был изобретен и построен евреями (см. [12. 13, 33 old.; 8. 39, 43 old.; 2. 106, 110–111 old.; 7. 144 old.]).

Из записок Богдана следует, что в деревнях положение было еще ужаснее, чем в городах. Здесь большинство домов было крыто соломой, люди жили в тесноте, зимой вместе со скотом. Об этом упоминают и другие источники [7. 132 old.], объясняя это неприхотливостью¹², и отмечают грязь и вонь. В описаниях условий жизни чувствуется взгляд со стороны, с дистанции, часто с иронией. Действие большевистской пропаганды автор объясняет записанным с чужих слов рассказом о том, что в школах детей с завязанными глазами сначала заставляют просить хлеба у Бога, а когда их желание не сбывается, они просят у Сталина, и тогда учитель кладет перед ними хлеб. Этим объясняется как фанатичная вера молодежи в неизбежность коммунизма, так и то, что «русский народ превратился в бездушную орду» [8. 8 old.]¹³.

В записках Богдана чувствуется даже некоторое сочувствие по отношению к угнетенным крестьянам. В других источниках также встречаются описания поразительных случаев. Кто-то, комментируя события, пытается найти их причины, другие видят причины всех бед в русском характере [2. 107–109 old.; 10. 34 old.; 7. 143–144 old.]. Богдан также сделал общий вывод: «Они редко могут создать что-либо серьезное в одиночку, все делается сообща. Объехав более 800 сел, я много интересовался развитием народной души и пришел к выводу о том, что, наверное, в русском народе нет инициативы, склонности к индивидуальной жизни, которая присуща другим европейским народам, и благодаря этому коммунизм смог пустить в нем столь глубокие корни. К этому следует добавить азиатские расстояния, ужасные дороги, труднодоступность железных дорог, а главное, полное отсутствие здравомыслящего среднего класса. Нигде ни одного священника,

¹¹ Шандор Ревницкий (Reviczky Sándor) в произведении «A vörös hadi készületség és a tömeg élete» («Боевая готовность Красной армии и жизнь масс») высказал сходное мнение. Он писал о «невероятно превосходящей» технической подготовке Советского Союза и признаках грандиозных приготовлений, которые «близятся к завершению». Немецкое (и венгерское) нападение, по его мнению, носило превентивный характер, в противном случае Советы можно было бы остановить лишь ценой огромных потерь и разрушений [7. 172 old.].

¹² Шебештьен Копань (Koppány Sebestyén) в воспоминаниях объясняет маленькие окна и единственное помещение в русских домах холодной зимой [4. 3115].

¹³ Сходный пример приводит Габор Веребей (Verebély Gábor) в записках, озаглавленных «Дядя Сталин поможет» [7. 169 old.].

почти нет учителей, врачей, трудно найти аптекаря в радиусе ста километров» [11. 10 old.].

Продолжение снова тенденциозно. Автор предполагает, что сельская интеллигенция состояла сплошь из евреев и бежала с отступающей армией. Очевидно, что он не был знаком с общественными проблемами советской российской истории и привел расхожий пропагандистский штамп.

Общая картина иногда скрашивается подробностями, в тексте встречаются и сюжеты, вызывающие смех. Богдану на Дону рассказали о традициях выбора невест. Суть в том, что жена должна уметь хорошо работать, чтобы не пришлось работать мужу. Жена работает, воспитывает детей, а «мужчина уже сотни лет занимается только лошадьми с этим снаряжением. Он отличный наездник, прекрасный поет и чрезвычайно много советуется» [11. 11 old.].

Богдан описывает случай, когда он вылечил ожоги у девочки, и жители деревни предложили ему остаться у них и даже выписать семью. В благодарность они принесли ему продукты: свежую сметану, яйца, морковь. Эта информация противоречит более ранним сообщениям Богдана о нехватке продуктов на оккупированных территориях. Здесь же получается, что население имело запасы. В связи с этим случаем автор рассказывает о снабжении венгерской армии. Еду, получаемую от немцев, он считает немного непривычной, но безупречной, «почти отличной», гигиеничной, разбитой на порции в тюбиках, при этом дается описание отдельных блюд [11. 12–13 old.]. По утверждению автора, единственным недостатком питания было то, что пока под огнем противника свежеприготовленную вкусную еду доставляли солдатам, она могла остыть. Другой венгерский военнослужащий, Лайош Руми (Rumy Lajos), напротив, писал: «Непривычны были для венгерских желудков пудинговый порошок, леденцы, сардины (по мнению солдат змеиное мясо), искусственный мед, сардинный паштет, разные сыры, часто в тюбиках, безвкусный хлеб, так называемый Dauerbrot, чай, которому солдаты приписывали волшебную силу и окрестили “ослабляющий чай” и т.д. и т.п.». И в то же время Руми отмечал, что население не выглядит голодным [4. 3160]. И это более соответствует фронтовым условиям и сведениям других источников о рационе солдат вермахта. Вероятно, целью Богдана было успокоить оставшихся в Венгрии, так как многие источники указывают на трудности в снабжении. Например, Петер Пал Кечкеш уже на линии фронта записал: «Мы очень голодны, второй день нет питания, может быть получим сегодня к вечеру, ждем вечера с нетерпением [...] Тот, кто не испытал, что такое война, не может ее себе даже представить. Голодным, без воды, усталым, грязным и не выпавшимся, ты должен все же быть, как нормальный человек» [10. 62 old.]. После этих записей можно отнестись только с иронией к замечанию Богдана о том, что он был бы рад, вернувшись домой в октябре, столкнуться с продуктовыми ограничениями, так как мог испортить желудок после «здорового систематичного питания» [11. 12 old.].

Часть Богдана прибыла на линию фронта 26 июня 1942 г. Довольно живо он описывает начавшиеся сразу после перехода в 800–1000 км и продолжавшиеся 11 дней бои. Заслуживает особого внимания замечание о героизме истощенных солдат, так как автор упоминал лишь об отдохнувшем подкреплении, которое доставлялось на грузовиках [11. 12 old.]. О дальнейших событиях, о боях за мост в августе и сентябре наш автор уже ничего не написал, а в октябре он вернулся на родину.

Тогда он еще мог верить, что есть надежда на победу, его вера в справедливую войну еще не пошатнулась. 30 января 1943 г. в «Makói Újság» еще появилась написанная по воспоминаниям Богдана статья под названием «Саперы впереди», которая посвящена бою 11 августа 1942 г. и характеризует обороняющиеся советские войска следующим образом: «кровожадная пьяная орда, подгоняемая политруками». В то время, как десятки тысяч венгерских солдат погибли, замерзли,

попали в плен, описание боев на советском фронте все так же было далеко от реальности. Об участке фронта, где окруженные 13 января остатки венгерской армии 25 января сложили оружие, 30 января писали следующее: «Враг бросил в бой большие силы, однако его атаки были нами решительно отбиты и враг понес кровавые потери» [11. 1943. 30 I].

На двух выбранных примерах хорошо можно видеть характерные особенности групп источников. Дневник Петера Пала Кечкеша дает откровенную и достоверную картину мотивации воюющих солдат. Это глубоко личные записки, отражающие изменения настроений и чувств, дополняющие с ментальной и общественно-исторической стороны историю трагедии Второй венгерской армии в излучине Дона. Воспоминания Йожефа Богдана призваны подкрепить картину, созданную военной пропагандой. Он считал, что немецкое нападение опередило советское, а целью его является уничтожение большевизма и освобождение советского народа, и не замечал противоречий, например, что эти аргументы не применимы к другим захваченным немцами странам, он также не задумывается, какой освободитель может получиться из нацистской Германии.

Пер. с венгерского языка А. Заварзина

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Szabó P. Németország szövetségei az 1941. évi szovjetunióbeli hadműveletekben // Hadtörténelmi Közlemények. 2001. № 4.
2. Faragho G. Szovjetország. Budapest, 1942.
3. Hadtörténelmi Levéltár. 2. hadsereg iratai 30. fasc. Hadseregparancs. 1943. I. 24. Jány Gusztáv hadseregparancsának 7. pontja.
4. Hadtörténelmi Levéltár. Tanulmánygyűjtemény.
5. Dr. Bereczky Sándor orvos zászlós: Naplórészletek a Don kanyarból... A doni 2. hadseregben derűs percek is voltak... H. n., 2000.
6. Dr. Somorjai Lajos: Megjártam a Don-kanyart. Harctéri napló. Oroszország, 1942–1943. Budapest, 2002.
7. Honvédeink Vörösországról. Budapest, 1942.
8. Bojadzsiév M. Mit láttak a haditudósítók Vörös-Oroszországban? Európa és a bolsevizmus III. Budapest, 1942.
9. Hat haditudósító a vörös fronton. Budapest, 1942.
10. Kecskés P. Honvédnapló a keleti frontról. 1942. június 26 – október 19. Szeged, 2002.
11. Makói Újság.
12. A bolsevizmus a parasztság ellen. Kép a szovjet igazi arcáról. Budapest, 1943.

Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. Сборник статей / Отв. ред. Р.П. Гришина. М., 2014. 634 с.

Публикация российским академическим Институтом славяноведения совместно с болгарским Институтом балканистики и центром фракологии Болгарской академии наук, сербским академическим Институтом балканистики и Институтом по изучению Юго-Восточной Европы Румынской академии наук рецензируемого сборника стала интересным событием как зарубежной, так и отечественной историографии по нескольким причинам. Во-первых, отчетливо проявилась многократно подтвержденная научной практикой тесная взаимосвязь национальной истории, обществ и государств славянских и неславянских народов Балканского региона, что еще раз доказывает справедливость тезиса нераздельности славяноведения и балканистики, научно-институционально закрепленного ранее в существовании до 1997 г. российского Института славяноведения и балканистики. Во-вторых, авторы-участники сборника с российской стороны, и это имеет онтологический смысл при анализе происходящих в российской историографии процессов, легитимировали столь часто ранее критикуемый отечественными сторонниками культурно-политической архаики и неосоветизма «постмодернистский тренд» в исторических исследованиях, а именно: они взялись за изучение внешнеполитической мысли с позиций признания факта существования в ней как одного из важных элементов такого феномена как проектность. Это особенно важно с учетом уже присутствовавшего ранее в российской историографической традиции исследований конкретных внешнеполитических проектов (в частности, например, «греческого проекта»)

и отказа, к сожалению, от использования этого понятия применительно ко многим другим аналогичным геопространственным внешнеполитическим концептам. Побудительной причиной «балканского проектирования», как об этом свидетельствует вводная статья К.В. Никифорова, являлась конфликтогенная составляющая региональных процессов государствообразования и нациостроительства, что нашло выражение в разработке различных форм объединительной региональной модели – Балканской или Дунайской (кон)федерации и Балканского союза (с. 3, 5), и уже позже включение Балкан в надрегиональные – Европейский союз (с. 5). Весьма примечательным в этой связи является позиция автора введения, выступающего за «суверенизацию Балкан» под имевшим определенную популярность на различных этапах исторического развития региона лозунгом «Балканы для балканских народов», используемом как антитезис реализуемому на практике вхождению государств региона в евроатлантическое сообщество, когда, по словам К.В. Никифорова, происходит их «пустить и добровольное подчинение, на этот раз “европейской империи”» (с. 6).

Будучи разделенным на пять блоков, сборник включает статьи, в которых рассматриваются различные аспекты эволюции проектов геопространственного политического переустройства Балканского региона, а среди главных из них, о чем свидетельствуют помещенные в издание статьи отечественных и зарубежных историков, выделяются в хронологическом порядке национальная и славянская идеи, югославизм, региональная федерализация, политико-экономическая интеграция и так

называемые исторические контекстные проекты на национальном уровне.

Рассматривая эволюцию «славянской идеи» и ее крайней формы – панславизма, авторы статей – К.В. Никифоров, И.В. Чуркина и И. Манасиева обращают внимание как на ее внутривнутриполитическое значение в контексте исторической действительности России, Болгарии и Украины, так и ее внешнеполитической роли как государственного и общественного проекта. В этой связи, первый из упомянутых исследователей – К.В. Никифоров, давая собственную интерпретацию развития славянской идеи в виде концепции славянской взаимности делает вывод о том, что «панславизм как идея собирания славянских стран в составе России никогда не имел в России широкого распространения, никогда не был программой официальной внешней политики России» (с. 10). Это справедливое во многом утверждение все-таки требует определенного уточнения, а именно: панславизм как идеологический проект был рассчитан и на децентрализацию самосознания славянских народов, находившихся в составе Российской империи, в частности, поляков, белорусов и украинцев. Что же касается масштабности распространения идей славянского единства и панславизма, то, как отмечает И.В. Чуркина, они «имели успех у ряда деятелей славянских национальных движений, а также были распространены и в некоторых российских общественных кругах. В одно время они охватывали более широкие массы славян, в другое – оставались идеологией небольших групп славянской интеллигенции» (с. 19). Контекстный характер оформления славистских и панславистских идеологических конструктов определяется автором событиями Крымской войны (с. 20), а степень их влияния связывается с конкретными общественно-политическими фигурами Ф.В. Булгарина, М.П. Погодина и К.С. Аксакова, хотя и расходившихся во взглядах на вопросы российского внутривнутриполитического развития. В этой связи славянистичное «идеопроектирование» рассматривается И.В. Чуркиной как достаточно противоречивый феномен имперской России, когда панславизм и славянофильство действовало на разных уровнях общества (с. 31). Парадоксальный характер славянской идеи, выдвигавшейся украинскими общественными и политическими деятелями накануне и в годы Первой мировой войны рассматривается в статье болгарской исследовательницы

И. Манасиевой. Именно в ее работе показана роль «славянского проекта» с другой, не российской стороны, когда этот конструкт выступил инструментом украинского освободительного движения и всеукраинского антиимперского объединения на примере действия Союза за освобождение Украины (СОУ), действовавшего в Болгарии. Обращаясь к примеру последней, идеологи СОУ пришли к выводу о том, «что борьба украинцев, также представлявших собой сельскую нацию, и помощь Центральным державам могли бы привести к созданию украинского государства, чем был бы нанесен “самый решительный удар по панславистской идее России”» (с. 121).

Проевропейский и пророссийский векторы в идеологических концепциях освободительных движений, как показано в статье М.М. Фроловой, посвященной развитию униатского движения в Западной Македонии в 1856–1871 гг., выявили сочетание славизма и православия в деятельности российской дипломатии на Балканах, и, в частности, в отношении болгар. Именно эта «идеологическая комбинация» рассматривалась ею как одно из важнейших направлений по оказанию влияния на славянское население региона. Со своей стороны, одно из славянских балканских государств – Сербия накануне Балканских войн 1912–1913 г., как это показал сербский ученый Д.Т. Батакович, столкнулась с австро-венгерским проектом создания албанского государства. По мнению автора, проектирование идеи «автономной Албании, границы которой соответствовали бы максимальным требованиям албанских националистов, позволило бы Вене получить полный контроль над центральными и юго-западными районами балканского полуострова» (с. 69). Развитие ситуации по данному сценарию в конъюнктурных интересах Австро-Венгрии, что вероятно, следовало бы отметить, совпадало с объективными интересами национально-освободительного движения албанцев, которые, несмотря на провозглашение в ноябре 1912 г. независимости, так и не добились вплоть до июля 1913 г. создания собственного государства из-за внешнего противодействия. Сам же термин «Великая Албания» (с. 69), в отличие от аналогичного словосочетания, официально употреблявшегося в политических программах большинства Балканских стран, в албанской лингвистической традиции фактически не используется, и имеет хождение термин

«этническая Албания» и «естественная Албания», т.е. территория с автохтонным (даже не старожильческим!) подавляющим албанским населением (имелись в виду четыре вилайета Османской империи – Косовский, Шкодерский, Манастирский и Янинский). Комплекс национально-территориальных вопросов Балканского вопроса начала XX в. будет не полно представлен, если не обратиться, как это сделал автор статьи в сборнике Д.О. Лабаури, к теме Внутренней македонско-одринской революционной организации (ВМОРО) накануне Первой мировой войны и ее проектах решения македонского вопроса. Весьма примечательным в данной связи является вывод о том, что «во второй половине 1913 – первой половине 1914 гг. закладывается фундамент синхронной дипломатии ВМОРО и официальной Софии, которая в итоге и внесла в последующем свою лепту в непростой выбор Болгарией стороны участия в Первой мировой войне» (с. 111), а по сути попыталась превратить ВМОРО в инструмент реализации «македонского проекта».

Однако «проектные» концепты, формулировавшиеся в отношении Балкан, имели как локальное геопространственное измерение, так и более общее, базирующееся на принципах солидарности южнославянских народов, что способствовало появлению этнополитического конструкта, вошедшего в историю под названием югославизм. В данной связи, примечательным фактом, отмеченным А.Л. Шемякиным – автором статьи, посвященной известному сербскому политику и главе влиятельной Радикальной партии Николе Пашичу и его проекту сербско-болгарского союза в 70–80-х годах XIX в., было то, что «отрицая универсальный характер исторического пути Европы и ее образцов, сербские радикалы провозгласили в качестве главной задачи защиту сербской *самобытности* (выделено А.Л. Шемякиным), каковую они отождествляли с только что обретенной свободой» (с. 137). Таким образом, двуединый союз/федерация выступал в роли инструмента сохранения идентичности как сербов, так, судя по взглядам сторонников Пашича, и болгар, при скрепляющей роли их общего неприятия европеизма. Особенность формирования идеологии югославизма как основы для практического государствостроительства имела также и хорватское «измерение». Болгарский историк Св. Елдаров, отмечает, что «не будет

преувеличением сказать, что накануне, во время и непосредственно после Балканских войн хорватское общество пережило настоящую идейную, социальную и политическую революцию. Наиболее важным ее последствием стал радикализм перехода от неославизма к югославизму» (с. 157). В Словении, являвшейся также как и Хорватия частью Австро-Венгерской монархии, югославизм становился в ходе Первой мировой войны одним из проектов национальных политических сил, видевших в нем возможность достижения равноправия для южнославянских народов империи, что нашло отражение в статье российского историка Н.С. Пилько, отмечавшей как данный факт, так и последующую эволюцию югославянского проекта в направлении уже создания южнославянской государственности, при том что «развернулось скрытое соперничество между Сербией, с одной стороны, и хорватами и словенцами в эмиграции, с другой, – кто возглавит объединение» (с. 189). Этот процесс приобрел к концу Первой мировой войны формы конкретных усилий, направленных на образование государственности на принципах югославянской солидарности, что нашло отражение в статье российского историка Ю.В. Лобачевой, посвященной проектам реализации югославянской интеграции в период Первой мировой войны, выразившихся в создании Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1918 г. Примечательным в данной связи было то, что «после краха царской России в феврале 1917 г., на которую рассчитывали политики Сербии в реализации собственных национальных интересов, ее правительство пошло на сотрудничество с Югославянским комитетом, в лице которого был найден новый союзник для осуществления программы югославянского объединения» (с. 178). Таким образом, фактически выявилась в целом роль Югославянского комитета не только как генератора югославянского проекта, но и в определенной степени инструмента внешнеполитического планирования Белграда. Развитие югославянской идеи и ее реализации в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС) в 1918–1929 гг. оказались в центре внимания отечественного историка А.А. Силкина – автора статьи в сборнике и явились продолжением поднятой ранее темы: роли и места политических кругов Сербии в трансформации югославянского государственного проекта. Борьба между

централистско-унитаристским и федеративно-территориальным принципами Королевства СХС стала фактически причиной его внутривнутриполитического и институционального кризиса и «в конце 1920-х годов Югославия оставалась все тем же разобщенным территориальным образованием, каким она была десятью годами раньше» (с. 217).

Концептуализация возможного выхода Балкан из перманентно кризисной региональной ситуации, порожденной широким комплексом противоречий, превращал любой озвучиваемый интеграционный проект в объект как общенационального, так и регионального дискурсов. В этой связи, если идея югославизма имела в основе этнополитический принцип единства югославянских народов, то общевосточный геополитический конструкт был рассчитан на более широкий круг участников. В статье болгарской исследовательницы Р. Коневои, посвященной планам Пан-Европы, Балканам и Болгарии в межвоенный период, отмечалось в этой связи, что «все балканские государства проявляли заинтересованность в развитии паневропейской идеи и большинство из них, наученные горьким балканским соседством, затаенно надеялись на ее реализацию» (с. 229).

Однако помимо европейского по своей направленности регионального проекта для Балкан, определенное развитие получил, начиная с 20-х годов XX в., идеологически окрашенный и политически артикулированный коммунистический проект Балканской федерации, которому в его разных формах и на разных этапах существования посвящен отдельный раздел сборника. В наиболее отчетливом виде это нашло отражение в проекте создания Балканской коммунистической федерации в 20-е годы XX в. и, как отмечает автор статьи по этой проблеме Р.П. Гришина, идея образования федеративного государства, высказывавшаяся еще ранее частью балканских социалистов, в новых условиях получила развитие, когда российскими/советскими большевиками уже делалась ставка на «воплощение идеи мировой революции – создания Всемирной советской социалистической федерации», в которой Балканская советская социалистическая федеративная республика являлась бы ее составной частью (с. 249). В то же время явная неготовность местных компартий по объективным причинам – ввиду их слабости, противоречий по этнотерри-

ториальным вопросам – к реализации этого проекта фактически превратили его в идеологический инструмент коммунистической пропаганды, а перспектива строительства «Балканской федерации/конфедерации как государственного образования на базе все той же теории мировой революции» практически отсутствовала (с. 266). Особый интерес в данной связи представляет эволюция проекта Балканской федерации в годы Второй мировой войны и после нее. Отчетливо выявились два основных возможных варианта подобной мультиэтнической государственной конструкции: южнославянский (южнославяно-албанский), с участием Болгарии и Югославии, которая рассчитывала на интеграцию с Албанией, и албано-югославянский, членами которого могли стать Албания и Югославия. В посвященных этим темам статьях российского историка Л.Я. Гибианского и сербского исследователя А. Животича были выявлены причины провала казавшегося на первый взгляд реалистичным проекта федерализации, главными из которых были не только противоречия между потенциальными участниками, но и опасения руководства СССР относительно возможных последствий создания подобного государственного образования, неподконтрольного советской стороне. Возвращение к этой теме, но уже в рамках более широкого проекта конфедерации европейских социалистических стран, проходившее в 60-х годах XX в., рассматривается российским историком Т.В. Волокитиной через призму актуализации в разное время проектов «превращения тех или иных иностранных территорий в одну из советских республик» (с. 413), что в 1960-е годы связывалось с подобными проектами болгарского руководства о присоединения Болгарии к СССР, к которому советская сторона отнеслась с большой осторожностью, так и уже применительно к другим европейским коммунистическим странам. Отмечая, что «идея конфедерации социалистических стран была закреплена, хотя и негласно, в качестве конкретного направления дальнейшей практической политики советского государства», автор делает вывод о том, что «этой идее, судя по всему, отводилась роль “спасательного круга” в условиях развивавшегося кризиса социалистической системы» (с. 424).

Сам принцип федерализма при строительстве мультиэтнической государственности на Балканах приобретал все более

идеологизированную форму, о чем свидетельствует статья сербского историка В. Павловича, посвященная инструментализации федералистского концепта в борьбе между Хорватской крестьянской партией и компартией Югославии в 40-е годы XX в. Автор делает вывод о том, что «федералистская концепция объединяла КПЮ и ХКП», а сам федерализм для ХКП «был лишь элементом общей стратегии, нацеленной на создание суверенного хорватского государства в рамках югославской конфедерации или даже вне ее. В свою очередь коммунисты использовали идеологию федерализма для осуществления переворота и строительства новой пирамиды власти, основанной на сталинской концепции народного фронта» (с. 268).

Особое место в истории интегралистских процессов на Балканах и приграничных с ними регионах занимает некоммунистический проект этнотерриториального переустройства венгерского общественного деятеля и политика О. Яси, выступавшего за создание Дунайской Федерации. Примечательным фактом в данном контексте, как отмечает автор статьи по данной проблеме российский историк А.С. Стыкалин, было то, что «на идейные построения О. Яси оказала известное влияние и концепция “Срединной Европы” Ф. Наумана, хотя венгерский публицист наполнял ее иным, более демократическим содержанием, нежели идеолог германского экспансионизма» (с. 379). Более того, «идеи единения, союза, содружества и особенно тесного экономического сотрудничества Дунайских государств были довольно популярны во второй половине 1940-х годов среди части интеллигенции и некоторых видных политиков региона» (с. 393). Но, в конечном счете, по объективным причинам этому проекту было не суждено воплотиться. Одним из примеров сложности этнотерриториальных вопросов в регионе являлся так называемый трансильванский, разным вариантам возможного решения которого посвящена статья российского историка Т.А. Покивайловой. Описывая на основе документов из отечественных архивов противоречивый процесс выработки советского решения по «Трансильванскому проекту», автор отмечает, что «на трансформацию позиции СССР по трансильванскому вопросу оказали как чисто политические, конъюнктурного характера интересы СССР, так и соображения геополитические. Предпочтительнее оказался

вариант передачи Трансильвании Румынии взамен на гарантии тесного сотрудничества с СССР и отказа Бухареста от претензий на Бессарабию и Северную Буковину» (с. 404). Оборонная составляющая проектирования региональной Балканской интеграции, одной форм которой на короткое время стал Балканский пакт начала 50-х годов XX в. с участием Греции, Турции и Югославии, позволили российскому историку А.С. Аникееву сделать вывод о существовавшей непрочности подобного союза в силу противоречий между его членами, когда в Белграде опасались втягивания Югославии в НАТО, а Афины и Анкара соревновались в борьбе за доминирование при решении кипрского вопроса (с. 372).

Внутрибалканское интеграционное проектирование имело на протяжении XX–XXI вв. и европейское измерение, что нашло отражение в двух последних разделах сборника статей, посвященных конкретным действиям, направленным на реализацию подобных схем. К числу наиболее актуальных и имевших далеко выходящее за пределы региона значение были проекты экономической интеграции, выдвигавшиеся в Болгарии в начале XX в. представителями академического сообщества. А. Костов – болгарский историк, посвятивший статью этой проблеме, отметил тесную связь этих планов с политическими проектами (кон)федерирования в регионе (с. 427), а также определенную обособленность в построениях единого балканского экономического пространства, рассматривавшегося отдельными болгарскими экономистами с позиций необходимости его защиты от Запада с помощью высоких таможенных пошлин (с. 436). Тесная связь экономики и политики, прослеживаемая в региональных интеграционных процессах, имела прямое отношение и в 80-х годах XX в. к ситуации на Балканах, государства которых либо относились к подконтрольному СССР Восточному блоку (Болгария, Румыния), либо имели с ним тесные связи (Югославия), либо, как, например, Албания, были независимыми от Москвы. Однако, как отметила в статье болгарская исследовательница И. Баева, результатом провала коммунистической системы, что выразилось в том, «что ни одно из балканских социалистических государств не смогло найти для себя новую модель развития в рамках государственного социализма советского типа», стала внешнеполитическая переориентация «всех стран региона

на Запад, что в конечном итоге привело к преодолению внешнеполитических различий и превращению Балкан из “порохового погреба” в регион сотрудничества в первом десятилетии XXI века» (с. 460). Европейский вектор развития Балкан и их «европеизация» представляет собой особый региональный проект, ставший предметом исследования в статье болгарской исследовательницы Е. Никовой. Вывод автора о том, что «ценой страха балканские проблемы признаны европейскими, а сами Балканы – интегральной частью Европы» (с. 463) соседствует в ее работе с обсуждением концепта «конца» балканской истории и введением определения «Западные Балканы» как пост-исторического понятия, свидетельствующего о «степени готовности ЕС принять их [расположенные здесь государства] в Союз» (с. 474). Российская исследовательница И.В. Руднева, продолжая эту тему в статье «Объединение с Европой – новый геополитический проект для Балкан – “про” и “контра”», выдвигает, с одной стороны, утверждение о том, что «как бы ни стремились народы Балканского полуострова к самостоятельности, их судьбу в большинстве случаев определяли более сильные и влиятельные страны» (с. 481), а, с другой – склоняется к мысли о том, что «вступление в Евросоюз благодаря голосам меньшинства становится, по всей видимости, традицией в Европе» (с. 485). Применительно к одной из современных Балканских стран – Сербии – европейский проект стал одной из составляющих более широкой, а именно – атлантической интеграции. Российский автор А.И. Филимонова обращает внимание на особую заинтересованность США в деле включения европейских коммунистических стран в общеевропейское пространство уже в начале 80-х годов XX в. Югославия была, как полагает исследователь, основываясь на рассекреченных американских документах, в центре усилий американской дипломатии. Ссылаясь на ряд высказываний отдельных политических деятелей современной Сербии автор считает, что по ряду причин, «остается полшага до коренного геополитического разворота страны в сторону североатлантического альянса» (с. 506). Точка зрения исследовательницы на проходящие процессы в определенной степени проявляется в ее оценке деятельности Франко Фратини – советника сербского вице-премьера Александра Вучича, когда она пишет о том, что в апреле 2010 г.

Фратини «официально встречался с “президентом” самопровозглашенного Косово Ф. Сейдиу для выражения поддержки независимости квазигосударственного формирования» (с. 506).

Последний блок сборника статей, объединенных в раздел под названием «Вечные темы», посвящен проблемам, которые в силу значимости исторической ретроспективы оказывают серьезное влияние на общественно-политический дискурс современности при формулировании внешнеполитических планов отдельных государств применительно к Балканскому региону. Российский автор В.И. Косик в материале под названием «Константинополь – русская дорога», посвященном роли так называемого Константинопольского проекта в политической традиции России, отмечает перманентное присутствие этой темы не только на уровне гипотетических планов, но и конкретных внешнеполитических устремлений уже в период существования СССР вплоть до начала 50-х годов XX в. Симптоматичным является мнение автора статьи о том, что «после кончины “отца всех народов” какие-либо планы, связанные с Константинополем, потеряли актуальность. Но сама идея живет, тем более, что Пролиты остаются вне русского контроля» (с. 528). Исторические реалии Первой и Второй мировых войн самым непосредственным образом касались территориального проектирования. В первом случае, как отмечал российский автор Г.Д. Шкундин, посвятивший статью Болгарии в геополитических проектах российской правящей элиты весной–осенью 1916 г., основная проблема заключалась в определении будущих болгарских послевоенных границ и методов внутривосточных изменений, высказывавшихся различными представителями российской политической кругов. Во втором случае, рассмотренным российским исследователем А.Ю. Тимофеевым, работающим в Сербии, затрагивается вопрос оборонных и «активных действий» Красной армии на Балканах (1944–1945 гг.), внимание обращалось на начало Холодной войны уже в условиях и изучении советской стороной возможных военных действий на турецком и греческом направлениях. Особое место в блоке статей «Вечные темы» занимают материалы болгарских исследователей З. Пырвановой и Е. Калиновой, а также отечественного историка Е.Ю. Гуськовой, посвященные турецкой теме в контексте

этногосударственных и внешнеполитических проектов начала XX в. и 80-х годов XX в., и внешнеполитической доктрине Турецкой республики уже в XXI в. Во всех трех статьях авторы обращают внимание на соотношение исторической ретроспективы с конкретной политической деятельностью в условиях Османской империи, межгосударственного конфликта коммунистической Болгарии и Турции, и внешнеполитических устремлений Анкары уже в первое десятилетие XXI в.

Примечательной особенностью сборника является попытка его составителей

представить конкретные исторические примеры политического проектирования в отношении Балкан, относящиеся к общественно-политической и внешнеполитической мысли собственно балканских стран, Восточной Европы, России, США. В то же время было бы интересно обращение к австро-венгерским, британским, германским, французским и польским балканским политическим проектам, что вероятно, станет предметом исследования в следующем сборнике научных статей.

© 2016 г. *Ар.А. Улуян*

Славяноведение, № 1

В. ГРОСУЛ. Молдавское движение до и после образования Румынии (1821–1866). Кишинев, 2014. 194 с.

Тема рецензируемой книги остается слабо разработанной в исторической литературе, что вполне объяснимо. В советские времена руководство СССР не хотело обострять отношений с союзником по СЭВ и ОВД – Румынией, для которой изучение проблем молдавского движения в XIX в. было весьма неприятно, ибо могло поставить под сомнение официальную версию формирования единой румынской государственности вследствие закономерного объединения Молдавского и Валахского княжеств в общем для румын государственном проекте. В постсоветской Молдавии обращение исследователей к этой тематике также официально не приветствовалось, ибо оно могло стимулировать антирумынские настроения там и, более того, в известной мере подогреть территориальные претензии к Румынии со стороны соседей (Венгрии, Болгарии, Украины), что не считалось желательным. Как бы то ни было, в последнее время работы по указанной теме стали появляться не только в Молдавии, но и в самой Румынии.

Среди довольно малочисленных работ по истории молдавского движения в XIX в. последней по времени выхода стала рецензируемая книга известного российского историка молдавского происхождения В.Я. Гросула, вышедшая в 2014 г. в Кишиневе. По признанию самого автора, его замысел в ходе работы претерпел из-

менения. Первоначально он намеревался остановиться только на периоде от восстания Т. Владимиреску (1821 г.) до падения господаря Валахии и Молдовы А.И. Кузы (1866 г.), именно эти хронологические рамки, собственно говоря, и обозначены в названии книги. Однако стремление к выявлению исторических корней молдавского движения привело В. Гросула к выводу о необходимости дополнить основную картину событий длинной предысторией: проследить процесс зарождения и последующей эволюции специфического молдавского самосознания, начиная от самых его истоков. «Десятилетиями наблюдая за дискуссиями по этой сложнейшей проблеме, сложнейшей не только с научной точки зрения», автор счел целесообразным «изложить свои взгляды и по этой проблеме» (с. 4–5), до сих пор привлекающей внимание как историков, так и политиков.

Первая глава посвящена проблемам этногенеза молдаван и происхождения их языка. Разумеется, автор не может при этом не затронуть проблем этногенеза румынского народа и формирования румынского языка. Обращаясь не только к румынским, но и к иным (в частности, венгерским) источникам, Гросул пытается установить происхождение самих терминов «молдаване» и «Молдова». Он обращает внимание на то, что слово «Молдова» либо слова, восходящие к общему с ним

корню, присутствуют в географических названиях (прежде всего гидронимах) на территориях не только сегодняшних Румынии и Молдавии, но и других стран Дунайско-Карпатского региона, далеко за пределами мест проживания румынского этноса (например, в современной Чехии). В работе Гросула дается краткий анализ имеющихся в научной литературе версий происхождения молдаван (включая не только автохтонную, но также «тюркскую» и «иллирийскую», которую автор считает наиболее убедительной).

По мнению Гросула, романизованное население, переселившееся к северу от Дуная, мигрировало далее в Марамуреш, а оттуда перебралось на территорию Молдавского княжества, которое тогда находилось в процессе своего возникновения (с. 17). К сожалению, автор не дает должной характеристики этнического состава населения этих земель ко времени переселения. Он замечает лишь, что после ухода в 270-х годах римской армии и администрации из Дакии «какая-то часть романизованного населения здесь оставалась» (с. 12). Стоило бы напомнить о том, что территория большей части Молдавского княжества (кроме юга Запрутской Молдовы) не входила в Дакию, не было там ни римской армии, ни римской администрации (это касается всей территории современной Республики Молдова). Не ясно, каковы были отношения римской администрации Дакии с различными племенами, в том числе свободными даками, проживавшими на более северных территориях. Говоря о «романизованных иллирийцах», переселившихся из-за Дуная в Марамуреш, Гросул в то же время признает, что «исключить наличие в Карпатах более раннего романизованного населения мы не можем» (с. 17), т.е. и до прихода иллирийцев в Карпатах могло жить романизованное население, сохранившееся со времен римского господства – точка зрения, разделяемая многими современными не только румынскими, но и молдавскими исследователями, обращавшимися к теме.

В разделе «Молдавский народ» Гросул приводит не только внутренние источники Молдавского и Валахского княжеств, но и свидетельства зарубежных средневековых и более поздних (вплоть до XIX в.) авторов, использующие этноним «молдаване» для обозначения самоназвания основной части населения, проживавшего между Днестром и Южными Карпатами. Источники, о которых идет речь, указывали на молдавскую,

а не румынскую идентичность жителей края. Именно в качестве молдаван, а не румын, воспринимали и на Западе коренное население Молдавского княжества (в том числе междуречья Днестра и Прута, включенного в Российскую империю в 1812 г.). Автор стремится показать, что молдавское самосознание сохранялось в Западной Молдове и после ее объединения в 1859 г. с Валахией. Более того, оно наблюдалось и в Добрудже, которая до 1878 г. контролировалась Османской империей.

Предельно запутанной и крайне политизированной остается проблема молдавского языка. В разделе, который так и называется «Молдавский язык», В. Гросул кратко анализирует историографию темы. Аргументами в пользу существования в Молдавском княжестве представлений именно о молдавском языке служат цитаты из писаний летописцев Г. Уреке, М. Костина, И. Некулче, из трудов Д. Кантемира, многократно приводившиеся и ранее в исторической литературе. Реже использовались в работах по этой теме ссылки на итальянского лингвиста С. Амелио и классика румынской литературы XX в. М. Садовяну. Автор демонстрирует наличие в Молдавском княжестве молдавских (а не румынских) грамматик, отмечает упоминание термина «молдавский язык» также и в документах Западной Молдовы и австрийской Буковины после 1812 г. Особенно распространен был этот термин, по признанию Гросула, в Бессарабии и левобережном Заднестровье (с. 43). При этом романский характер языка молдаван не ставился под сомнение ни дореволюционными российскими, ни советскими филологами.

Что же касается представлений о румынском народе и румынском языке, то они (как явствует из исторических экскурсов автора) восходят еще ко временам захвата Дакии Римской империей в 106 г. н.э. Сам язык молдаван назывался в разное время и при разных обстоятельствах «румынским, как и молдо-валахским, волошским, молдо-румынским и т.д.» (с. 47), причем термин «румынский язык» «достоверно прослеживается на Западе от Молдавского княжества с XVI в.» (с. 50), а в самом княжестве появляется только в XVII в. Автор связывает возникновение и последующее использование термина «румынский язык» с противостоянием в молдавских землях православной и католической церковью. Переход Молдавского

княжества из-под подчинения в церковном отношении Охриду под юрисдикцию Константинополя в XVII в. Гросул считает определяющим в процессе ослабления славянского влияния. В Молдавию шире проникают извне церковные книги, опечатанные на языке, который было принято называть уже не молдавским, а румынским. С интересом читаются страницы о том, с каких пор, в адрес кого и при каких обстоятельствах применялся в России термин «румын».

Важная глава, «На путях к объединению», посвящена периоду 1821–1859 гг. Автор повествует о противоречивых по результатам реформах в Западной Молдове, проводившихся проавстрийской, пророссийской и протурецкой боярскими группировками начиная от восстания Т. Владимиреску и вплоть до введения на рубеже 1820–1830-х годов «Органического регламента». Эти реформы при всей их непоследовательности ставили целью окончательную ликвидацию последствий фанариотского режима и установление режима национального правления. Внимание читателя обращается на тяжелое экономическое положение княжества и слабые возможности господарей что-то изменить в этой ситуации.

При анализе последующих событий большое внимание уделяется экономической политике российских властей в Западной Молдове и Валахии, противоречиям между молдавскими и валашскими боярами, автор показывает также влияние на политическую ситуацию в Молдове как иностранных держав, так и собственной, молдавской эмиграции (едва ли не в первую очередь, студенчества), концентрировавшейся в основном в Париже. Гросул отмечает сильное влияние на развитие языка и всей духовной культуры в Молдавском княжестве Ардемянской (Трансильванской) школы. Это было возможно потому, что проблема литературного языка оставалась открытой: «в Молдавии еще не существовало тогда единого литературного языка с установившимися нормами и правилами, каждый писал по-своему, нередко вводя слова и целые обороты, непонятные читателям» (с. 83). Некоторые деятели культуры (К. Конаки, Г. Асаки и др.) считали, что литературный язык молдаван должен создаваться на базе народного языка, однако возобладало в конце концов мнение сторонников трансильванской школы, настаивавших на термине «румынский

язык», как объединяющем все родственное по языку население региона (включая находившуюся под австрийским владением Трансильванию).

В разделе, посвященном революционным событиям 1848 г. и их последствиям вплоть до подписания Парижского мира 1856 г., Гросул показывает, как первоначальный успех господаря М. Стурдзы в борьбе с оппозицией не получил закрепления, ибо не удалось заручиться поддержкой большинства населения; господарь был в июне 1849 г. смещен. Пришедший ему на смену Г. Гика сыграл важную роль в укреплении в Молдавии унионистских тенденций. Как человек, получивший образование на Западе (в Вене и Париже), он привлек к реформированию княжества людей своего круга, а среди них было много сторонников объединения Молдовы и Валахии. Причем Гика это делал несмотря на то, что ни Австрия, ни Турция, войска которых находились с 1854 г. в Молдавии, явно не поддерживали унионистских идей и оказывали соответствующее давление на их носителей. Император Франц-Иосиф открыто говорил о том, что объединение Дунайских княжеств угрожает его империи утратой Трансильвании и Баната.

Большое внимание в работе уделено событиям вокруг объединения Дунайских княжеств, начиная от Парижского трактата 18/30 марта 1856 г. и до избрания А.И. Кузы на господарские престолы Молдавии и Валахии в январе 1859 г. В этот период происходили острые споры (не только в центре, в том числе в прессе, но и на местах) между сторонниками и противниками унии, причем каждая из группировок апеллировала к внешним силам. Первые ориентировались, прежде всего, на Англию и Францию, вторые – на Турцию. В каждом из лагерей были представлены виднейшие деятели национальной культуры, среди апологетов объединения – М. Когэлничану и В. Александри, а среди его оппонентов Г. Асаки, К. Негруци, историк М. Дрэгич. Поначалу успех был на стороне антиунионистов, однако после смерти их ставленника, временного правителя (каймакама) Молдавского княжества Т. Балша, инициативу перехватили сторонники объединения княжеств, усилившие свой вес в обществе. При внешней поддержке они сумели добиться отмены неблагоприятных для себя итогов выборов в Чрезвычайное собрание, новые же выборы

принесли им успех, закрепленный в 1858 г. в решениях Парижской международной конференции. С этого времени сторонники унии усилили позиции на всех этапах власти. При характеристике личности А.И. Кузы Гросул не мог обойти стороной затрагивавшийся в румынской литературе вопрос о его принадлежности к масонству, поддержавшему его на выборах. Однако главное внимание уделено мерам, предпринятым Кузой в целях унификации системы управления двух княжеств и фактического слияния их в одно государство под главенством элиты Валахии. Уже в это время, как показывает автор, входит в обиход название «Румыния», поначалу «для внутреннего пользования». В самостоятельном разделе анализируется процесс постепенного вытеснения славянской, кириллической азбуки из официального обращения. Поначалу речь шла о параллельном применении славянского и латинского алфавитов, но позднее окончательно взяли верх сторонники латинской графики, закрепившие свой успех приказом министра внутренних дел А. Гики в январе 1862 г.

Большое внимание Гросула привлекла судьба Молдавской православной церкви после объединения. Поскольку именно Церковь (согласно оценке исследователя) оставалась бастионом молдавских национально-культурных и языковых традиций, Куза (при поддержке в том числе и католических кругов) воспринимал ее в качестве противника и нанес ей сокрушительный удар, осуществив секуляризацию монастырей и конфисковав их имущество. Этому не помешали даже протесты Константинопольского патриарха и осуждение (как антиканонических) Константинопольским синодом законов, направленных против церкви. Это привело к расколу и разладу как среди клира, так и среди простых верующих. Часть клира в результате бежала за Прут, в Бессарабию.

Недовольство политикой Кузы в обществе и в том числе среди знати росло. Реконструируя события 1866 г. и обстоятельства свержения господаря, Гросул, ссылаясь на донесения тогдашнего консула России в Яссах И. Лекса, показывает противоборство различных группировок в борьбе за власть. Особенно активны были сторонники полного отделения от Валахии, распространявшие соответствующие воззвания среди населения. На политической арене были представлены также приверженцы сохранения унии, но как и

ранее, с господарем-румыном. Были и те, кто ожидал решений международной конференции, но при этом также считал, что за жителями княжеств должно остаться последнее слово при выборе господаря. Население раскололось, на местах велась пропаганда, собирались митинги как за сохранение унии Молдавии и Валахии, так и против, напряжение в обществе быстро росло. Все это привело к антиунионистской демонстрации в Яссах 3/15 апреля 1866 г., подавление ее властями повлекло многочисленные человеческие жертвы. Следствием этого, указывает Гросул, стал резко выросший поток переселенцев из Запрутской Молдовы в Бессарабию (более девяти тыс. чел. в 1868 г., тогда как обратный поток за этот год едва превысил 100 чел.). Согласно выводам Гросула, и после событий 1866 г. «молдавское движение не прекратилось, нередко меняя свои формы» (с. 193). Существовало оно и в Бессарабии, где «молдавофильской» группировке среди местных дворян противостояла «румынофильская» части местной интеллигенции.

Отмечая несомненно большую важность и серьезность поднимаемых в книге проблем, которые намеренно затушеваются или политизируются рядом исследователей, а также колоссальный труд по обобщению разных точек зрения, принятый в рамках относительно небольшой по объему научной работы, нельзя не коснуться и ряда недостатков и спорных положений, несколько не умаляющих, впрочем, значительного вклада В. Гросула в изучение одной из самых сложных, противоречивых и запутанных проблем новой истории Румынии.

Так, говоря о положении языка молдаван в Молдавском княжестве, он пишет, ссылаясь на авторов «Курса исторической грамматики молдавского языка» (Кишинев, 1964), что к середине XIV в. глотоним «молдавский язык» уже существовал (с. 31). Однако, как известно, языком господарской канцелярии долгое время после создания Молдавского княжества был славянский (следствие южнославянских церковных и культурных влияний). Гросул не затрагивает, хотя бы вкратце, вопрос о том, в силу каких причин язык получил такой статус, как, почему и когда именно происходит вытеснение славянского языка и замена его в качестве официального языка господарской канцелярии молдавским (восточнороманским) языком. Хотя

это было бы очень нелишним в контексте настоящего исследования.

В монографии уделено немало места обоснованию тезиса о том, что термин «молдавский язык» был официальным в Бессарабии после 1812 г., когда краем управляла царская администрация. Однако не станем забывать, что вплоть до 1828 г. у Бессарабской области был статус автономии; наличие у языка мажоритарного населения области официального статуса – дело в этих условиях вполне естественное. С появлением же Румынии вследствие объединения Дунайских княжеств не только для местных жителей, но и для царской администрации возникли весомые аргументы отстаивать именно термин «молдавский язык» – вопреки распространявшемуся из-за Прута термину «румынский язык». Таким образом, в действиях царских властей проявилось не столько уважение к местным обычаям, сколько мотив гораздо более серьезный – настаивать на термине «молдавский язык» стало теперь политическое требование, чтобы противостоять иностранному влиянию. Автор, кстати сказать, не учитывает особенностей унионистской пропаганды, которую сам неоднократно критикует на страницах работы. В ее видении защита царской администрации термина «молдавский язык» есть нечто вполне естественное для политики России, сознательно стремившейся отделить молдаван от румын. Поэтому сторонники унионистского взгляда на историю Молдавии как раз предпочитают источникам «царского периода» документы, относящиеся к периоду до 1812 г., ведь их использование зачастую позволяет привести более основательные аргументы (тем более, если речь идет об иностранных источниках, о взгляде на проблемы Молдавского княжества извне). А как раз этим источникам при обосновании позиции автора по вопросу о «молдавском языке» в работе уделено несправедливо мало места.

Достаточно детально освещая позицию антиунионистского движения и называя длинный ряд видных деятелей литературы и искусства Молдавии, которые поддерживали его, автор куда меньше внимания уделяет разбору аргументов приверженцев унионизма и намного реже указывает конкретные персоналии унионистского лагеря. Понятно, что в отдельные периоды, например, при Г. Гике, унионистское движение поддерживалось сверху, самим государем, назначавшим своих сторонников на ответ-

ственные посты. Но когда автор замечает, что унионисты в 1850-е годы укрепились в обществе (с. 115), остается не совсем ясным, **почему**, какие пропагандистские лозунги и доводы они при этом использовали. Этот аспект освещен автором недостаточно и расплывчато, а ведь речь идет о вопросе, имеющем принципиальный характер. Либо унионисты и до прихода на господарское кресло Г. Гики имели достаточно серьезные и влиятельные позиции в обществе, либо уже на более позднем этапе, при преемниках Г. Гики, у них вдруг появились какие-то очень убедительные аргументы в защиту своих позиций, что существенно повлияло на сознание не только бояр, но всего политически активного населения. Эта проблема подлежит, на мой взгляд, более основательному рассмотрению.

Отмечая значительную роль России «в объединении Молдавии и Валахии еще со времен принятия Органических регламентов» (с. 167), автор в то же время практически не разъясняет, в чем же выражалась эта «значительная роль» уже на последующих этапах. Не ясно, например, чем руководствовалась Россия, повлияв на отмену выборов в 1857 г. Дивана, давших победу антиунионистам (с. 178). Приводимый в работе конкретный материал подводит к выводу о том, что унионисты скорее рассчитывали на помощь Франции, но никак не России.

Подробно рассматривая выступления антиунионистских сил в Молдавии весной 1866 г. и их кульминацию – демонстрацию 3 апреля в Яссах, автор активно ссылается на румынских исследователей, считающих, что эти события были инспирированы Россией. Такое мнение в немалой степени подтверждается словами А.И. Горчакова: «Мы желаем сепарации, поскольку она соответствует нашим интересам, и мы думаем, что она также благоприятна и княжествам. Но мы пойдем по фальшивому пути, если превратимся в пропагандистов» (с. 178). Но тогда возникает закономерный вопрос. Если Россия сыграла значительную роль в объединении Дунайских княжеств, и делала это, получается, десятилетиями (1831–1859), а потом, спустя всего несколько лет, стала вдруг выступать за «сепарацию», т.е. разделение Валахии и Молдовы, необходимо более подробно пояснить, почему произошел столь радикальный поворот во внешней политике России в отношении Дунайских княжеств. Неплохо было бы показать, какую эволюцию претерпело

отношение России к проблеме их объединения, чем это объясняли государственные мужи России того времени, включая прежде всего министра иностранных дел князя Горчакова. Но этот вопрос на страницах монографии не рассматривается.

Вместе с тем, придавая большое значение затронутой в работе весьма актуальной проблематике, считаю, что рецензируемая монография будет способствовать лучшему прояснению вопросов, связанных с развитием национального самосознания у жителей Дунайских княжеств в середине XIX в. Она позволит более глубоко оценить поистине революционный переворот,

произошедший в течение всего нескольких десятилетий в умах и сердцах немалой части населения Молдавии и Валахии.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что намерение В. Гросула восстановить на основе документов историю молдавского национального движения в Румынии уже после 1866 г. представляет колоссальный интерес для исследователей, так как эта тема почти не затрагивалась в трудах ученых-историков. Серьезные публикации по этим сюжетам станут новым словом в этом направлении, с интересом встречены специалистами.

© 2016 г. *Р. Шевченко*

Славяноведение, № 1

Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память. М.; СПб., 2014. 340 с.

Сборник подготовлен на основе материалов международной конференции, состоявшейся в Институте славяноведения РАН в октябре 2012 г. В работе конференции приняли участие более 40 ученых из России и Словакии.

События сложной и драматической истории XX в. представлены в сборнике через призму двух величайших конфликтов столетия: мировых войн, а также исторической памяти. Открывающая сборник статья Л.П. Репиной является своеобразным ключом к работе: в ней анализируются основные подходы к активно развивающейся в последнее время проблематике исторической памяти, а также некоторые сюжеты, связанные с исторической конфликтологией. Трудно не согласиться со словами автора, известного специалиста по данной проблематике, о том, что «историческая память всегда мобилизуется в сложные периоды жизни нации, общества или какой-либо социальной группы [...] Каждое новое поколение людей ищет в прошлом ответы на вопросы, которые волнуют его сегодня, и потому идет процесс неизбежных пересмотров и смены ракурсов в рассмотрении прошлого» (с. 9).

Материалы сборника в полной мере это подтверждают.

Первая часть издания, посвященная социальным последствиям Первой мировой

войны, открывается статьей Г. Дудековой (Словакия), «Социальные последствия Первой мировой войны – импульсы и результаты новейших исследований». В статье анализируются некоторые новые подходы к проблеме, проявившиеся в чешской, словацкой, а также австрийской и венгерской историографии. Автор на конкретных примерах показывает, как современность властно вторгается в историю, придавая ей желаемый на данный момент облик. Так в межвоенной Чехословакии праздновался не конец Первой мировой войны, а возникновение Чехословакии в октябре 1918 г., героями войны были легионеры. В социалистической Чехословакии легионеры оценивались отрицательно, равным образом не удостоивались положительных оценок и политики, стоящие у основ Чехословацкого государства Т.Г. Масарик, Э. Бенеш, М.Р. Штефанек. После 1989 г. ситуация кардинальным образом поменялась. В отличие от чехов и словаков, венгры воспринимают войну как национальную трагедию, приведшую к распаду большой Венгрии. Но при всей разнице подходов, по мнению словацкого историка, национальные историографии еще весьма далеки от комплексного видения истории войны, соединяющего разные ее аспекты, как военно-политический, так и культурный и проблемы повседневной жизни (с. 31).

Блок статей сборника, подготовленных как российскими, так и словацкими исследователями посвящен различным аспектам проблемы военнопленных в годы Великой войны. Эта тема, долгое время пребывавшая на периферии историографии, в настоящее время стала объектом интереса многих исследователей. В статье З.С. Ненашевой рассматриваются социально-политические аспекты развития идеи национально-освободительного движения чехов и словаков, вокруг которой могли сплотиться массы чешских и словацких военнопленных оказавшихся в годы войны в России. Решение национальной задачи самым тесным образом было связано с проблемой освобождения из плена и реального участия в борьбе с Австро-Венгрией. Автор анализирует планы российского правительства по поводу послевоенного устройства государственного бытия Чешских земель, непростые вопросы создания воинских формирований из состава пленных, несовпадение замыслов российского руководства и чешских лидеров. На основе привлечения обширного архивного материала З.С. Ненашева приходит к выводу, что в конечном итоге «позиции лидеров чешского освободительного движения и российского правительства оказались прямо противоположными» (с. 48). Но объяснялось это не злонамеренностью российских властей, а их стремлением исходить из национально-государственных интересов России.

В статье Ю. Бенко (Братислава) речь идет о репатриации военнопленных из России в Габсбургскую монархию, связанных с этим трудностях, и состоянии сознания военнопленных, влиянии их жизненного опыта на изменение отношения к Австро-Венгрии и соответственно на политическое поведение.

В статьях И.В. Крючкова (Ставрополь) и Г.В. Рокитина (Йошкар-Ола) рассматриваются конкретные случаи пребывания военнопленных на территории Центрального Предкавказья и Марийского края. Обращение к материалам названных статей наглядно показывает, сколь различным было положение пленных в зависимости от региона их пребывания. Несмотря на в целом доброжелательное отношение по отношению к пленным со стороны населения Российской империи, все они, конечно испытывали немалые трудности, связанные уже с самим фактом пребывания на чужбине.

Но возвращение на родину отнюдь не означало решения всех проблем. Статья Е.П. Серапионовой «Политика чехословацких властей в отношении возвратившихся из России легионеров, военнопленных и реэмигрантов» убедительно об этом свидетельствует. Автор отмечает, что положение названных категорий граждан, вернувшихся из России, было различным. Особое, привилегированное положение занимали легионеры – детище президента Масарика, и особое отношение к ним казалось естественным в межвоенный период (с. 115). В известной степени и судьба репатриантов из России оказалась зависимой от их отношения к легионерам: Министерство финансов Чехии в первую очередь оказывало помощь тем, кто мог доказать свою помощь чехословацким легионам в России. Автор достаточно подробно рассматривает деятельность Объединения чехов и словаков из России, активно и всесторонне работающего в целях улучшения положения соотечественников потерявших все в ходе революции и Гражданской войны в России. Основываясь на детальном анализе источников, Е.П. Серапионова пришла к выводу о положительном в целом опыте межвоенной Чехословакии в решении социальных проблем репатриантов.

Российская империя исчезнувшая в огне революционных потрясений и войн, оставила неоднозначную память о себе в словацком народе. Этой многогранности памяти посвящена статья словацкого исследователя Д. Кодаевой. Автор полагает, что историческая память «не может иметь универсальный и однообразный вид. Напротив, она заключает в себе множество слоев или как бы является сплетением многих “памятей”» (с. 62). Исследуя память словацкого народа о России в Великой войне, Кодаева выделила и официальную, враждебную память, насаждавшуюся австро-венгерской пропагандой, и провенгерский слой памяти, в котором Россия воспринималась значительно сложнее, чем просто враг, и память простых словаков, вобравшую в себя самые разные уровни влияния, и память национальных лидеров, и память легионеров, заслуги которых после войны подверглись переоценке и из «горстки дезертиров» они превратились в весьма уважаемых людей, и их память о войне «перекрыла память сотен тысяч австро-венгерских солдат, которые до последнего дня войны сражались на стороне монархии» (с. 63).

Изменение международной обстановки в ходе Великой войны пробудили надежды на благоприятное изменение статуса у русинов Угорской Руси и Галиции. Надежды возлагались в определенный период на Россию, но в конечном итоге возобладала ориентация на Чехословакию. Как отмечается в статье К.В. Шевченко (Минск), энтузиазм русинов быстро угас в связи с несоблюдением властями Чехословакии условий Сен-Жерменского договора и проукраинской политики чешских властей. Недовольство русинов вызывала и ассимиляционная политика словацких властей по отношению к русинам Пряшевщины. Анализируя русинскую прессу, К.В. Шевченко показывает настроения и состояние общественного сознания русинов, оказавшихся в пределах Чехословакии в 20–30-е годы XX в.

Многие вопросы жизни межвоенной Чехословакии, в том числе и касающиеся жизни Подкарпатской Руси затрагиваются в воспоминаниях профессора Е. В. Спекторского, к анализу которых обратился С.И. Михальченко (Брянск). Наблюдения известного ученого содержат живой и интересный материал как о быте русинов, так и о взаимоотношениях их с чешскими властями, которые по мнению Е.В. Спекторского, вели в Подкарпатье «империалистическую политику» (с. 150).

К числу материалов, содержащих личное, непосредственное восприятие времени и событий относится и материал М. Даниша (Братислава) о дипломатической миссии секретаря словацкого посольства Й. Белая в Москве в 1939–1940 гг. Его записки посвящены первым месяцам работы словацкого дипломатического представительства в советской столице, содержат много интересных наблюдений, касающихся не только работы словацких дипломатов, но и жизни Москвы того времени. Й. Белая пишет и о политиках, с которыми ему довелось встречаться, в частности, о Сталине.

Как своеобразный переход ко второй части сборника можно рассматривать статью С.М. Слоистова о сложностях национальной идентификации чехов, словаков и подкарпатских русинов в мемориальной работе. Анализируя многочисленные проблемы, возникающие при попытках определения национальной идентичности выходцев из Чехословакии – жертв социальных конфликтов, автор обращается к периоду 20–40-х годов XX в. Таким об-

разом объектом исследования становятся судьбы людей, связанных и с Первой, и со Второй мировыми войнами. В статье акцентируется необходимость учитывать всю многогранность факторов, определяющих национальную идентичность каждого человека и социальной группы, зависимость самоопределения не только (а порой и не столько) от «крови и почвы», но и от конкретно-исторических условий.

Вторая часть сборника сосредоточена вокруг проблематики Второй мировой войны в контексте восприятия событий через призму общественного сознания, исторической политики, художественного творчества, а также отражения некоторых проблем Второй мировой войны в историографии.

Во многих статьях этой части сборника в той или иной степени затрагивается вопрос о том, насколько присутствовала в сознании участников событий тех лет идея славянского братства, славянской общности. Ведь в СССР в 1930-е годы эти идеи считались едва ли не крамольными. Но ситуация меняется в конце десятилетия. История возрождения интереса к славянской идее, ее использования в политических целях прослежена в статье В.В. Марьиной (Москва). Автор, в частности, обратилась к вопросу о том как видел Сталин осуществление идеи славянской взаимности в годы войны и в послевоенное время, позиционируя себя и советских людей как «новых славянофилов», «славянофилов-ленинцев», «славянофилов-большевиков» (с. 191).

Зависимость оценок событий Второй мировой войны от современности и потребностей текущего момента получила отражение в статье Й. Быстрицкого (Братислава), посвященной проблематике освобождения Словакии в словацкой историографии после 1989 г. Автор отмечает, что в этот период активизировалось стремление к пересмотру истории Словакии в годы войны в совершенно определенном ключе: акцентирование внимания на правонарушениях, совершаемых советскими солдатами, идеализации словацкого государства-сателлита, негативная оценка Словацкого восстания, отрицание правомерности оценки действий советских войск как освобождения и попытки утверждения в общественном сознании иных определений, типа «захват» или «перемещение границ». Далеко не все профессиональные словацкие историки согласны с новыми

интерпретациями, влияние которых на историческое сознание, особенно молодежи, не вызывает сомнений.

Утверждению адекватного представления о Словакии в годы войны, несомненно, может способствовать углубление знаний о событиях тех лет. Представляется, что этой цели в полной мере соответствует статья С. Мичева (Банска-Бистрица) о социальных аспектах в политике Словацкого национального совета, руководившего Словацким национальным восстанием. Автор не сомневается в освободительной миссии Советской армии, подчеркивает то обстоятельство, что «далеко не все сочувствовали политическому курсу Словацкого государства [...] нацистским методам ведения войны на востоке» (с. 209).

В контексте вопроса об изменении интерпретаций освобождения стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) от фашизма интересно узнать как сами советские воины воспринимали свою миссию. Этим вопросом посвящена статья О.В. Павленко (Москва), в которой анализируются воспоминания солдат и офицеров Красной армии, позволяющие, по мысли автора, «погрузиться в атмосферу забытой или искаженной официальной историографии военной и поствоенной действительности» (с. 207).

Эта действительность получала далеко не всегда адекватное отражение в СМИ, объединявших в себе, по мнению М. Завацкой (Братислава), автора статьи «Слухи, сплетни, панические известия: неофициальная информация в годы Второй мировой и Холодной войн», два основных «фактора манипуляции массовым сознанием: замалчивание и нарочитая гласность информации, независимо от степени правдивости» (с. 231).

СМИ пытались конструировать определенный, желательный для их издателей образ действительности. И это в определенной степени удавалось. Но есть категория людей, которым особенно трудно навязать видение мира: это творческие люди, сами создающие свой, особый мир. В материалах сборника несколько статей посвящено сюжетам, связанным с художественным восприятием действительности. Это статьи Я.Ю. Кресана (Москва) о теме военной памяти в словацкой и чешской художественной прозе второй половины XX в., Н.В. Шведовой (Москва) посвященная теме Второй мировой войны в творчестве М. Валека, и статья Л.Ф. Широковой

(Москва) «Историческая память в отражении художественной литературы (тема преследования духовенства и верующих в Словакии в 1950-х гг.)»

Последняя статья принадлежит третьей части сборника, в которую включены материалы, касающиеся послевоенных сюжетов и отражения их в исторической памяти. Заключительная часть сборника открывается статьей Г.П. Мурашко (Москва), посвященной судьбе венгерского национального меньшинства после войны. Автор показывает исполненную драматизма судьбу венгров в Словакии, не самые гуманные методы выселения венгров из страны. По мнению автора, венгерский вопрос достаточно умело использовало в своих политических целях руководство СССР для оказания влияния на лидеров как Чехословакии, так и Венгрии (с. 253).

О влиянии политических решений на судьбы людей, причем влиянии далеко не всегда благоприятном, идет речь и в статье М. Шмигеля (Банска-Бистрица), посвященной советской репатриационной операции в Словакии. На основе использования архивных материалов и не слишком обширной литературы предмета исследования, он пытался воссоздать сам процесс репатриации и проследить судьбы людей, им затронутых.

Памяти о едва ли не наиболее болезненных и трагических событиях в истории взаимоотношений СССР и народов ЦВЕ: венгерских событиях 1956 г. и Пражской весны 1968 г. посвящена статья А.С. Стыкалина (Москва). Российский исследователь анализирует совершенно определенный срез исторической памяти – память основных игроков политической сцены, т.е. руководства социалистических стран. По мнению А.С. Стыкалина, память о 1956 г. во многом определяла политику в отношении событий 1968 г. в Чехословакии. Помнили все, но выводы делали разные: от стремления избежать повторения венгерских событий путем ужесточения курса, до восприятия венгерского опыта как свидетельства необходимости перемен, пусть медленных и поступательных.

О стремлении к переменам и отражении этого в протестных настроениях в Словакии в 1969–1979 гг. повествуется в статье Э.Г. Задорожнюк (Москва). Автор отмечает, что в отличие от Чехии, в Словакии на первый план в указанный период вышла религиозная составляющая католического

протестного движения, истоки которого уходят в более ранний период. По сути действовало две церкви – официальная, достаточно лояльная к власти, и «тайная» пользующаяся широкой поддержкой населения и гораздо более оппозиционная. Ее деятельность была весьма разносторонней: от самиздата до организации подписных акций и религиозных паломничеств. Две церкви являлись как бы параллельными структурами. Причем «тайная церковь» на исходе означенного периода установила контакты с основным протестным движением в стране – Хартией–77.

Протестные действия привели, как известно, к демократической революции 1989 г., повлекшей за собой глубокие изменения в социальной структуре обществ ЦВЕ. В статье Н.В. Коровициной (Москва) исследуются эти изменения применительно к Словакии. Автор рассматривает модель социальной стратификации словацкого общества, дает характеристику каждой страты в контексте ценностной ориентации, показывая, как с изменением социального статуса меняется и система ценностей.

Заключает сборник статья Г.П. Мельникова (Москва) об интерпретации гуситских войн в словацкой историографии второй половины XX в. На первый взгляд появление этой статьи на страницах сборника,

посвященного временам не столь отдаленным кажется неправомерной. Но знакомство с работой Г.П. Мельникова рассеивает эти сомнения. Ведь в статье речь идет о том как властно вторгаются политические запросы современности в интерпретацию прошлого, заставляя даже одних и тех же авторов выступать в разные периоды научной деятельности с едва ли не противоположными взглядами. Автор показывает как концепция гуситского влияния в Словакии «из позитивной трансформировалась в прямо противоположную после возникновения самостоятельной Словакии, идеология которой уже не нуждалась в теории давних исторических связей чешского и словацкого народа и благоволности чешского влияния» (с. 327).

Разнообразные и многоплановые материалы сборника еще раз свидетельствуют о том, что события прошлого не уходят, оставаясь не только на страницах исторических трудов, но и в памяти людей, придающей этим событиям иной раз весьма причудливые очертания. Прошлое влияет на мировосприятие ныне живущих поколений, но и современность властно вторгается в прошлое, интерпретируя его подчас в соответствии с нынешними представлениями и ценностями.

© 2016 г. *Л.С. Лыкошина*

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ И РАЗВИТИЕ ИДЕЙ ЮРИЯ СЕРГЕЕВИЧА МАСЛОВА»

20–22 ноября 2014 г. в Санкт-Петербурге состоялась Международная конференция «Научное наследие и развитие идей Юрия Сергеевича Маслова», посвященная 100-летию выдающегося ученого с мировым именем. Организаторы конференции – Санкт-Петербургский государственный университет и Объединенный научный совет по общественным и гуманитарным наукам Санкт-Петербургского научного центра РАН.

На открытии конференции, состоявшемся в Большом конференц-зале Санкт-Петербургского научного центра РАН, выступили президент СПбГУ, президент РАО, декан филологического факультета, зав. кафедрой общего языкознания акад. *Л.А. Вербицкая*, проректор СПбГУ проф. *С.И. Богданов*, директор Института лингвистических исследований РАН акад. *Н.Н. Казанский*. В их выступлениях была подчеркнута важность для русского языковедения научной и педагогической деятельности Ю.С. Маслова (1914–1990), крупнейшего специалиста второй половины XX в. по общему, славянскому и германскому языкознанию, основателя отечественной аспектологической школы. Ю.С. Маслов окончил Ленинградский университет, защитил кандидатскую диссертацию под руководством В.М. Жирмунского в 1940 г., участвовал в Великой Отечественной войне. После войны его жизнь была связана с Ленинградским университетом, где он читал лекции по введению в языкознание, по исторической и теоретической грамматике болгарского языка, вел по этим предметам практические занятия. В разные годы Ю.С. Маслов работал по совместительству в Институте славяноведения, где в 1957 г. защитил докторскую диссертацию, в ЛО Института языкознания.

В конференции приняли участие отечественные и зарубежные лингвисты, коллеги и ученики Ю.С. Маслова, принадлежащие к разным поколениям, которые продолжают и развивают его учение во многих направлениях языкознания. Ю.С. Маслов воспитал около 30 кандидатов и докторов наук, среди его учеников такие видные ученые, как А.В. Бондарко, Г.К. Венедиктов.

Участие в конференции крупных ученых предопределило организацию в структуре этого научного форума нескольких пленарных заседаний, тематика выступлений на которых представляет интерес для исследователей в разных областях лингвистики. На конференции были представлены следующие направления исследований и секции: общее языкознание, история языкознания, морфология, грамматическая семантика, аспектология, славистика.

В докладах, прозвучавших на пленарных и секционных заседаниях, акцент был сделан на развитии идей Ю.С. Маслова в исследованиях современных лингвистов. *А.В. Бондарко* (ИЛИ РАН, СПбГУ) в докладе «Идеи Ю.С. Маслова и современные аспектологические исследования» показал важность трудов ученого по вопросам аспектологии, широту охвата проблем, связанных с функционированием видов, актуальность в сфере современной лингвистики и в перспективе дальнейших грамматических изысканий. Доклад *В.С. Храковского* (ИЛИ РАН, СПбГУ) «Несовершенный вид: опыт реинтерпретации повторительного значения» был посвящен проблеме количества и критериев выделения частных значений НСВ. *М.Я. Дымарский* (РГПУ им. А.И. Герцена, ИЛИ РАН) в докладе «Аспектуальность как категория высказывания» обосновал положение, согласно которому модель высказывания способна выразить любое из «частновидовых значений» НСВ без участия глагольной формы. По мнению докладчика, видовое значение выражается глагольной формой, но требование определенного видового значения и «частного видового

значения» часто исходит из модели высказывания. *Х. Томмола* (Тамперский университет, Финляндия) в докладе «Мой Маслов. Особенности аспектуальности в финском языке» вспомнил обсуждение своего выступления, состоявшееся под руководством Ю.С. Маслова в 1980 г. в кабинете общего языкознания Ленинградского университета. Тогда, 35 лет назад, Х. Томмола сделал обзор показателей аспектуальности в финском языке, у слушателей вызвали интерес некоторые перифрастические конструкции, восполняющие дефицит морфологических показателей аспекта. Поэтому в выступлении на этой конференции проф. Х. Томмола остановился на функциях аспектуально значимых перифрастических конструкций в финском языке.

Х.Р. Мелиг (ун-т им. Христиана Альбрехта, Германия) в докладе «Глагольный вид и отрицание в зеркале видовой теории Ю.С. Маслова» развил введенное Юрием Сергеевичем в славянскую аспектологию понятие «общефактическое значение», употребленное им для описания семантической функции НСВ в болгарском аористе. Ю.С. Маслов различает два варианта НСВ, т.е. когда НСВ в аористе отсылает к обобщенной ситуации и когда НСВ отсылает к индивидуализованной ситуации, но употребляет один термин «общефактическое значение». Докладчик, вслед за М.А. Шелякиным, видит существенную разницу обобщенно-фактического и единично-фактического значений НСВ и предлагает употреблять оба термина. *А. Барентсен* (Амстердамский ун-т, Нидерланды) в докладе «К сопоставительному изучению плюсквамперфекта в современных славянских языках» отметил вклад Ю.С. Маслова в сопоставительную аспектологию, его внимание к анализу переводов как одному из основных методов сопоставительного анализа наряду с методом лингвистического эксперимента. Докладчик высказал предположение, что Юрий Сергеевич приветствовал бы возрастающее в последние десятилетия использование параллельных корпусов, облегчающих сопоставительную работу.

Доклад *И.П. Кюльмоя* (Тартуский ун-т, Эстония) «Семантика и функции перфекта в говорах Западного Причудья» посвящен анализу употребления в говорах староверов этого региона глагольных форм и сочетаний со значением перфекта, т.е., по определению Ю.С. Маслова, глагольных форм (и предикативных сочетаний), в значении которых совмещены два временных плана – предшествующий и последующий. Собранный материал позволил выделить в этих говорах четыре семантических типа перфекта: результативный, экспериментальный, континуативный, имедиатный. Интересны наблюдения над употреблением перфекта с таксисным значением предшествования и значением эвиденциальности. *В.А. Закревская* (Тюменский государственный ун-т) в докладе «Описание функционирования видов глагола в диалектной речи в свете аспектологической концепции Ю.С. Маслова» показала плодотворность идей Ю.С. Маслова в области аспектологии для исследования диалектной речи, а именно при анализе функционирования глаголов разных видов в архангельских говорах.

Ряд докладов на конференции были посвящены связи аспектуальных грамматических свойств глагола с его принадлежностью к определённым семантическим классам, что было впервые доказано Ю.С. Масловым (на материале русского языка) (1948), позже получило развитие в исследованиях З. Вендлера (на материале английского языка) (1957) и других авторов. В докладе *Е.В. Падучевой* (ВИНИТИ РАН) «Классификация Маслова – Вендлера и ее нетривиальные применения» представлено, как применяется акциональная классификация Маслова – Вендлера при решении частной проблемы – аспектуальной характеристики синтаксических актантов союза *пока*.

Е.В. Горбова (СПбГУ) в докладе «Морфология русского вида в концепции Ю.С. Маслова, или возвращение к вопросу: префиксация и/или суффиксация?» вынесла на обсуждение вопрос о противопоставлении СВ–НСВ. Согласно Ю.С. Маслову, это категория словоизменительного типа, а формы СВ–НСВ являются видовыми формами одного глагола только в случае, если формы НСВ являются суффиксальными производными от форм СВ. В академической «РГ–80» принято другое решение: видовая пара – это противопоставление разных глаголов, а категория вида – категория несловоизменительная. В докладе предлагается, с учетом исследований последних лет, иной взгляд: одновременное существование двух функционально близких, но существенно различных механизмов – словоклассифицирующей приставочной перфективации и словоизменительной суффиксальной (вторичной) имперфективации.

В докладе *П.М. Аркадьева* (ИСЛ РАН) и *А.Б. Шлуинского* (Ин-т языкознания РАН) «О роли перфективации и имперфективации в типологии словоклассифицирующих аспек-

туальных систем» рассмотрены аспектуальные системы деривационного типа, т.е. такие, в которых выражение аспектуальных противопоставлений не включено в словоизменительную временную парадигму, а образует отдельную систему, связанную с лексическими классами предикатов. Такие системы представлены в ряде языковых групп – в славянских, балтийских, картвельских, уральских, в языках кечуа и помо, Океании и др. Аспектуальные системы языков существенно различаются как тем, какие типы перфективации и имперфективации в них представлены, так и тем, какие из них выражаются одним и тем же или разными формальными средствами.

Болгарский язык в трудах Ю.С. Маслова занимает одно из центральных мест. *Е.Ю. Иванова* в докладе «Артиклевая система болгарского языка в работах Ю.С. Маслова и современные концепции» обратила внимание слушателей на важные типологические выводы в этих работах о характере грамматических оппозиций в рамках категории определенности / неопределенности, о морфологическом статусе болгарского определенного артикля, на проницательные наблюдения над реализацией артиклевых показателей в тексте. Ю.С. Маслов первым в болгаристике дал типологическую характеристику болгарского определенного артикля, был одним из первых лингвистов, однозначно признавших наличие в болгарском языке неопределенного артикля. Формулировки Ю.С. Маслова, по мнению докладчика, с очевидностью соотносимы с концептуальными положениями современных теорий.

В.М. Мокшенок (СПбГУ) в докладе «Фразеологическое наследие Ю.С. Маслова и развитие его идей» показал, как общеязыковедческие концепции этого выдающегося языковеда оказывают влияние и на те аспекты лингвистики, которые не были предметом его специального исследования. Так, в известной книге «Введение в языкознание», по которой училось не одно поколение филологов, в разделе фразеологии есть очень важная мысль о необходимости специального этимологического анализа, исторических справок при восстановлении утраченной мотивации фразеологизмов. Докладчик считает, что Ю.С. Маслов предвосхитил и тонко подверг сомнению одно из заблуждений некоторых современных фразеологов-русистов, увлеченных реконструкцией языковой картины мира и переоценивающих национальную специфику фразеологии.

Е.В. Головки (ИЛИ РАН, Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, СПбГУ) посвятил свой доклад знаменитому учебнику Ю.С. Маслова «Введение в языкознание», который оказал влияние на формирование научных взглядов нескольких поколений российских лингвистов и сегодня продолжает оставаться одним из основных в преподавании лингвистических курсов.

В кратком обзоре невозможно осветить весь круг проблем, обсуждавшихся на конференции. За три дня было заслушано более 60 докладов, 12 докладов были представлены на постерной секции. Конференция собрала участников – учеников и последователей Ю.С. Маслова – из многих университетских и научно-исследовательских центров России и зарубежья, способствовала широкому обмену научными достижениями, результатами творческих изысканий авторов.

© 2016 г. *З.К. Шанова*

Славяноведение, № 1

ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА: МЕЖДУ МОСКВОЙ И БРЮССЕЛЕМ

В Институте славяноведения РАН прошел круглый стол на тему «Центральная и Юго-Восточная Европа: между Москвой и Брюсселем». Прошел – безо всякого преувеличения – с полным аншлагом, вызвав огромный интерес как у сотрудников Института, так и у наших академических и неакадемических коллег из других научных центров, госучреждений и общественных организаций, политических, дипломатических и культурных кругов. В дискуссии приняли участие ведущие эксперты ИМЭМО РАН, Института Европы РАН,

РГГУ, МГИМО (У) МИД РФ, а также МИД РФ, Дипломатической академии МИД РФ, Совета по внешней и оборонной политике, Торгово-промышленной палаты РФ.

Судя по числу участников и многообразию представленных точек зрения, встреча явно переросла первоначально заданный формат «круглого стола». Причин такого интереса к задуманному как академическому мероприятию, по крайней мере, две. Во-первых, организатор встречи – Отдел современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ) Института славяноведения РАН – представил специально подготовленный к этому событию коллективный труд «Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI в. Аспекты общественно-политического развития». По актуальности работа напрямую перекликается с темой «круглого стола». Детально, на основе громадного фактического материала, не пренебрегая при этом политическими портретами главных акторов, равно как и прогнозом дальнейших событий, авторы раскрыли внутренние мотивы, определяющие выбор внешнеполитического вектора развития ЦЮВЕ. Работа в этом направлении, безусловно, заслуживает отдельного и развернутого комментария. Заметим лишь, что в ходе презентации книги даже перечень поставленных там проблем позволил многим участникам «круглого стола» отметить большую научно-практическую ценность этого труда, который будет полезен всем, кто интересуется регионом: от студентов – до профессоров вузов, от аспирантов – до докторов наук, от бизнесменов, ведущих работу в ЦЮВЕ, – до руководителей профильных госучреждений. Впрочем, подробно о самой книге решено было не говорить – читатель оценит ее сам. Темой дискуссий стало то, что было до и что может произойти после описанных там событий, определение новых тенденций в развитии стран ЦЮВЕ, их отношений с Западом и Россией.

Спровоцировал дискуссии директор Института славяноведения РАН *К.В. Никифоров*, поставив простой, в сущности, вопрос: как теперь геополитически идентифицировать страны, во времена оные так легко вписанные в понятие «восточный блок»? У наших зарубежных коллег на сей счет идут горячие споры на тему кто они: Восточная, Центральная, Юго-Восточная или Центральная и Юго-Восточная Европа? Вопрос не праздный, ибо выводит на поверхность другую проблему: какое место в этом контексте теперь «отводится» России? *Кто виноват*, что ЦЮВЕ оказалась между Брюсселем и Москвой? *И что делать* в этой ситуации? Возможно ли – при каких обстоятельствах и в какой форме – «перезагрузка» в отношениях России и ЦЮВЕ?

Как говорил кто-то из великих остроумцев, история – это собрание фактов, которых не должно было быть. 25 лет, минувшие с бурных событий в регионе, которые мы теперь называем антикоммунистическими – и какими угодно – но революциями, доказывают это вполне убедительно: перефразируя крылатую фразу, невероятно, но факт, это свершилось. Но могло ли этого не случиться? В 1990-е у многих историков ответ наверняка был бы однозначный: это закономерность.

Завотделом современной истории стран ЦЮВЕ *Э.Г. Задорожнюк* взглянула на эту проблему несколько иначе. А случались ли в отношениях Москвы, западных и центрально-юго-восточных столиц некие моменты излома, когда история могла бы развиваться иначе? И, опираясь на архивный материал, ответила: да, была развилка, а не тупик, приведший к некоего рода русофобии, наблюдаемой среди доминирующей части политической элиты ряда стран ЦЮВЕ.

Градус дискуссии нарастал по мере того, как в нее вступали наши гости из МИДа, Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), МГИМО, Торгово-промышленной палаты РФ. Прагматичный и вместе с тем аналитический взгляд наших коллег на проблемы развития региона вызвал такой интерес аудитории, что о регламенте ведения дискуссии на время пришлось забыть. В этом, собственно, и состоит вторая причина, обусловившая успех конференции.

Ф.А. Лукьянов, председатель президиума СВОП, заложил «взрывное устройство» уже в саму тему своего выступления: «Кризис проектов: окажется ли европейская периферия новым центром столкновения». Помимо бесспорной остроты поставленной проблемы в целом, внимание аудитории привлек термин «периферия», напрямую перекликавшийся с темой идентификации ЦЮВЕ и России. А действительно, не являются ли европейской периферией те, кого в самом ЕС называют младевропейцами?

Не обошел тему идентификации ЦЮВЕ и России и замдиректора 4-го Европейского департамента МИД РФ *Л.Г. Абрамов*: «Некоторые зарубежные коллеги предлагают на-

зывать нас Северо-Восточной Европой [...] Но давайте исходить из того, что Россия остается Россией, страной со своим прагматическим мнением и умением защищать свои национальные интересы». Что касается понятия «периферия» в применении к ЦЮВЕ, то Абрамов согласен с этой формулировкой, но с оговоркой: «Но давайте посмотрим, *какая* это периферия». Для детального анализа этой проблемы автор сослался на теорию концентрических кругов Ж. Делора, одного из основателей Евросоюза и идеолога европейской интеграции. Как раз по Делору, мощная волна интеграции в ЕС и НАТО пришла в 2004 г. «Внешняя политика Румынии при Т. Бэеску (2004–2014): цели и итоги» – об этом говорил проректор МГИМО В.Б. Кириллов. Какие внешнеполитические схемы строила Румыния, страна, в исторической традиции которой заложены принципы «независимости и суверенитета»? Можно было бы предположить, что, сохраняя членство в НАТО, Румыния сможет и далее проводить относительно самостоятельную политику, делая ставку на США, страны ЕС (в первую очередь, Францию и Германию), а также Россию и Китай. Между тем, как отметил Кириллов, в первых своих заявлениях (2004) Бэеску использовал формулировку «ось Вашингтон – Лондон – Бухарест». В 2015 г. глава внешней разведки Румынии Э. Хеллвиг перенаправил ось на другие столицы: «Вашингтон – Берлин – Бухарест». Что вполне ожидаемо в связи с приходом нового президента Румынии – немца К. Йоханниса. Насколько устойчива эта конструкция?

О том, как развиваются российско-чешские и российско-словацкие отношения, говорил еще один наш коллега из МИДа – советник Отдела Словакии и Чехии, 3-го Европейского департамента *П.Н. Бобков*. Главный эксперт Отдела двустороннего сотрудничества со странами дальнего зарубежья Торгово-промышленной палаты РФ *Д.Б. Быстров* сосредоточился на том, как взаимодействуют деловые круги России и стран бывшей Югославии. Помимо фактов и неумолимой статистики мы узнали и о том, почему, к примеру, российским ценителям прекрасного вряд ли удастся испить производимого на Балканах любимого вина Понтия Пилата.

Дискуссия, между тем, набирала обороты. По проблемам евроинтеграции (а также дезинтеграции) выступили *Л.Е. Горизонтов*, НИУ ВШЭ (о евроскептиках и евроскептицизме); *Е.Л. Валева*, Исл РАН (о евроинтеграции Болгарии, ее плюсах и минусах); *Ю.А. Буланникова*, МГИМО (о региональном сотрудничестве как инструменте евро- и евроатлантической интеграции ЦЮВЕ). О том, есть ли шанс у Сербии и Республики Сербской на пути в ЕС, размышляла *Е.Ю. Гуськова*, Исл РАН. Балканскую тему затронули также *А.А. Пивоваренко* (Исл РАН) – «Хорватия и НАТО. Особенности взаимоотношений»; *Г.Н. Энгельгардт*, Исл РАН («Российские интересы на Балканах: риски и угрозы»); *А.И. Филимонова*, Исл РАН («Военно-техническое сотрудничество Сербии: между США и Россией»); *И.В. Руднева*, Исл РАН («Новая власть в Хорватии: новый ли политический курс?»); *Е.А. Колосков*, СПбГУ («Албанский фактор во внутривосточном развитии Македонии (1991–2006 гг.)»); *Н.С. Пилько*, Исл РАН («Словения: до и после вступления в ЕС»). Проблемы развития Польши и Венгрии не остались без внимания *В.В. Волобуева*, Исл РАН («Внешняя политика Польши в 1990–2000-е гг. и ее истоки»); *О.Н. Майоровой*, Исл РАН («Президентские выборы в Польше, май 2015 г.») и *Б.Й. Желицки*, Исл РАН («Об особенностях смены общественно-политического строя в Венгрии (1987–1990 гг.)»).

Это – далеко не все о состоявшейся дискуссии, затронутых на ней темах и выступлениях. Начало этой заметки могло показаться пафосным: мол, встреча прошла «с аншлагом». Но постфактум все без исключения ее участники признавались: было интересно. И для аудитории, сочетающей «академиков», мидовцев, политологов и экономистов, это, согласитесь, явление редкое.

Что особенно важно: в том же самом признался директор Института славяноведения РАН К.В. Никифоров. И принял решение: по материалам «круглого стола» будет издана книга.

© 2016 г. *Н.Ю. Калашикова*

CONTENTS

ARTICLES

<i>Duminka I.I.</i> (Kishinev). To the history of the Serbian emigration in Bessarabia in the first half of the nineteenth century	3
<i>Vinogradov V.N.</i> (Moscow). The monarchies of the Romanian Hohenzollern and the Romanov: similarities and dissimilarities	13
<i>Os'kin M.I.</i> (Moscow). Distrustful Entente allies: concerning the Russian-Romanian cooperation during World War One	19
<i>Životić A.</i> (Belgrade). Yugoslavian diplomacy between the Suez and Hungarian crises	30
<i>Ulunyan Ar.A.</i> (Moscow). The after-Prague year 1969: the «Romanian Question» threat as presented by the Soviet military reconnaissance	46

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Volokitina T.V., Valeva E.L.</i> (Moscow). At the dawn of the Soviet Bulgarian history studies. To the centennial anniversary of Ljubomir Valev (1915–1981)	57
<i>Žeňuch P.</i> (Bratislava). Twenty years of institutionalisation of Slavistics as a discipline in the Slovak Academy of Sciences	70

REPORTS

<i>Kashtanova O.S.</i> The Vienna Congress of 1814–1815 and establishing of the Polish army	79
<i>Medovarov M.V.</i> (Nizhny Novgorod). Alexander Kireev and the Russian-Bulgarian relations in the second half of the nineteenth – early twentieth centuries	91
<i>Pihurik J.</i> (Szeged). The truth of the soldiers' diaries and military propaganda in Hungary in 1942–1943	98

REVIEWS

<i>Ulunyan Ar.A.</i> Балканы в европейских политических проектах XIX – XXI вв. Сборник статей / Отв. ред. Р. П. Гришина	106
<i>Shevchenko R.</i> В. Гросул. Молдавское движение до и после образования Румынии (1821–1866)	112
<i>Lykoshina L.S.</i> Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память	117

SCHOLARLY LIFE

<i>Shanova Z.K.</i> International conference «The scholarly legacy and development of ideas of Yuri Sergeevich Maslov»	122
<i>Kalashnikova N.Ju.</i> Central and South-Eastern Europe: between Moscow and Brussels	124

Сдано в набор 01.10.2015 Подписано в печать 02.12.2015 Дата выхода в свет 20.01.2016
Формат 70 × 100¹/₁₆ Цифровая печать Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 1,8 тыс. Уч.-изд.л. 12,0
Бум.л. 4,0 Тираж 170 экз. Зак. 829 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен издательством «Наука»
Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6